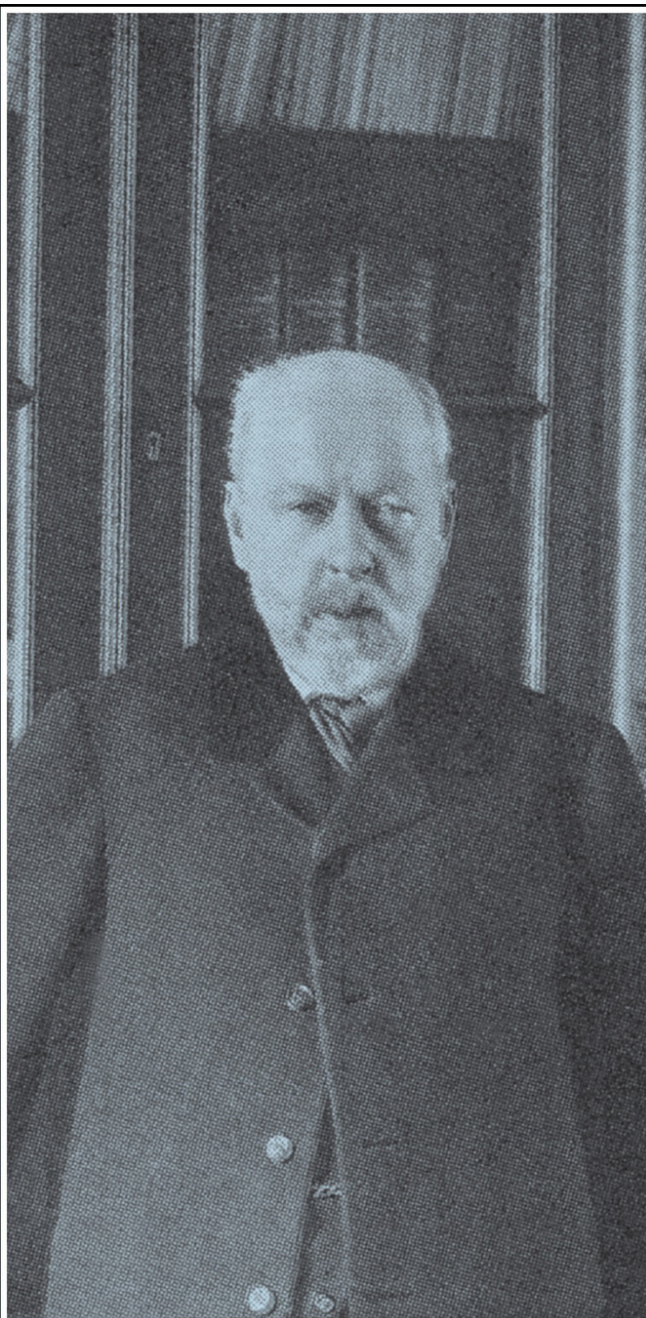

В.П.Мещерский

Письма
к императору
Александру III
1881–1894

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Владимир Мещерский

**Письма к императору
Александру III, 1881–1894**

«НЛО»

2018

УДК 94(47)«1881/1894»
ББК 63.3(2)522ю14

Мещерский В. П.

Письма к императору Александру III, 1881–1894 /
В. П. Мещерский — «НЛО», 2018

ISBN 978-5-4448-1011-8

Внук Н. М. Карамзина, видный журналист и политический деятель князь В. П. Мещерский (1839–1914) в течение ряда лет был другом и доверенным лицом великого князя Александра Александровича, с 1881 г. – императора Александра III. Издательство «Новое литературное обозрение» уже выпустило два тома писем Мещерского к великому князю за 1863–1868 гг. (2011) и 1869–1878 гг. (2014). Впервые публикуемые письма 1881–1894 гг., уже не наследнику престола, а самодержцу, касаются более общих вопросов, напрямую связанных с закулисной стороной внутренней и внешней политики страны. Они содержат ценную информацию об императоре, деятельности министерств и Государственного совета и о разных аспектах русской жизни того времени, а также о самом авторе писем и его газете «Гражданин».

УДК 94(47)«1881/1894»

ББК 63.3(2)522ю14

ISBN 978-5-4448-1011-8

© Мещерский В. П., 2018

© НЛО, 2018

Содержание

От составителя	6
1881	8
1882	12
1883	19
1884	25
1885	97
Конец ознакомительного фрагмента.	159

В. П. Мещерский Письма к императору Александру III, 1881–1894

Александр III с семьей в Крыму. Ливадия. Май, 1893

От составителя

Издательство «Новое литературное обозрение» выпустило уже две книги писем В. П. Мещерского к великому князю Александру Александровичу¹. Настоящее издание писем В. П. Мещерского к Александру III, содержащее письма за 1881–1894 гг., завершает эту публикацию. В это время Мещерский почти не выезжал из Петербурга, и основное содержание его посланий к императору сводится к оценке внутри- и внешнеполитических событий, пересказу последних слухов и рассуждениям о различных назначениях. Рассказы о собственных переживаниях, часто встречавшиеся в его более ранних письмах, здесь отсутствуют, и о своих делах (издании газеты, постановке пьес) он упоминает не часто.

Письма Мещерского сохранились в фонде Александра III в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ. Ф. 677. Д. 105–117, 895–897) и представляют собой наиболее крупную подборку эпистолярного наследия князя.

Общая характеристика В. П. Мещерского и его отношений с великим князем, а затем императором Александром III была дана в предисловии к первому из томов цикла. Ниже только кратко излагаются эдиционные принципы, принятые в настоящем издании.

Публикуемые в этом томе материалы представлены в архиве в виде беловых автографов и распадаются на две части. Помимо обычных писем представлены так называемые «отрывки из дневников», составлявшиеся специально для императора и по форме похожие на дневниковые записи. Главное их отличие от писем – отсутствие обращения (об императоре пишется в третьем лице) и объединение записей за несколько дней в блоки.

Впервые идея о еженедельных посланиях такого рода возникла в 1871 г., когда князь обратился к Александру Александровичу с предложением: «...к концу каждой недели в субботу представлять Вам краткие мемории того, что *за неделю* истекшую было высказано в газетах, в журналах, слышно в общественных толках, чтобы облегчить Ваш труд следить за движениями современной жизни у нас в России»². Однако реализовать эту идею Мещерскому удалось только спустя 13 лет. Рукописный дневник князя Мещерского лишь изредка тематически совпадал с печатным Дневником его газеты «Гражданин», служа как бы его дополнением. Но и в этих случаях текст газеты не дублировался. В рукописи, предназначенной только для глаз императора, князь мог себе позволить многое из того, что по цензурным или иным соображениям никогда не смогло бы войти в опубликованный дневник. В большинстве же случаев рукописный дневник посвящался тем вопросам, поднять которые в печати было просто невозможно.

Первые рукописные «отрывки из дневника» В. П. Мещерского, относящиеся к 1884 и 1885 гг., представляют собой нераздельные блоки с пронумерованными страницами и снабжены содержаниями, составленными самим князем (страницы содержания и вводного письма Мещерским не нумеровались). Для более позднего периода блоки эти сохранились не полностью, содержание, как и сквозная нумерация страниц, в них часто отсутствует. В то же время в архивных делах присутствуют разрозненные записи дневникового типа. В ряде случаев при архивации к ним был составлен перечень, включающий в себя записи, хронологически отстоящие друг от друга (д. 105 л. 1 а, 162, д. 116 л. 1). О позднем появлении этих перечней говорит и несовпадение названий разделов в содержании и написанных рукой Мещерского непосред-

¹ Мещерский В. П. Письма к великому князю Александру Александровичу 1863–1868 / Сост., публ., вступ. ст. и коммент. Н. В. Черниковой. М., 2011. 729 с.; *Он же*. Письма к великому князю Александру Александровичу 1869–1878 / Сост., публ., вступ. ст. и коммент. Н. В. Черниковой. М., 2014. 658 с.

² См. письмо от 1(13) июля 1871 г.: Мещерский В. П. Письма к великому князю Александру Александровичу 1869–1878. С. 394.

ственно в тексте (д. 116): «О студентах и денежных мерах» в содержании (л. 1) и «О студентах и Деляновских мерах» в тексте (л. 39); «В печати о Посьете» в содержании и «О печати и Посьете» в тексте (л. 59).

Ранние Дневники пронумерованы, причем некоторые из них имеют двойную нумерацию: чернилами и красным карандашом. Однако она не совпадает ни с хронологическим порядком написания дневников, ни с нахождением их в архивном фонде. Сохранившиеся надписи на архивных папках позволяют заключить, что эти перечни и нумерация возникли при первоначальном формировании фонда Мещерского из его бумаг, находившихся в Гатчинском дворце. Поэтому присутствующая в делах нумерация нами снята.

Дневники публикуются в хронологическом порядке, принятом нами при публикации писем и записок князя, адресованных Александру III. Время написания большинства Дневников легко устанавливается по указанному автором числу и дню недели, датировка оговаривается только в спорных случаях. Мещерский писал Дневники на сложенных вдвое листах, не вкладывая листы один в другой. Новая запись могла продолжаться непосредственно вслед за предыдущей либо начинаться с нового листа. Дневники писались на плотных листах, для сопроводительных писем Мещерский использовал более тонкую бумагу. Лишь в исключительных случаях она использовалась и для Дневников. При восстановлении хронологической последовательности учитывалась нумерация страниц Мещерским, тип используемой бумаги, размер и способ сложения листов отдельных блоков.

Все вырезки наклеены Мещерским на листы рукописного Дневника, один или два столбца на лист, соседствуют с рукописным текстом и служат его продолжением. Они воспроизводятся в тексте более мелким шрифтом независимо от их авторства. В некоторых случаях Мещерский упоминает о приложенных к Дневникам номерах газет, однако они в делах не сохранились.

Письма и отрывки из дневников князя печатаются в соответствии с современной орфографией и пунктуацией, но с сохранением стилистических и языковых особенностей автора. В частности, оставлено своеобразное написание слов, например «вкарabкиваться», «иллюзионорною», и рассогласование падежей (например, «железный канцлер, уверенный в себя и в свою Германию»). Явные грамматические ошибки и описки автора (двойное написание слов и слогов, пропуск букв), не имеющие смыслового значения, исправлены. Написание прописных букв приведено в соответствие с современными требованиями. Пропущенные и добавленные составителем слова и части слов помещены в квадратных скобках. Также в квадратных скобках указаны инициалы и раскрыты сокращенные автором имена, отчества и фамилии упоминаемых в документах лиц. Все даты, как в тексте, так и в примечаниях, приведены по старому стилю.

1881

№ 1

[30–31 августа³]

Всемилоостивейший Государь!

С самой минуты, когда 30 августа⁴ увидел Вас под ярким солнцем залитым лучами любви к Вам и радости тысячей о свидании с Вами, непреодолимое чувство влечет к беседе с Вами до того сильно, что разум соображений не может победить разума сердца, и дерзновение становится в душе как бы обязанностью.

Куда бы не пошел, с кем бы не заговорил, несомненно одно: везде и все в настоящее время в России в живой зависимости от вопроса: будет или не будет венчание и помазание Вашего Величества на царство⁵. Всякое дыхание жизни в России в общении с этим вопросом: «Кто решится настаивать, кто решится советовать Царю теперь венчаться, кто примет на себя ответственность за последствия такого совета», – так говорят иные.

Таким словам, носящим характер предосторожности, жизнь противопоставляет другие слова: надо, надо как можно скорее дать России зрелище миропомазания и венчания на царство своего Царя, ибо всякое медление в этом священном событии производит в иных смущение, в других ощущение, что свыше нет признавания великой и чудотворной силы Таинства Церкви, в третьих сознание, что сверху нет уверенности в порядке и доверия к народу, и во всех вследствие этого какое-то тяжелое неведение, сомнение, тревожное состояние опасения и смущения...

Кто может взяться за решение вопроса: в котором из сих мнений правда? Никто! Кто может советовать? Никто!

Бог один пошлет Вам на душу, Государь, наитие Своего Разума для решения сего вопроса.

Но прежде чем возглаголет Господь, тот, кто верует в Него и любит Вас, Государь, может, а порою и должен дерзать доводить до Вашего сведения мысли во благо и во славу Ваши, по мере человеческого разумения.

Толков не оберешься. Одни говорят: в Москву поехать надо, но на выставку, а не для коронации; другие говорят: хорошо ли посетить выставку, а отложить важнейшее в той же Москве – коронацию. Привожу эти два толка, как крайности, между которыми много других толков, и можно ли всеми руководствоваться.

Но посреди этих громко, а иногда легкомысленно высказываемых ежедневно людских суждений есть смиренные голоса глубоко верующих в Бога и глубоко Вас любящих людей, которые похожи на шепот молитвы в шуме и громе толпы. К нему нельзя не прислушиваться, ибо там чувствуется искренность и слышится чистота. Об этом-то вдохновенном верю в Бога

³ Год написания письма установлен по упоминанию отложенной коронации Александра III и Всероссийской промышленной и художественной выставки, открывшейся в Москве на Ходынском поле 20 мая 1882 г. (закрыта 15 сентября). Выставка была посвящена достижениям России за четверть века (1855–1880).

⁴ 30 августа праздновались именины Александра III.

⁵ Сроки коронации не были установлены законодательно. От воцарения до коронации Александра I прошло полгода, Николая I – 9 месяцев, а Александра II – полтора года. Коронация Александра III была первоначально назначена на май 1882 г., однако в связи с беременностью императрицы Марии Федоровны она была отложена на год и состоялась 15 мая 1883 г. 1882

и любовью к Вам шепоте я и дерзаю писать к Вам, Государь! Что может, говорят одинокие благочестивые люди, отдалять венчание на царство? Опасения, вызванные непобежденною еще крамолою?

Но, отвечают они, эти самые опасения как проявление неуверенности в порядке и безопасности, не суть ли одна из причин, одна из стихийных сил, поддерживающие дерзкое и преступное дыхание крамолы? Крамола есть мерзость, духовно однако связанная с испорченным обществом: всякое впечатление в этом порченном обществе отражается впечатлением в крамоле. В обществе неуверенность, крамола ободряется, общество ободряется, крамола падает духом, общество испытывает благотворное действие силы и неустрашимости Власти, крамола начинает отпадать от общества и гнить. В России это особенно несомненно. Крамола может при известных условиях дойти до поразительных размеров силы и при других условиях поразить своею ничтожностью, быстротою своего исчезновения, ибо вся ее сила, вся ее уродливая жизнь в полной зависимости от того волшебного, только в России существующего начала Власти, которое в ней, то есть в России, все творит и все решает. Власть видимо сильна, вся Россия оживает вдруг, и крамола от этого оживления России убивается, Власть слабеет, Россия вдруг замирает, и крамола от замирания России получает жизнь.

Не должно отрывать глаза от ужасов пережитого. В них страшно убедительная сила урока. Как только Власть стала считаться с обществом в смысле признания за ним права требовать для мнимого блага России ослабления этой Власти, Власть явилась неуверенною в Себе и за Себя, и с ужасающею силою немедленно из общества, почуявшего ослабление Власти, стала зарождаться и развиваться крамола. И затем, чем лихорадочнее, чем бессвязнее с общим состоянием и течением дел распущенности становились меры борьбы с крамолою, меры, прежде всего проявлявшие сознание себя в опасности, сознание неуверенности в порядке и *в праве* оный требовать, и казни над одними сливались с заигрыванием с другими во имя популярности, и общество все более и более расшатывалось от зрелища нетвердой Власти, тем дерзновеннее и безумнее становилась крамола.

Уже одно то, что ее признали силою равною в борьбе с тысячелетнею Россиею, с вековою Монархическою Властью, дало крамоле адскую дерзость. И обожаемый наш Государь, Ваш Родитель, видимо падая под ударами злодеев, до бесконечности безумных, невидимо, увы, пал жертвою тех людей, которые, не понимая: что такое Россия, что такое Русский Царь для нее и в ней, что такое Русская Церковь, легкомысленно до преступности дерзали советовать Ему, Русскому Государю, не только потому что Он совершил, но и потому что Он был Царем, имевшему силы победить не то что крамолу, но мир весь, дерзали советовать, говорю я, для спасения Власти, ослаблять ее, для спасения России, заставлять ее думать, что у Русского Царя может оспаривать власть [А. И.] Желябов...

Что такое коронация? Для европейских государей это обряд, служащий торжественным дополнением или украшением вступления на престол; это так сказать более или менее пышная церемония. Совсем другой смысл и иное значение имеет коронация в России, для русского народа. Венчание на Царство и соединенное с ним миропомазание есть первое действие вступающего на престол Русского Царя. Это не дополнение, а *осуществление самого воцарения*, осуществление титула нераздельного от титула Царя – Помазанника Божия, оправдание слов: *Божиею милостью* в царском титуле, ибо милость Божия является посредством венчания и посредством миропомазания.

Отсюда понятно важное духовное значение для народа венчания на царство: перед лицом его Царь идет в Церковь испрашивать благодать Божию на царствование и в Церкви получает чудотворною силою миропомазания освящение самодержавной и неограниченной власти. Эту власть Русский Царь преемлет по верованию своего народа только от Бога; следовательно, пока видимого знака для народа нет того, что Бог освящает власть Царя посредством таинства, значение в народе Царской Власти невольно, так сказать чуянием, умаляется. Кроме того важно

значение для народа коронации и тем, что свидетельствует о вере Царя, о признании себя без благодати Божией и без Его силы не в силах царствовать.

Европейские владыки могут медлить, могут даже пренебрегать коронованием. Они царствуют по договорам или вследствие переворотов. Но замедление для Русского Государя венчаться на царство является в глазах верующих русских людей как бы свидетельством того, что Царь не ставит выше всего и прежде всего торжественное обращение к Богу для испрашивания у Него силы, благодати и милости. Значит всякое медление в совершении таинства вносит сверху в жизнь и в душу верующего человека чисто религиозное смущение относительно своего Государя. Обычай последних царствований, соединив с коронацией ряд праздников, ввел медление этим событием целым траурным годом, хотя уже и это не совсем правильно, ибо увеселения не суть неотъемлемая принадлежность венчания на царство, тогда как венчание на царство есть неотъемлемая принадлежность вступления на Русский Царский Престол.

Но затем есть и другое значение у нас венчания на царство, в настоящее время особенно важное. Оно есть торжественное, всенародное, перед Богом и людьми, перед Россией и целым миром *исповедыванье самодержавной и неограниченной власти Русского Царя-Помазанника*, и утверждение оной благодатными таинствами Церкви.

С этой точки зрения медление венчанием на царство в нынешнее время сопровождается важными для Власти неудобствами. С одной стороны, является как бы ежедневный повод ссылаться на факт медления коронацией как на доказательство, что нет уверенности в безопасности для Власти и порядка, что страшно влияет на волнение умов и на усиление смутного беспокойства; с другой стороны через одних умышленно, через других по легкомыслию входит в общество толк о том, что из опасения крамолы и в виду неуверенности в порядке ближайшие советники Царя, будто бы не отвечая за Его безопасность у Престола Божия во храме и в столице России, советуют медлить торжественным подтверждением Самодержавия Русского Государя, то есть первым действием нового царствования, первым и для всего народа важнейшим. Таким образом, тот злополучный факт, что с крамолой считается на Руси Власть Самодержавного Царя, столь роковым образом повлиявший на усиление крамолы и ослабление Власти в минувшее царствование, зарождается в толках, вызываемых медлением коронацией в обществе, при начале нового царствования.

Между тем именно это священное торжество для русского Царя и для его народа является в настоящее время безотлагательно нужным, как единственное средство положить конец беспокойству и сомнениям в обществе, и во всем блеске великого дня освятить для народа Своего Самодержавие Русского Государя.

Наконец в благоговейном шепоте благочестивых людей о сем священном предмете слышатся и такие мысли. Есть два способа обставить святое торжество. Один – по обычаю, и даже более против обычая, в обстановке особенной пышности и великолепия, дабы все умы испытали впечатление блеска и торжественности явления Самодержавного Царя своему народу в день венчания на царство!

Другой способ может сильнее еще первого повлиять благотворно на умы. У многих на душе мысль, что даже торжество венчания на царство не может изгладить в сердце Царевом воспоминания событий, в печали коих Он вступил на родительский престол. Под впечатлением этой мысли слагается в душе другая мысль: какую глубокую силу имели бы для России и во благо Власти такие слова в торжественном обращении Царя к народу, в которых Государь, объявляя о Своем намерении венчаться на царство и испросить у Бога благодать Помазания для царствования во благо и в славу России, не сомневается ни единой минуты в том, что его верноподданные поймут и разделят с Ним те чувства, которые при воспоминании о горе, испытанном Им и Россией, не позволяют Ему с священным торжеством соединять обычные увеселения.

Вот что я слышу в речах людей, честно Вас, Государь, любящих.

От себя да будет мне дозволено прибавить одно воспоминание. В годах моей молодости запечатлелись на всю жизнь в памяти сердца воспоминания из рассказов, со слов самого покойного Государя, о *чудотворном действии* на Него венчания на царство и миропомазания. Все сомнения и беспокойства исчезли: на душе стало светло, ясно и спокойно; смирение вошло в его душу: ощущение Божьей помощи стало ему несомненным; вера в Промысл Его стала несокрушима. Я сам лично об этом чудотворном действии коронования и миропомазания на покойного Государя слышал от Вел. Кн. Марии Николаевны.

О, да, ни на секунду не сомневаюсь в том, что Вас, Государь, ожидает при венчании на царство великое чудо явления над Вами Божией благодати. Вы войдете в храм удрученным, Вы выйдете из него светлым, сильным и непобедимым. Бог воскреснет для нас над Вами, и враги Его и враги Ваши расточатся.

30–31 августа, С.-Петербург

Не подписываю, Государь, ибо Вы знаете по почерку, кто Вам пишет.

1882

№ 2

[12 января]

Всемилоштивейший Государь!

Окончив вполне труд мой вчера, с чувством, не нуждающимся в определении, осмеливаюсь преподнести Вашему Величеству издание царствования Вашего дорогого всем нам Родителя *в картинах*⁶.

Издание это сделано с целью распространить в народе в картинах, по возможности благолепных, верные образы о минувшем царствовании, дабы из рода в род семьи в народе могли беречь и передавать подробности об этом царствовании не в виде фантастически и уродливо сделанных изображений, а по картинам, близким к правде.

Это первый опыт такого издания. Да поможет мне Бог. Я начал оное с известного количества экземпляров в более или менее роскошном виде для лиц высших сословий и вслед за тем предполагал бы приступить к изданию, по цене доступному для народа. Текст написан именно для народа.

С благоговением дерзаю преподнести сие издание Вам, Государь, в смиренной надежде, что снисходительные к его недостаткам, Вы изволите поверить, что я употребил *все* усилия и старания к тому, чтобы недостатков было как можно менее.

О, Государь, из всех мук нынешнего времени самая тяжелая, самая адски мучительная для меня: с душою, ежесекундно рвущуюся к Вам, никогда не сметь даже помышлять о сей великой отраде.

Да хранит, Ваше Величество, Вас Бог!

С благоговением приношу перед лицом Вашим сквозь пространства всегда присущим, всегда осеняемом молитвами и желаниями блага, уверение в беспредельной преданности

Вашего, Государь,

верноподданного

кн. Влад. Мещерский

12 янв[аря] 1882 года

⁶ Речь идет об изданной Мещерским «Истории царствования императора Александра II (в картинах)» (СПб.: Типогр. т-ва «Общественная польза», 1882). Издание включало очерк жизни и царствования императора Александра II, Хронику царствования императора Александра II, Дневник войны 1877–1878 гг., перечень земельных приобретений России в царствование Александра II, 72 «картины» с краткими подписями к ним, а также литографированную карту земельных приобретений в царствование императора Александра II. Книга имела посвящение – «русскому народу и русскому войску, во благо которых двадцать пять лет царствования печалился и трудился Царь-Освободитель Александр Николаевич», была написана доступным языком и представляла собой панегирик погибшему монарху.

Манежная, 2 СПбург

№ 3

12 октября 1882 года

Весьма секретно

Всемиловитый Государь!

Прежде чем дерзать просить Ваше Величество удостоить прочтения приложенную к сему записку, да будет мне дозволено предпослать ей следующие строки. Так как дело, о котором идет речь в записке, связано с моим именем и с именем моего издания⁷, и осуществление его отчасти может зависеть от степени доверия Вашего, Государь, к моей личности, то если Ваше Величество можете допустить, чтобы я, именно я, с душою, пережившею давно бывшее, с душою, пережившею 1-е марта⁸ и живущею теперь, мог даже невольно, необдуманно, обратиться к Вам, Государь, с чем-либо, где личный интерес набрасывал бы тень на святость задуманного дела, тогда предайте, Государь, уничтожению все здесь писанное. Если же, напротив, Бог дозволит, чтобы Вы уверовали, что теперь, после пережитого, могут быть люди, им пере рожденные и живущие только в Вашем трудном и обремененном святыми заботами духовном мире, тогда удостоьте прочитать нижеизложенное, по твердому моему убеждению, достойное Вашего, Государь, внимания.

Впрочем, как Вы изволите усмотреть из прилагаемой записки, одна из главных причин проектируемого начинания заключается в сознании для себя долгом *не доверять* своим силам и своей личности в нынешнее время и в таком важном и священном деле, как отстаиванье интересов порядка и власти пером и печатью. Вследствие этого сознания я делаю попытку устранить от моего издания с одной стороны личные интересы, а с другой все недостатки и слабые стороны, происходившие от единоличного заведыванья охранительным органом печати, тем более нужную, что «Гражданин» есть в Петербурге единственный орган самостоятельно преданный порядку *безусловно*. Имеется в виду из этого журнала сделать орган кружка авторитетных и опытных людей, безусловно надежных^{9,10}, коему как постоянному руководительному совету я принимаю на себя обязанность подчиняться. Одновременно имеется в виду привлечь наибольшее количество талантливых писателей и сделать из «Гражданина» издание с одной стороны выдающееся по живому интересу, богатому содержанию, привлекательным сторонам (сильные статьи, романы, критика, картины), а с другой стороны общедоступное по цене, с шансами на успех между средними образованными сословиями, которое могло бы незаметно

⁷ Речь идет о журнале «Гражданин», который Мещерский издавал с 1872 г. Как чиновник, он не мог связать свое имя с печатным изданием, и редакторами-здателями «Гражданина» в 1870-е гг. последовательно были Г. К. Градовский (1872), Ф. М. Достоевский (1873 и № 1–15 за 1874) и В. Ф. Пуцкович (с № 16 за 1874 по 1879). Последнему Мещерский передал журнал осенью 1877 г. Пуцковичу в качестве издателя не удалось удержать издание на прежнем уровне, и в 1879 г. «Гражданин» был продан на аукционе за 50 рублей. Новый владелец, И. Н. Румянцев, выпустив 2 номера, переименовал журнал в «Луч». Мещерский возобновил «Гражданин» в 1882 г. и даже счел своим долгом вознаградить подписчиков «за ущерб, понесенный ими в 1879 г.».

⁸ 1 марта 1881 г. был убит Александр II.

⁹ Лица эти суть: товар[иш] госуд[арственного] контролера [Т. И.] Филиппов, редактор «Журн[ала] Мин[истерства] народн[ого] просв[ещения]» [Е. М.] Феоктистов, член Совета мин[истра] народ[ного] просв[ещения] В. Г.] Авсеенко, поэт [А. Н.] Майков и редактор «Нивы» [Ф. Н.] Берг. К. П. Победоносцев обещал продолжить иметь высший надзор и помогать советами.

¹⁰ Мещерский ошибся – В.Г. Авсеенко был чиновником особых поручений министра народного просвещения, а не членом его Совета.

и постепенно вырывать читателей у других изданий с сомнительным направлением и служить орудием пропаганды порядка и порядочности против пропаганды и печати беспорядка.

Для осуществления этой безусловно нужной теперь цели потребна *на первые два года* денежная помощь, ибо надо уплачивать большие гонорары писателям и художникам и держать издание в невысокой подписной цене. Частные поддержки неудобны именно для консервативного органа, ибо, ставя оное в зависимость от капризов жертвователей, могут вредить цельности, твердости и строгости направления. Предпочтителен путь прямой и честный *временной* поддержки от правительства, но безусловно и строжайше тайный, дабы ни малейшим намеком не могло быть правительство скомпрометировано в арене борьбы печати с печатью. Как достичь этой тайны и блюсти ее, во избежание печальной участи «Берега»¹¹, изложено в записке.

Затем во избежание малейших сомнений на счет употребления с пользою просимой поддержки, то лицо, которое выдаст мне сумму, положим, министр внутренних дел, получает от меня же отчет в расходах по ней; а редакционный совет контролирует содержание издания и мое перо, и таким образом двойная отчетность, денежная и духовная, являются порукой того, что помощь правительства не компрометируется. А польза для интересов консерватизма может быть огромная. Устроится наконец что-нибудь цельное и прочное *за порядок*!

Засим остается прибавить, что я говорил об вопросе о денежной помощи *только с одним* министром внутрен[них] дел¹². Как сказано в записке: жаль, ужасно жаль не воспользоваться нынешнею минутою – она не повторится – для дружного напора на печать беспорядка. А одинокие усилия, увы, бессильны.

С чувствами, не нуждающимися, Государь, в определении – остаюсь чем был и есмь

Вашего Величества

верноподданный К. В. Мещерский

12 октября 1882 года

Если последует одобрение на сии мысли, и Ваше Величество изволите переслать эту записку к гр. [Д. А.] Толстому, то об одном дерзал только просить: о подтверждении хранить тайну, ибо в ней залог успеха, а в разглашении вред интересам правительства.

Очень секретно

Все говорят о вреде, и страшном вреде, который приносит либеральная или безнародная печать, все говорят о миллионах, потраченных на этот вред в печати в течение двадцати пяти лет, все говорят об опасностях, грозящих власти и России от разнузданности и враждебности к идее Самодержавия этой печати, все говорят о необходимости не только карать печать злонамеренную, но противодействовать посредством усиления печати благонамеренной, но, увы, доселе, с грустью приходится сознаться, *печать беспорядка всесильна и богата, а печать порядка бессильна и убога*.

Мысли, ниже излагаемые, суть опыт из области слов перейти к делу и устроить нечто осмысленное и цельное в виде издания такого, которое могло бы с одной стороны быть органом консервативных начал, а с другой привлечь к себе заманчивыми сторонами возможно большую читающую публику из той части общества, которую теперь увлекают и увлекают разные дешевые, но гнилые издания.

Еще в прошлом году я советовал графу [Н. П.] Игнатьеву сделать две попытки: одну – сельской газеты для крестьян, другую общедоступного журнала, с участием лучших

¹¹ «Берег» (Петербург, 1880) – ежедневная газета, издававшаяся на правительственную субсидию профессором П. П. Цитовичем. Несмотря на большие средства, вложенные в издание, газета не пользовалась популярностью и была закрыта.

¹² Этот пост занимал тогда Д. А. Толстой.

писателей и с картинами и с статьями строго консервативного направления, в подражание распространенному в баснословных размерах 75 000 подписчиков журналу «Нива»¹³, к стыду нашему в руках немецкого подданного. Мысль была такая: незаметно интересным чтением, хорошими рассказами, сильными и прочувствованными статьями, мало помалу производить пропаганду *порядка* и заставлять людей привыкать к звукам консервативной речи так же охотно, как теперь они привыкают к звукам речи либеральной.

Первая мысль о крестьянской газете осуществилась, хотя, к сожалению, далеко не так, как полюбилось бы такое издание народу, который в чтении любит рассказы о святых, о церковном, о царях, о военных подвигах, людях и событиях¹⁴. Вторая мысль замерла.

А между тем она важна и нужна, и именно теперь более чем когда-нибудь. Тогда, представленный самому себе, я решился прежде всего приступить к возобновлению «Гражданина» в виде опыта, дабы знать: 1) есть ли в обществе действительно реакция или склон к порядку, 2) есть ли кружок лиц, на который можно рассчитывать как на ядро для развития из него дальнейшего круга консервативных единомышленников и 3) могу ли я, то есть способен ли я повести дело, за которое берусь? Вопросы эти я очевидно поставлял для того, чтобы иметь данные для будущего, в виду осуществления мысли об общедоступном журнале, замершей в прошлом голю. Опыт дал с января по конец октября несомненно веские данные. Опыт был интересен. Во-первых, возобновлялось издание, вследствие его резко консервативного направления крайне непопулярное и многим ненавистное, во-вторых, возобновлялось издание без личных сил и средств. Произошло вот что. С 700 подписчиков в январе цифра дошла до 1500; ненависть и брань, пробудившиеся снова, доказали, что журнал с идеею *Самодержавия* в основе имеет силу и значение, ибо будь он без силы, не бранили бы! Но рядом с этим, сказалось, увы, и другое. Хотя, благодаря Бога, удалось издание улучшить, но вынужденное неимением средств одинокое ведение дела значительно повлияло в начале на успех издания. Явились такие недостатки и промахи в ведении дела, которые могли бы испортить все начинание, и единственный орган консерватизма в Петербурге уподобить булыжнику медведя в басне [И. А.] Крылова¹⁵.

Но и тут Бог помог. К концу года ряд усилий и трудов привел к образованию известного кружка даровитых сотрудников. «Гражданин» как политическая газета стал на ноги, и если с одной стороны по мере его улучшения усиливается к нему ненависть противников, то с другой стороны зато ясно стало, что на известный процент образованного общества можно рассчитывать и что невзирая на многие мои недостатки и промахи я способен вести дело журнала, но *при известных условиях*.

Главное из этих условий было и есть обеспечение мне и журналу прочного руководства, то есть постоянного состава или кружка авторитетных людей, которым я бы подчинял себя и свое падкое на промахи увлечения перо.

Но как это сделать?

Вот тогда с опытом уже 3/4 года в руках я вернулся, и счел себя в праве вернуться, к прошлогодней мысли об издании общеинтересного и общедоступного, но строго консервативного журнала с *известною* помощью от правительства.

Мысль эта не новая. В 1879 году она осуществилась в виде газеты «Берег»¹⁶. Но именно полное фиаско этого опыта дало точные указания на то, как опасно этою помощью правительства пользоваться неумело, и на то, что следует делать и чего надо избегать, чтобы помощь эта могла оказаться полезною и плодоносною. Опыт «Берега», получившего более ста тысяч

¹³ «Нива» (Петербург, 1870–1917) – популярный иллюстрированный еженедельный журнал (издатель А. Ф. Маркс).

¹⁴ Речь идет о еженедельной газете «Сельский вестник» (Петербург, 1881–1917), с сентября 1881 г. по 1905 г. выходившей при редакции «Правительственного вестника». В начале издания основным содержанием газеты были официальные известия.

¹⁵ Мещерский имеет в виду басню И. А. Крылова «Пустынник и медведь», в которой медведь, охраняя сон пустынника и будучи не в силах прогнать муху, в конце концов пытается убить ее булыжником и проламывает своему другу голову.

¹⁶ Мещерский ошибся: «Берег» выходил в 1880 г.

рублей на год, неопровержимо доказал, что будь сделано все противоположное тому, что он сделал, и что с ним было сделано, получились бы и результаты противоположные, и вместо фиаско был бы успех.

Во-первых, основана была большая, дорогая, ежедневная новая газета. Это была огромная ошибка. Сразу потребовалась большая сумма, сразу потребовалась масса людей, сразу на газету нажились и разорвали на клочки, сразу Цитович, никого и ничего не зная в Петербурге, очутился в самом фальшивом положении: с одной стороны роскошь обстановки, с другой полное одиночество, бессилие, безлюдие и в добавок недостаток подписчиков, ибо цена газеты дорогая: некому подписываться.

Во-вторых, выдававшие субсидию позаботились, кажется, особенно о том, чтобы *все* знали о субсидии; тайны не было никакой, сразу ее разгласили, и кончено: дело погибло.

И что всего хуже, компрометировали правительство во всех отношениях.

Пользуясь сим печальным, но поучительным опытом, я позволяю себе думать, что, делая противоположное, надо рассчитывать на успех.

Во-первых, помочь надо журналу уже старому, обстрелянному, занявшему свое место в жизни и печати. Про «Гражданин» и про меня сказали *всю* брань и ругань, которые имеются в русском языке. Нового не придумаешь. Тем не менее, он завоевал себе и место, и значение, и самые злые враги все-таки признали за ним одно: *честность и самостоятельность убеждений*. Это важное преимущество для издания: оно застраховано от последствий брани и ругани.

Во-вторых, помощь должна быть сравнительно *не большая*, дабы никого не могла своими последствиями поразить и давать повод толкам. Сколько *крайне* нужно для обеспечения журналу безбедности и средств иметь талантливых сотрудников, и *больше ничего*.

В-третьих, об этой помощи никто, кроме Вашего Величества и министра внутренних дел не должны были бы знать, что весьма не трудно было бы достигнуть, так как у министра есть суммы, назначаемые в секретное, ему лично известное распоряжение¹⁷.

В-четвертых, на такую помощь от правительства следует смотреть как на временный *скромный* опыт, ни к чему не обязывающий и только нужный для того, чтобы дать изданию пережить первые 2, 3 года критического для всякого издания периода. Удался опыт, тем лучше; не удался, надо и можно прекратить помощь.

В-пятых, издание должно быть по возможности общедоступное по цене и по содержанию, а не исключительно политическое. Для этой цели я и предполагаю к «Гражданину» еженедельному прибавлять 12 книг *с картинками*, и все это пустить по прежней цене 9 руб. в год. Тогда публика заинтересуется, и тут же будет ее пропаганда.

В-шестых, нужен постоянный Совет редакции, то есть кружок лиц, которые своим постоянным руководством могли бы обеспечивать изданию его стройность, оберегать оное от увлечений, крайностей и промахов моего пера и служить гарантией за целесообразность и производительность испрашиваемой у правительства помощи.

Итак, помощь эта нужна: 1) для доставления возможности значительно улучшить издание и в то же время сделать оное по цене общедоступным, 2) для приобретения постоянного сотрудничества талантливых писателей и художников и 3) для облегчения такому в новом виде изданию возможности пережить *два критические года*.

По приблизительному расчислению поддержка эта нужна на два года в размере *не свыше 3 тысяч рублей в месяц, или 36 000 р. в год*. Если благодаря этой помощи временной преобразованный журнал получит успех, выигрыш для интересов порядка будет огромный, и в России (вряд ли в Петербурге) из читающего общества отвоюется у сомнительных изданий очень крупная часть читателей в пользу издания строго консервативного.

¹⁷ Казалось бы возможным просимую сумму на год прибавить к тем, которые ему отпускаются на известные Его Величеству расходы.

Если – что предвидеть трудно – успех будет недостаточен, то после 2х лет опыта помощь прекращается.

К этим соображениям следует прибавить:

1. Очень значительная часть читающей публики в России – растлеваются и либерализируется и возбуждается против правительства *совершенно против ее воли*; публика эта накидывается на то чтение, которое подешевле, под рукою, и интереснее, равнодушная к тенденции политической; и что же? Это дешевое чтение подносит ей либеральная печать везде и во всех видах, консервативная печать в стороне, ее почти нет, и вот против воли публика испытывает действие противоположительной пропаганды. Ясно, что точно таким же путем, невольным, должно стараться делать пропаганду порядка, предлагая публике дешевое и интересное чтение в хорошем духе.

2. Эта публика в России весьма легкомысленна, поверхностна и добродушна. Она не растлеваются дурной печатью *вглубь*, она только окрашивается ее цветами и привыкает к известным либеральным звукам. Чьи краски и звуки сильнее, тот и воспитывает публику. Пока краски и звуки у вредной печати сильнее. Надо во что бы то ни стало попытаться пускать в публику сильные звуки и краски *консервативные*. Потом, когда все доселе еще поверхностное действие либерализма на публику перейдет глубже внутрь жизни, будет уже поздно делать попытки в пользу интересов порядка.

3. Также публика, кроме того, *малодушна*. На нее вследствие этого сильно влияет и то обстоятельство, что либеральная печать является везде в России во всеоружии и в блеске своего богатства, могущества и многолюдства, а консервативная печать, наоборот, прокрадывается так сказать в сумерках и в жалком виде своего убожества. Допускать, чтобы печать *за порядок* была жалка и смешна в своем убожестве, это большая политическая ошибка. Публику соблазняет и смущает эта разница в пользу печати либеральной, а для правительственных интересов вредно зрелище бессилия и убожества органов, стоящих за эти интересы. Наоборот, вид консервативного издания, обеспеченного материально и блистающего талантами своих сотрудников (наприм[ер], «Моск[овские] ведом[ости]» и «Русск[ий] вестн[ик]»¹⁸ – но они одни во всей России) сейчас же произведет свое магическое действие и перетянет к себе много людей из малодушно обольщенных роскошью печати либеральной. Это неизбежное действие закона так сказать природы человеческой. Эти малодушные душою и инстинктами ближе к миру консервативному, но их тянет к либералам соблазн и смущение при виде убожества партии порядка.

Все эти соображения я представлял графу [Д. А.] Толстому на днях. Он признал многое верным и уважительным; он признал верною мысль о необходимости не только карать печать вредную, но и усиливать печать благонамеренную, когда она честна; но в виду отклоняемых министром финансов всяких сверхсметных расходов признал неудобным личную инициативу в таких вопросах, хотя бы при сочувствии к ним.

Тогда я сказал графу Толстому, что с его ведома я сам представлю о сем моему Государю, и вот, Государь, я дерзаю представить эти мысли на Ваше благоусмотрение.

Какой бы не был их исход, ничто, кроме смерти, не может помешать бороться до изнеможения за святые убеждения, но Вы не поверите, Государь, как жаль, как ужасно будет жаль упустить для борьбы благоприятную минуту, которая не *повторится*; в лагере противников начались расколы и смуты; в обществе сказывается реакция в одних и недоумение в других; число пошатнувшихся в вере в либерализм увеличилось, и наконец, Бог помог впервые образоваться у нас кружку тесно сплотившемуся талантливых и благомыслящих людей, готовых

¹⁸ «Московские ведомости» (1756–1917) – официальная газета (с 1859 г. – ежедневная), принадлежавшая Московскому университету. С середины XIX в. связь эта начинает становиться все более и более номинальной. С 1870-х гг. «Московские ведомости» превращаются в главный орган консервативной националистической партии. В 1851–1855 гг. и 1863–1887 гг. выходили под редакцией М. Н. Каткова. «Русский вестник» (1856–1906) – ежемесячный журнал, издававшийся в Москве (1856–1887; 1902–1906) и Петербурге. В 1856–1887 гг. издатель-редактор – М. Н. Катков.

идти в бой на арену печати: при таких условиях напор в настоящее время хотя одного издания живого и общедоступного в читающем обществе, с направлением *за порядок, за Власть и за церковь* может иметь громадное влияние как доказательство усиления печати порядка и как орудие и начало пропаганды, могущей дать в два, три года несколько тысяч новообращенных ¹⁹.

¹⁹ Александр III ответил на эту записку Мещерского согласием, и «Гражданин» стал субсидируемым изданием. Подробнее см.: Черникова Н. В. Князь В. П. Мещерский и его эпистолярное наследие // Мещерский В. П. Письма к великому князю Александру Александровичу 1863–1868. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 37–38. 1883

1883

№ 4

*Первое мая*²⁰

Всемиловитейший Государь!

Не вникнете в эти торжественные по ожиданию минуты в суд с старым Вашим слугою по вопросу: почему дерзаю писать к Вам? Причины – чувства! Они достойны суда милостивого. Прежде всего имею за многое благодарить Ваше Величество!

Во-первых, за милостиво принятое Вами предложение на счет рассылки по 1 экз. издания Истории царствования покойного Государя²¹ по волостным правлениям. Два месяца назад все 12 000 экз. были разосланы, и так как у меня от данных мне на пересылку денег остались лишние, то я на оные разослал оказавшиеся нужными сверх 12 000 еще 630 книг.

Во-вторых – за милостивое ободрение меня в смиренном труде моего пера.

В-третьих за то, что дозволили мне быть частичкою того моста, который, с Вашей высоты перекинутый в глушь одного из городов провинции, сделал счастливым одного человека Вашим благодеянием²²!

За все сие благодарю Вас, Государь, с чувствами, которые слова вряд ли в состоянии выразить!

Но затем еще одно моление, еще одно желание. В нынешнем году минуло, увы, десять лет с того времени, когда я Вас перестал видеть и перестал слышать. В письме, 10 лет назад возвестившем мне мою участь, было сказано: *«может быть через несколько лет свидимся»*. Я ждал этого дня, я просил его у Бога в молитве, но он не приходил. Теперешнее время необыкновенное время; каждое дыхание его будет скоро по благословению Божию, веянием любви, милосердия и радостного всепрощения! В уединении перед торжеством, в говении перед венчанием и помазанием на Царство среди множества чувств и мыслей пройдут перед Вами и года счастливой Вашей юности воспоминаниями, может быть, хотя одно из них заденет и меня; я не был ни злой, ни дурной, ни бесчестный человек, я был жертвою своего дурного характера, но любил Вас как мог, как умел; быть может тогда воспоминания и чувства, среди многих, которым Вы захотите простить вину, которых Вы захотите порадовать отблеском Вашего торжества святого и великого, выделят и меня, свидетеля Ваших юных лет! Права мои на это желанное счастье ничтожны, заслуг у меня никаких, недостойнство мое то же, но в душе голос тайно подсказывает мне, что я как будто дострадался до этого помилования, выстрадал это желанное счастье. Спутнику Вашей весны да будет сегодня всепрощение Ваше теплым и светлым лучом в холодную и одинокую мою осень! Вот о чем дерзаю молить Вас!

Увидеть Вас, услышать Ваш голос вряд ли должно мне желать. В теперешнее время лучше мне трудиться пока есть силы в моем затворе! Но одного быть может мог бы дерзать желать: чтобы 10 лет назад написанное Вами мне письмо с объявлением мне моей казни не было

²⁰ Год написания этого и следующих двух писем установлен по упоминанию в них коронации Александра III (15 мая 1883 г.) и состоявшегося вскоре после нее возобновления личных отношений Мещерского и Александра Александровича после десятилетнего перерыва.

²¹ См. примеч. 1 к 1882 г.

²² О ком идет речь, установить не удалось.

последним, но чтобы теперь хоть две, три строки от Вас возвестили бы мне Ваше прощение. Никто мог бы об этом не знать. Вы бы могли через К. П. П[обедоносцева] переслать в пакете эти две, три строки в конверте на мое имя. Ни он, ни я об этом не сказали бы никому ни слова! Но Боже мой, как Вы бы меня осчастливили, какой ужасный камень, мучающий меня уже столько лет, свалился бы с души и воскресил меня! Это мечта, это желание, это молитва Вашего старого, жестоко наказанного, крепко страдавшего и всеми силами души любящего Вас и молящегося за Вас – слуги и верноподданного.

К. В. М

№ 5

11 мая

Всемиловейший Государь!

Сейчас получил Ваше драгоценное письмо! Благодарю Вас! Благодарю, благословляя сердце, подвинувшее Вас, благословляя руку, написавшую сии строки. Так светло кругом стало, так облило радостью всю душу, так хорошо стало, что передать и выразить мое счастье не могу, поблагодарил Бога в порыве благодарного умиления! И сколько радостей за раз! Из *Москвы* пришло драгоценное письмо! Оно есть весть о прощении, забвении и мире! Оно возвращает надежду на свидание! Спасибо Вам!

С этим чувством смелее переносишься к Вам, Государь, в эти великие и святые минуты Вашей жизни²³, в Ваше теперешнее уединение и дерзаешь громко думать о том, о чем Вы думаете!

Дерзаешь прийти мысленно и сказать Вам с твердою, все существо проникающею верою в правду своих слов: Государь, много светлых знамений обставляют Ваше трудное на вид шествование по царственному пути, веруйте в оные твердо, и Бог будет с Вами всегда, везде всеслышною помощию, чудотворною охраною и источником радостей и счастья Вашего народа!

Трудно передать вкратце, сколько благих последствий сказалось в жизни уже с тех пор, как Вы, осененные и вдохновленные Богом, избрали настоящий путь, соответствующий нуждам России. Та атмосфера слабоначала, слабоверия и слабовластия, которою дышали сотни тысяч людей в России, стала поразительно наглядно очищаться от миазм, и почти всюду явились во-первых чувство власти и безопасности и смелость говорить за порядок и против безумия политических и либеральных мечтаний. Почва стала тверже у всех под ногами, и воздух стал чище и благотворнее для дыхания. Отовсюду в этот год приходят о том вести самые несомненные. Эпоха начинает переделываться, и ни единое из Ваших действий не осталось без влияния. Зло побеждаться начинает в своем корне, в своих причинах, а это главное; стихии жизни, слагающие разные строи политической жизни, начинают оздоравливаться. Люди видимо отвыкать начинают от либеральных звуков и привыкают к звукам порядка и власти. В нашем кругу литературы это явление особенно поразительно и утешительно. То, что казалось немыслимым, то не только случилось, но принесло уже плоды. Два, три действия и проявления власти, и вот уже теперь несказанное смущение и смятение в так называемой печати либеральной. В главных журналах, воспитывавших 20 лет поколения в России – небывалые явления: сильное умень-

²³ 15 мая 1883 г. в Москве состоялась коронация Александра III.

шение подписки; «Вестник Европы» упал с 8000 до 4000, «Отечественные записки» поговаривают о ликвидации, «Дело»²⁴ с 10 000 упало до без малого 5000, ни одна газета ярко либеральная не идет; везде в редакциях стали бояться власти Правительства, и все это несказанно важно потому, что обозначает внутренний переворот в России. Везде все просят не реформ, а только власти твердой и спокойной.

Вот чудотворное знамение времени. Оно не призрак, о нет, оно поразительно очевидно и понятно.

И люди, избранные Вами в ближайшие советники так верно и мудро, мало помалу начинают заметно приобретать доверие многих, когда-то находивших их имена непопулярными! Их сознают нужными и полезными! В них веруют! И сколько есть и выдвинулось за последнее время людей для работы, которых твердость сверху – преобразила. И есть известный запас честных и способных людей, годных и для подвигов высшего государственного служения.

Словом, Государь, Вас окружает светлый и удивительный воздух самых отрадных и ободрительных веяний, знамений, явлений жизни и предчувствий, и Вы не поверите, как во многих самых разнообразных слоях общества горячо веруют в близость к Вашей душе Бога и в светлые знамения Вашего пути!

О, и Вы, Государь, в это веруете; все коленопреклоненно теперь за Вас молящиеся это радостно предчувствуют!

Но простите, перо увлеклось переполняющими душу мыслями. Теперь людям молчать надо, ибо теперь Бог посылает ангелов Своих научать, ободрять и вдохновлять Вас.

Простите же мне строки эти. Простите мне, что я мог мнить на счет Вашего не злопамятства, ибо не его боялся, а на счет права моего дерзать мечтать и просить о свидании с Вами!

Еще и еще благодарю Вас, Всемиловитейший Государь, за безмерную радость! Дай мне Бог заслужить ее! Вашего Величества с благоговейною и беспредельною преданностью

верноподданный

К. В. М.

Осмеливаюсь просить Вас, Государь, приложенные строки передать Государыне²⁵. Не мог не написать их!

№ 6

14 июля

Всемиловитейший Государь!

Уже месяц прошел с того для меня знаменательного дня, когда после 10 лет мы свиделись в первый раз! Свежо предание, но верится с трудом, ибо общее впечатление было такое: мне показалось, что это был сон со всеми характерными чертами и эпизодами сна чудного, сладостного, но сна: душа переполнена мыслями и чувствами, видишь и слышишь любимое существо, хочется это сказать, рвешься на этом остановиться, тут мелькнут воспоминания, хочется их остановить, хочется глядеть, разглядывать; душе так вдруг хорошо стало; хочется оставаться

²⁴ «Вестник Европы» (Петербург, 1866–1918) – ежемесячный историко-политический журнал умеренно-либерального направления. До 1908 г. редактор-издатель – М. М. Стасюлевич. «Отечественные записки» (Петербург, 1868–1884) – ежемесячный журнал, придерживавшийся леволиберального направления, особенно с января 1868 г., когда его фактическими редакторами сделались Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин и Г. З. Елисеев, арендовавшие журнал у А. А. Краевского. «Дело» (Петербург, 1866–1888) – ежемесячный леволиберальный журнал.

²⁵ Это письмо, написанное на французском языке и датированное 11 мая, сохранилось в ГАРФ в фонде Марии Федоровны (Ф. 642. Оп. 1. Д. 2202. Л. 22–23). Поводом для обращения к императрице стало стремление Мещерского поделиться с ней радостью от примирения с императором. Написанное накануне коронации Александра III и Марии Федоровны (15 мая 1883 г.), письмо наполнено свойственными Мещерскому верноподданныческими восторгами и призывами Божьего благословения на голову монарха.

в этом состоянии долго, долго, впереди кажется стелется ряд этих мгновений непрерывно, но вдруг пробуждение: сон кончился, видения уже нет, голос смолк, и целое море недосказанного душой заволновалось в своем бессилии идти далее; остались одни ласки воспоминаний, для жизни остались только чудные отрывки прерванного сна!

Вот что я испытываю! А что я испытывал, входя к Вам, сидя у Вас, уходя от Вас, как выразить, не знаю. Та же комната, тот же воздух, вдруг раздался тот же голос Ваш, тот же взгляд Ваш, та же улыбка, забушевали воспоминания, загорелось сердце, все прожитое с Вами вдруг воскресло, все пережитое без Вас в эти десять ужасных лет заговорило тоже; там весна, свет, теплынь, ласки беззаботного веселья, здесь повеяло холодом, мраком, и Боже, как забилося сердце от тревожного неведения: как эти два прошедшие встретятся при нашем свидании?

Помню, что при расставании после этого свидания у меня вырвался крик со дна души: не отгоняйте меня совсем от себя прочь! Простите мне, Государь, этот крик. Он вырвался потому, что именно когда пришлось чудному сну прекратиться, еще сильнее стало желание с Вами видиться, говорить с Вами; вырвался он и потому, что нет и не было дня за эти годы, не было часа на дню, когда б не думал о Вас. Мысленно видишь Вас, как одни, под бременем возложенного на Вас Богом непостижимо трудного ряда дней, дел и забот, Вы проходите этот путь, а в то же время хочется и это сказать Вам, и то передать, и этим Вас порадовать, и тем Вас утешить...

Но смеешь ли? Смеешь ли желать, мечтать? И это неведение мучит. Что воскресло от прошлого, от нашего милого, дорогого, для меня священного прошедшего? Сокровище ли его: право душевной речи, или только призрак чего-то неопределенного? Восстание ли это из могилы на мгновение, чтобы в нее вернуться, или воскресение это чего-то хорошего, святого для жизни?

Днями и часами томлюсь я этими вопросами. Зачем? – спросите Вы. Затем, что никогда сильнее, чем теперь, душа не горела жаждою общения с Вами там, где это общение мыслимо, возможно и не сталкивается с особенностями и условиями Вашего настоящего.

Вот почему во мне вырвались эти слова: *не отгоняйте меня совсем от Себя прочь*; я испугался мысли, чтобы светлое давно прошедшее не стало слабее мрачного недавно прошедшего! Простите меня.

Но как и чего дерзать желать? У Вас два дома, Государь: в обоих Вы хозяин. Один дом, видимый для всех, Ваш дворец. Туда мне доступ почти²⁶ немыслим. Там, сдастся мне, места мне как гостю и желать не должно. По роду моей деятельности эта неуместность моя среди лиц, из которых большая часть или незнакома или недоброжелательна, как бы очевидна и даже необходима. От неизмеримого счастья иных Вас видеть, Вас слышать, для блага и пользы моего дела мне должно в мечтаниях отречься!

Но у Вас, Государь, есть второй дом: дом этот душа Ваша. Дом этот невидим. Входить в него можно видимый одним только Богом! Там безопасно от людей и свято от всего суетного, как в церкви! И вот об этом-то доме я дерзаю мечтать и молиться Богу, да откроется он мне. Как часто хочется сообщить Вам что-либо достойное Вашего душевного внимания, прочтешь что-нибудь, хотелось бы и Вам сие указать; услышишь что-нибудь, что узнать Вам очень интересно; является случай, где есть возможность призвать на дорожную, на дорожные вернее, Вашу и Супруги Вашей головы благословения кого-либо лишней раз, словом, как часто бывают минуты, когда душа рвется к Вашей душе в святом и достойном порыве.

Но смеешь ли? Раз посмеешь, а потом убоишься, как бы не наскутить, как бы не наткнуться на отсутствие права душевного общения?

²⁶ Может быть, если позволите, в случаях редких.

Вот пользования этим священным правом, руководимого честью, благоразумием опыта, благоговейным пониманием обязанностей, с этим правом соединяемых, дерзаю в мечтах желать.

Тогда хорошее давно прошедшее для меня выйдет из могилы и оживет; эта жизнь будет подобием монастырского затвора: отречение от света, но полное жизни общение духа с духовною областью жизни.

От времени до времени писать Вам без страха, что надоедаешь Вам, с светлым чувством, что можешь, смеешь быть в общении с душою Вашею, вот то счастье, о котором дерзаю спросить Вас: мыслимо ли оно? Мыслимо ли в этом виде воскресение нашего со дней юности моей и детства Вашего знакомства?

Тут никто кроме Бога нас не видит. Я буду класть письма как всегда в ящик почтовый, а Вы, Государь, если когда-либо удостоите милости и счастья ответа, Вы бы могли пересылать мне письмоцо через К[онстантина] Петров[ича] Победоносцева].

Одно могу обещать: злоупотреблять сим дерзновенно мечтаемым счастьем и правом не буду, памятуя все, что помнить должно.

Простите мне сии длинные строки. Я их пишу сегодня с сердечным лукавством, ибо завтра день моего ангела, одинокий, и бесцветный в моем уединении. Лукавствие заключается в мысли, что, может быть, ради сего праздника луч радости прилетит от Вас в мой уголок и осветит оный в виде записочки-ответа.

Но при этом еще моление. Внемлите ему! Подарите мне Ваш кабинет-портрет с надписью: *16 июня 1883 г.* Быть может, есть вместе с Царицею портрет? Не откажите, Государь!

С глубочайшею и благоговейною преданностью без предела

Вашего Величества

верноподданный В. М

Мал. Италианская, 21

№ 7

[14 декабря]

Всемиловейший Государь!

Простите, что дерзновенно прибегаю к защите Вашего Величества в вопросе, где вменяемые мне г. министром юстиции проступки публициста сталкиваются с самыми для меня заветными, коренными и священными убеждениями верноподданного. Еще в прошлом году г. министр юстиции угрожал мне преданием суду за те статьи «Гражданина», в которых он усматривает оскорбление и поношение судебного ведомства. Я обещал г. министру быть по возможности осмотрительным в отзывах о судах. С тех пор прошло несколько месяцев. Последний ряд судебных эпизодов, смутивших и оскорбивших тысячи и тысячи благочестивых лиц – вызвал в «Гражданине» несколько новых статей против вредного духа в новых судах. Верный своему обещанию, я постарался избегать резкостей, насколько это было возможно, и, не доверяя себе, я *все-таки эти статьи прежде их напечатания отдавал на прочтение*

тому лицу, о котором я писал Вашему Величеству²⁷. Тем не менее и эти статьи вызвали неудовольствие г. министра юстиции и требование подвергнуть меня за них каре²⁸.

Известие это меня повергло в уныние, ибо тут вопрос не личный, а вопрос, от которого содрогаются самые дорогие чувства и зависит впечатление на тысячи людей, ненавидящих новые суды за их дух, враждебный церкви, самодержавию и семье.

Г. министр юстиции усматривает в резких нападках на суды неуважение к правительству.

Дерзаю в опровержение сего мнения сослаться на печальную действительность. Нападками на власть, на правительство, насколько это возможно, дышат все почти органы печати; наоборот, эти же органы печати всегда и везде отстаивают новые суды и судебное ведомство, явно свидетельствуя, что они не считают суды правительством, а скорее чем-то своим, либеральным, чем-то антиправительственным.

Наоборот, единственные два, три органа печати в России, искренно и бескорыстно преданные всецело интересам власти и основам самодержавия – они, и только они непрестанно нападают на суды, потому именно, что видят в них ежедневно так сказать с одной стороны проявления розни с Высшим правительством, проявления неправосудия в угоду лжелиберализму и против интересов Самодержавия, а с другой стороны безответственность нарушителей правосудия. Ясно, что тут кроется печальное и роковое недоразумение. Либеральные органы печати хвалят новые суды за их противоправительственное настроение: их сотни; два, три консерваторские органа печати хулят эти суды за это настроение, и неужели эти два, три органа печати должны быть караемы за то именно, в чем они видят, и не могут не видеть, исполнение своего долга чести и преданности интересам Власти? Ведь эта кара не только не ослабит грехи новых судов, но усилит в них торжество своего могущества и своей безответственности! А затем какое тяжелое впечатление получают в душу читатели этих двух, трех преданных правительству органов печати, когда увидят, что один из них карается правительством за то, что он прямо и твердо нападает на новые суды за их враждебное русскому старому государственному строю настроение!

Смущенная мысль дерзает вопрошать почтительно г. министра юстиции: не полезнее ли в интересах Правительства, прежде проявлений строгости над двумя, тремя органами консервативной печати за их нападки на новые суды, увидеть строгость над этими судами, когда они оскорбляют общественную совесть? Тогда и нападки на суды в консервативной печати прекратятся, ибо тогда, и только тогда, все благонамеренные люди увидят в этих судах правительство.

Еще раз прошу прощения за дерзновенное обращение к Вашему Величеству с мольбою о защите. Часто приходится ощущать себя виновным в промахе пера или грехе мысли, но в этом вопросе дерзаю сказать, что совесть моя чиста!

Вашего Величества беспредельно и благоговейно преданный

верноподданный

Кн. В. Мещерский

14 дек[абря] 1883 г.

Б. Садовая, 12

²⁷ Лицо это К. П. [Победоносцев]. Осмеливаюсь эти статьи, возбуждавшие неудовольствие г. министра юстиции, при сем представить.

²⁸ Упомянутые статьи в публикуемых делах отсутствуют. В конце ноября – начале декабря 1883 г. в «Гражданине» появилось несколько статей, посвященных судам: Перед памятником покойного государя в здании нового суда // Гражданин. 1883. № 48. 27 нояб. С. 1–2; Из залы суда // Там же. С. 10; Сажающие в тюрьму // Там же. № 50. 11 дек. С. 3–6. Однако непосредственным поводом к недовольству министра юстиции Д. Н. Набокова послужила, скорее всего, статья «Судебные вакханалии» (Гражданин. 1883. № 49. 4 дек. С. 4–6). Анонимный автор заявлял, что суд идет против администрации и власти, и в подтверждение своего вывода приводил несколько дел, в том числе два случая оправдания присяжными заседателями сознавшихся в преступлении убийц, и наоборот, приговор о лишении прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение заслуженного, имевшего награды чиновника за присвоение 31 рубля на основании голословных обвинений. Никакой кары «Гражданину» на этот раз не последовало. 1884

1884

№ 8

[11 июня]

Всемилоостивейший Государь!

Прошел год с того счастливого для меня дня, когда после 10 лет разлуки я узрел Вас, я услышал Ваш голос, я получил от Вас разрешение от времени до времени писать! Год минул, и я не писал, не дерзал писать; начнешь писать, остановишься; слова Ваши, выражавшие уверенность в том, что я не стану злоупотреблять правом писать Вам, Государь, приходили на память, и я боялся, не мыслей своих, но нескладности своей речи, увлечений своих, неточности мысли, и останавливался.

Теперь опять берусь за перо. Мне кажется, что, воздерживаясь год от писания Вам, я пробыл в известной школе мысли и слова и обдуманнее предстою пред Вами; а с другой стороны кончился год, за этот год есть что сказать, могущего интересоваться Вас, есть повод и причина писать. И вот, помолившись Богу, пишу.

Но как пишу? В этом вопрос. Пишу так, как будто Вы меня позвали и сказали: ну, Владимир Петрович, садитесь, у меня есть час досуга, и рассказывайте все, что вы за год слышали интересного, не стесняясь формою и не сухо, а так, как бы вы говорили в семье вашей и между порядочными людьми вашего образа мыслей. И вот я так и принимаюсь писать, с душою всецело полною Вами, но в то же время как бы не нарочно для Вас, без обращения к Вам. Благоговение этим не нарушается, но вольнее и оживленнее выходит речь.

**С благоговейною и беспредельною преданностью
Вашего Величества верноподданный В. М**

11 июня 1884 г.

Р. S. Дозвольте мне при этом высказать одно задушевное слово! По причине Вам, Государь, известной, я поставлен был в близкие отношения к товарищу гр. [Д. А.] Толстого И. Н. Дурново²⁹! Не могу, видя 2 года близко, что это за человек, что это за царский слуга, не дать вырваться пред Вами чувству благоговения перед этим человеком. Без преувеличения этот человек отдает из добросовестности жизнь свою труду: 365 дней он работает 18 часов в день и работает за все министерство; при этом высокая честность, светлый ум, доброе сердце и избыток деликатности. И в довершение, как старый военный человек старых преданий и заветов преданности к Престолу без примеси либеральной фальши. Почему же я пишу об этом, спросите Вы, Государь! Во 1) потому, что Вы рады будете сие узнать, 2) потому, что я сердцем чую, что таких людей награды служебные не развешают, а ласковое слово Ваше, проявление участия, проявление того, что Вы знаете о его трудах, при случае, при докладе выраженные, осчастливят, ободрят, и в 3) кто знает, если когда-нибудь понадобится Вам преемник [К. К.] Гроту, например, или гр. Толстому, может быть Вы вспомните об этом прямом, честнейшем и способном прекрасном человеке! Боюсь только, чтобы он не убил себя работою.

²⁹ Через И. Н. Дурново Мещерский получал назначенную ему на издание «Гражданина» субсидию.

И если бы Вы изволили сердечно сказать ему побережь свои силы, может быть он бы Вас, Государь, послушался!

[Приложение:]

12 июня 1884

Хотя очень трудно за год подводить итог прожитому в виде общего и определенного результата, тем не менее на вопрос: что можно сказать определенного вообще о прожитом годе, я бы ответил следующее на основании виденного и слышанного. Поворот к более спокойному и послушному отношению умов к Власти стал виднее и определеннее. Заметно, что привыкать начинают к мысли, что можно довольствоваться властью управляющею, и только, тогда как прежде от власти требовалось, чтобы она прежде всего давала и делала что-либо новое. Этот поворот умов к спокойному образу жизни важный и добрый признак времени. Заметен он, между прочим, в печати. Бесстрастные и твердо безличные отношения к ней правительства заставили печать сделаться спокойнее, сшибли с нее спеси и отчасти успокоили нервы.

Но к сожалению, если в общем состоянии умов заметен поворот к большему спокойствию, отчасти большее спокойствие умов сливается с апатическим состоянием духа значительной части общества. Этой апатии две причины: 1) в общественной и государственной жизни гораздо менее предприимчивости, менее непредвиденного, менее приключений, менее проектов и, если можно так выразиться, менее *азартной игры*, 2) государственная служба стала скупее на чары и миражи блестящих и быстрых карьер, в военном мире в особенности, и эти обе причины вместе, подействовав одновременно на общество, испорченное зрелищем скачек с препятствиями, легкостью карьероделания, расшатанное в своих принципах, утратившее устой и собственный образ мыслей, неизбежно в виде реакции привели к апатии.

Апатия есть вредное состояние духа для государства, это несомненно; надо лечить эту болезнь ума и воли, но в то же время Боже сохрани от мысли лечить апатию политическими пряностями и острыми либеральными кушаньями в виде уступок власти. Тогда начнется или гангрена или сумасшествие общества. Прежде всего надо признать эту апатию как последствие реакции явлением неизбежным и мириться с ним; это историческое явление, которое пройдет постепенно и мало помалу. Во-вторых, разум жизни показывает, что лечить апатию общества можно, но не иначе, как отгоняя жизнь от центра к конечностям, от центра в провинцию. Надо пробудить и создать во что бы то ни стало живые интересы в провинции и всех туда привлекать. В этом, кажется, должна быть задача правительственной политики. Доселе и законы, и правительственные меры, и привычки государственной жизни вели дело наоборот, все здесь сосредоточивать, а провинцию забывать; оттого нет политической жизни вне Петербурга, как нет достаточной дворянской, деревенской жизни. Слабые представители власти и сильные кулаки-эксплуататоры сделали провинцию почти невыносимую для жизни правильной и порядочной.

Но как пробудить и создать провинциальную жизнь? Разумеется, вдруг, почерком пера ничего нельзя сделать. Надо положить только начало новому воззрению на провинцию; надо начать, и начать искусственно, чтобы потом дать жизни и времени продолжать дело естественно.

Но как начать?

Этот вопрос есть, сколько кажется, вопрос государственный: поднять и пробудить провинцию, отвлечь от центра личные силы, привлечь в провинцию лучшие силы, создать интересы провинциальные, местные, деревенские.

Если эта мысль выскажется сверху, то есть самим Государем, то, думается мне, это уже будет началом нового дела, началом новой эпохи. Высказанная ближайшим слугам Государя, высшим правительственным лицам, она наметит новую и главную мысль для общей правительственной политики и затем объединит всех министров в обсуждении вопроса: как эту мысль

осуществить? Прислушиваясь к голосу живых людей, отмечаешь то, что, по их мнению, к пробуждению провинциальной жизни могло бы способствовать.

Например:

1. Восстановление долгосрочного и дешевого кредита для помещиков-землевладельцев.
2. Возбуждение вопроса: не может ли быть дворянским губернским собраниям предоставлено право кредитоваться у казны для покупки дворянских имений в случае их продажи или с аукциона или вольной продажи в *недворянские руки*?
3. Поощрение местных крупных работ в виде построек, сооружений и т. п. на местные средства.
4. Большие пенсионные выгоды для служащих в провинции, чем для столичной службы.
5. Увеличение воспитательных средств, и в особенности кадетских корпусов, в губерниях.
6. Особенно тщательный и новый по духу так сказать выбор губернаторов; уменьшение доступа на эту должность чиновников и усиление доступа дворян-землевладельцев, без различия военных от невоенных.
7. Возвышение губернаторского звания, усиление его материального положения.
8. Прямое поощрение сверху тех дворян, которые живут в своих имениях, например, известные права на воспитание детей своих по истечении известного срока жизни и хозяйничанья в деревне.
9. Усиление прямых знаков Царского благоволения к губернским и уездным предводителям дворянства, заслуживающим одобрения и поощрения честною и полезною службою.

Не лишенною по-видимому практического смысла и остроумия является следующая мысль как средство: 1) заинтересовать провинциальную жизнь обществом, 2) улучшить качество губернаторов и 3) помочь делу пробуждения провинции.

Мысль такая: разделить примерно Россию на три полосы; для каждой полосы назначить 4 месяца в году, в течение которой губернатор, губернский предводитель дворянства и председатель губ[ернской] земской управы должны заседать в особом Совете в Петербурге для участия в решении сообща с правительством текущих дел своих губерний. Совет этот состоял бы под председательством высшего сановника из представителей каждого министерства и из губернаторов, губ[ернских] предводителей и председателей губернских земских управ очередной полосы. В этом Совете обсуждались бы все губернские дела, по которым теперь производится беспощадно сложная переписка или по которым губернаторы бегают, приезжая в Петербург, по всем министерствам, ловя урывками чиновников и сановников. Таким образом в течение года Совет мог бы решать и оканчивать дела всех губерний, от министерств зависящие. Кроме того важно то, что в таких Советах по необходимости проявили бы себя неспособные губернаторы и напротив дельные и способные люди: в переписке неспособный губернатор скрывается бумагою и фразою своего правителя канцелярии, а в таком Совете он должен сам все делать. Надо думать, что такой Совет мог бы помочь улучшению делопроизводства, оживил интересы к провинциальной жизни и облегчил бы правительству трудную задачу искания людей для провинции.

Из текущих дел нынешнего года всего более говорили и говорят об университетском проекте³⁰. Он послужил причиною серьезного разногласия не то что между либералами и консерваторами в среде государственных людей, но между самими консерваторами. К. П. Победоносцев представляет одну сторону; министры [И. Д.] Делянов и [Д. А.] Толстой другую. Предмет разногласия – экзамены: первый, то есть Победоносцев, за экзамены как прежде; вторые за

³⁰ В первой половине 1884 г. в правительстве шло рассмотрение проекта университетского устава, утвержденного Александром III 15 августа 1884 г. Подробнее см.: *Щетикина Г. И.* Университеты в России и устав 1884 г. М., 1976. С. 110–116, 127–145.

экзамены на германский лад, с сторонними экзаменаторами из государственного люда. Трудна по-видимому задача Государя, имеющего решить: кто прав в этом вопросе? Обстоятельство, что Победон[осцев] не присоединился к Делянову и Толстому в вопросе об экзаменах, нельзя считать не важным; первый есть ум государственный, не увлекающийся, ум строго логический, с тонким чутьем: где фальшь. Мнение же вторых, то есть министров нар[одного] просв[ещения] и внутр[енн]их дел, есть в вопросе об экзаменах не столько государственное, сколько увлечение двух теоретиков, весьма узких и чуждых русской практической жизни, [А. И.] Георгиевского и [Н. А.] Любимова. Они из раболепства перед Германиею эту постройку экзаменов перенесли к нам, они же увлекли в эту мысль [М. Н.] Каткова и вот, тут, на практике, если эти госуд[арственные] экзамены применяются, может вот что выйти: сегодня могут экзаменаторы быть беспристрастными, а завтра, являясь из жизненной, чиновничьей и политической среды, они могут ввести в экзамены политическую страстность или тенденцию и сделать из экзаменов орудие борьбы той или другой партии. При нашей неустойчивости, при нашем усердии только в начале и беспечности в последствии можно опасаться, что эти экзамены обратятся в плотину: сегодня прочную и твердую, а завтра плохую, через которую рано или поздно нигилистическая масса может незаметно привилегии проникать в государственную службу успешнее порядочных молодых людей.

Казалось бы возможным и полезным вопросу об экзаменах в виду важности разногласия дать выясниться в совещании министров: вопрос, нужны ли у нас такие госуд[арственные] экзамены, так жизнью и выдвигается на обсуждение! Мало того, жизнь выдвигает другие вопросы: не нужно ли взглянуть на университеты гораздо проще и применить к ним понятие просто высшего учебного заведения и тогда подумать о том: не нужны ли репетиции в течение каждого года, не нужны ли экзамены ежегодно для перехода из курса в курс? Не нужны ли мундиры? Не нужен ли комплект студентов?

Вообще казалось бы нужным, если верить умным людям опыта, не торопиться этим вопросом об экзаменах. Не беда ему в виде проекта лежать до осени, а беда, если эта новинка на рыхлой университетской почве окажется непригодною или того хуже вредною.

Да и вообще верна ли исходная точка проекта? Вызван он сознанием необходимости водворить порядок в университетах. Но чем? Оказывается, вникая в сущность проекта, что университет хотят сделать вольным святилищем науки. Вот исходная точка и средство вернуть порядок.

Но так ли это, верно ли это? Где у нас в жизни элементы вольной науки? Оттого другой взгляд, кажется, тоже заслуживает внимания: не должен ли быть университет строго дисциплинированным высшим учебным заведением?

Все это мысли, о которых много толкуют.

Если возможно в кратких словах выразить, в чем заключается задача нынешнего времени в России, то определяется она такими словами: *согласование теории с практикою*. Можно безошибочно сказать, что прекрасные намерения и прекрасные цели для творчества прошлого периода реформ именно пострадали от избытка теории и от недостатка практической почвы. Теория или фраза погубила Францию при начале первой революции; почему она губительна и опасна, понять не трудно; теория или либеральная фраза не имеет пределов: незаметно поддаваясь теории, очень легко от теории крестьянского счастья, от всесословного или земского хозяйства прийти к теории уничтожения дворянства, а от нее к уравниванию всех сословий под ценз образования, а от этой теории до теории бесполезности Самодержавия один шаг. Этот шаг почти был сделан. Наоборот, царствование Николая I было сильно тем, что оно стояло на практической почве, на почве сознания и познания нужд государства; тут самые нужды указывают пределы для правительственной инициативы и деятельности; тут правительство есть хозяин своего дела; тут нет ни увлечений, ни опасных скачков; узнать, что народу нужно, и постепенно удовлетворять нуждам его – не трудное и благодарное дело, и в то же время когда

на этой почве стоишь, тогда и правительство само и общество ясно сознают, что другого пути для удовлетворения народных нужд кроме Самодержавия нет! Когда же стоишь на теоретической почве, тогда правительство не народными нуждами занимается, а разными вопросами, создаваемыми в головах проектеров и реформаторов, и, занимаясь ими, правительство мало помалу начинает, само того не замечая, отдаляться от народа, не слышит уже его нужд и дает себя забирать в руки и ослаблять тем самым проектерам, проектами которых оно занимается.

Теперь, куда ни взглянешь, с кем ни заговоришь, везде чувствуешь и слышишь общую нужду вернуться к практической жизни и освободиться от ига и гнета теории над жизнью.

Насколько теория сильна, это усматривается прежде всего в финансовой нашей области. Теория финансовая говорит, что российские финансы разорены, что бюджет обременен, что нужно сокращать расходы, что денег нет; практика финансовая, то есть русская жизнь, говорит: Россия вовсе не разорена, но благодаря тому, что правительство дало себя убедить в безденежности, в необходимости уничтожать кредитные билеты, оно сузило рамки своей финансовой относительно России политики до крайней необходимости, отделилось от общения с русскими внутренними нуждами и дало вследствие этого России сделаться в экономическом отношении ареною эксплуатации и наживы хищнической и кулацкой, а правильный, медленный, честный труд, лишившись покровительства правительства, так замер и затих, что можно с первого взгляда это затишье принять за разорение.

Но завтра вся экономическая жизнь в России может пробудиться и вступить на путь возрождения, если практика финансовая возьмет над теорией верх. Практические люди говорят так: Россия обременена внешними займами, это правда, и не только материально, в виде разорительных платежей золотом, но и нравственно, в виде доказательства недоверия правительства к своим внутренним обязательствам и к своим собственным государственным производительным силам; но Россия же может покрывать все расходы правительства в самых широких размерах, если оно, то есть правительство, свой собственный кредит, и кредит торговый, и кредит промышленный, начнет очевидно для всех и твердо основывать на внутренних займах, на поощрении правильного земледельческого помещичьего труда, на покровительстве всем видам промышленности, на сооружениях внутри России, на пробуждении всеми мерами провинциальной жизни. Один очень умный практик-финансист [И. А.] Вышнеградский, обсуждая последние наши внешние займы, высказал мысль весьма остроумную: не лучше ли вместо внешнего займа, когда нужны деньги, поступать казне так: выпустить столько, сколько нужно кредитных билетов, но в то же время ежегодно, и притом с известною торжественностью и в присутствии известных сословных свидетелей и с оповещением всенародным, складывать в особое хранилище в виде обеспечивающего фонда известное количество миллионов рублей золотом. На первый год быть может от выпуска кредитных билетов и от неудовольствия Берлинской биржи курс наш упадет, но зато как только все в России увидят, что казна ежегодно аккуратно откладывает в обеспечивающий фонд всю ту же сумму, и что фонд растет, доверие к казне станет внутри России ежегодно увеличиваться в геометрической прогрессии, и неизбежно вследствие этого курс наш должен будет подниматься.

Мысль эта оригинальна и дышит практичностью, но если ее высказать перед министром финансов, он, конечно, засмеется, ибо она совсем не сходится с финансовою теорией. И вот все подобные мысли, из практической жизни исходящие – встречаются в лагере финансовых теоретиков полное недоверие, и наоборот, все финансовые теории, применяемые к делу, встречаются на практике внутри России тоже недоверие. И выходит что же? Выходит нечто аномальное: правительство финансовое почти вовсе не участвует во внутренней экономической жизни России, а внутренняя жизнь России вовсе не участвует в финансовой политике правительства. Что же нужно, является вопрос. Люди практические говорят, что нужно уравнивать и согласовывать теорию с практикою в финансовой области русской госуд[арственной] жизни. Такой честный, аккуратный, добросовестный и осторожный министр финансов

как [Н. Х.] Бунге есть своего рода клад для правительства, но в то же время рядом с ним должно, по мнению практических людей, желать участия и другой стороны, стороны экономической практики. Но как это сделать? В ответ практические люди указывают на необходимость учреждения и действия особого министерства торговли и промышленности, которое являлось бы правильным противовесом Министерству финансов, не как противник его, но как *другая сторона* в каждом вопросе, где интересы финансовых операций должны быть выслушиваемы наравне с практическими внутренними нуждами России. Тогда явится спокойная, законная и постоянная арена для спора между финансовою теориею и финансовою практикою на глазах у правительства, вместо нынешнего глухого и скрытого антагонизма, и правительству несравненно будет легче справляться с государственными задачами. Например: правительство не может не сознавать настоятельной нужды в своих интересах увеличить содержание войск или строить громадную линию Сибирской жел[езной] дороги. В обоих вопросах теория финансов говорит: нет денег, и кончено! Практика же финансовая в виде министерства торговли и промышленности могла бы сказать: деньги есть, и указать на средства удовлетворять государственным нуждам, прямо, открыто, легально, с ответственностью перед правительством и государством, и правительство, имея два мнения, могло бы легче решать, чем при необходимости сообразоваться с одним мнением. Люди как [Н. А.] Новосельский, Вышнеградский могут оказать громадную услугу правительству своим практическим несомненно государственным умом, и кто знает, допущенные *конкурировать* с умами другого лагеря, лагеря финансовой теории, эти практические умы могут на легальной почве много помочь своими мыслями и сведениями³¹.

№ 9

[24 июня³²]

При сем дерзаю приложить маленький рассказ, выписанный из одесских газет.

Убеждение, что если Вы изволите прочесть этот рассказец, Вы захотите проявить Ваше Царское и человеколюбивое сердце, дает мне смелость рассказ доставить Вашему Величеству.

Смею полагать, что сию выписку, сделанную для «Гражданина» мною из Одесской газеты, можно было бы через Мин[истерст]во внутр[енних] дел проверить, и если сие известие справедливо, то Боже, сколько можно добра сделать несчастной семье ВАШИМ именем, и какое прекрасное действие будет иметь такое Царское деяние на всех!

К. В. М

Выписываю из газет.

«Редкий случай самоотвержения сообщает “Одесский вестник”:
В последних числах мая от удара грозы в селении Кандель Одесского уезда загорелся дом, в котором помещалось волостное правление. Огонь быстро перешел и на соседний дом учителя Шнайдера. В момент общей паники кто-то крикнул, что в горящем здании правления осталось двое детей волостного писаря. Каждую минуту можно было ожидать, что крыша здания

³¹ Это письмо изобилует предложениями Мещерского по оздоровлению государственной и, в частности, провинциальной жизни. Однако все они (за исключением проекта Дворянского земельного банка, уже разрабатывавшегося в правительстве) были оставлены без последствий.

³² Это и следующее письма датированы по дате публикации в «Гражданине» выписки из «Одесского вестника»: Гражданин. 1884. № 26. 24 июня. С. 24. Дневник за 21 июня.

обрушится; маленький же домик Шнайдера уже весь был объят пламенем. Никто из толпы не решался идти на верную смерть, чтобы спасти малюток-детей писаря. Сам писарь и жена его отсутствовали. Толпа, оцепеневшая от ужаса, заколыхалась, когда увидела чью-то фигуру, быстро вскочившую в дверь горевшего волостного правления. Едва фигура скрылась в облаках дыма – крыша здания обрушилась. Оказалось, что это был учитель Шнайдер, бросившийся спасать детей; его вытащили из-под горевших бревен чуть живого и отправили в Одесскую больницу, где он, промучившись сутки, умер. Детей писаря в горевшем здании не было: они сами выбежали из дома, когда завидели огонь, и затерялись в толпе. Покойный Шнайдер прослужил сельским учителем 28 лет и, спасая чужих детей, осиротил свою семью, оставив жену и пятерых детей безо всяких средств к жизни и даже без крова».

Выписываю с мыслью, что может быть из читателей «Гражданина», всегда отзывавшихся на все доброе и благородное, найдутся такие, которые пожелают послать *семье* доблестного героя *Шнайдера* пособие, по мере средств, чтобы в то же время почтить память погибшего мужа и отца.

Адрес: *Одесса, уездному исправнику, для передачи вдове кандельского учителя Шнайдера.*

№ 10

15 июля

Всемиловейший Государь!

Почти никогда не осмеливаюсь Ваше Величество беспокоить просьбою прочесть одну из моих статей «Гражданина», считая себя того недостойным, но на этот раз, веря в правду моих мыслей и предчувствуя, что Вы удостоите сочувствия мою статью в ответ на нападки «С.-Петербургских ведомостей» на мои статьи, дерзаю умолять Ваше Величество прочесть прилагаемую здесь статью³³. Вопрос университетского устава столь важен в государственном смысле, что любящий свое Отечество и преданный Власти не может, пока Ваше решение не последовало – не говорить о нем.

³³ Этой статьи в архивном фонде нет. По всей видимости, Мещерский имел в виду статью «Наш ответ на энциклики “С.-Петербургских ведомостей”», помещенную в № 29 «Гражданина» от 15 июля 1884 г. Поводом для выступления «С.-Петербургских ведомостей» стала большая передовая статья «Гражданина» «По поводу университетского устава» (Гражданин. 1884. № 26. 24 июня. С. 1–5) и Дневник за 25 июня (Гражданин. 1884. № 27. 1 июля. С. 18–19). Лето 1884 г. было временем, когда окончательно решалась судьба нового университетского устава. Александр III долго колебался между мнениями большинства и меньшинства Государственного совета и в конце концов утвердил последнее. 15 августа новый устав стал законом (Полное собрание законов. Собр. 3. Т. 4. 1884. № 2395). Статьи Мещерского были попыткой предотвратить это решение императора. «С.-Петербургские ведомости», поддерживавшие устав, ответили «Гражданину» двумя передовыми статьями: «Два мифа об университетах прошедшего и будущего» (1884. № 186. 8 июля) и «Чудный сон и гадкая действительность» (1884. № 190. 12 июля). «С.-Петербургские ведомости» выступали против «изобретения» Мещерским «типа» Николаевского университета, в котором якобы царили дисциплина и порядок и все студенты обязаны были учиться. С точки зрения «С.-Петербургских ведомостей», Николаевский университет, как и более поздний Александровский университет, – видоизменения одного и того же типа немецкого университета, где «интересы науки и учения поставлены на задний план» и студенты имеют полную возможность не учиться, даже при существовании внешней дисциплины (№ 186). Второе утверждение Мещерского, вызвавшее возмущение «С.-Петербургских ведомостей», сводилось к тому, что с отменой переводных экзаменов студенты будут предоставлены самим себе, вообще перестанут заниматься и лишь в конце университетского курса будут стараться всеми правдами и неправдами сдать государственный экзамен. Единственный выход князь видел в радикальной переработке устава, сокращении числа студентов (а заодно и готовящих их гимназий), повышении дисциплины. «С.-Петербургские ведомости», напротив, заявляли, что новый устав обеспечит контроль над занятиями студентов в течение семестра, а предложение Мещерского называли гимном обскурантизму, не заслуживающим внимания. Статья «Наш ответ на энциклики “С.-Петербургских ведомостей”» представляла собой новое разъяснение Мещерским своей позиции.

Я послал по городской почте первый опыт письма к Вашему Величеству. Не знаю, дошло ли оно до Вас, Государь, и одобряете ли Вы форму и образ изложения. При письме было моление на счет семьи героя пожара в Одесском уезде. Дерзаю, зная Ваше сердце, о сем необыкновенном случае напомнить.

И еще дерзну. Сегодня я именинник. Если сие возможно, подарите мне через Конст[антина] Петров[ича Победоносцева] несколькими строками ответа. Так давно не слышал Вашего дорогого голоса, так давно не видел Вашего дорогого почерка.

А если многого слишком прошу, простите, Государь!

Всегда с глубоко благоговейною преданностью

Ваш, Государь, верноподданный

К. В. М

№ 11

22 октября³⁴

Всемиловейший Государь!

Вот я опять в своем одиночестве, перед своим письменным столом, в центре нашего гадкого Петербурга, – но мне легче дышится, светлее смотрится, теплее на сердце, душа точно моложе, и всем этим я обязан Вам, добрый Государь; оттого перо беру в руки смело и знаю наверное, что не наскучу Вам словами благодарности за получасовое свидание после 15 месяцев разлуки! 15 месяцев это много для почти старика как я, знающего, что впереди уже не жизнь, а остаток ее, хотелось бы, чтобы промежутки были чуть-чуть чаще, но и тут есть хорошая сторона: чем реже благо, чем реже радость, тем оно ценнее, тем глубже врезывается в душу каждая минута прожитого счастья. Но не это одно делает дороже наше свидание с большими промежутками. Мне выпала доля немногих невольно сравнить Вас 15 месяцев назад и Вас, Государь, теперь, сегодня. И от этих впечатлений благоговейно радуюсь; много, много сказали душе Ваша царственная возмужалость, Ваше просветлевшее чело, Ваш прояснившийся и успокоенный взор! Хорошо было мне их видеть, их увидеть, их запечатлеть в душе, и лучше с ними перед глазами теперь мне живется, – спасибо, спасибо Вам, Государь, за эти радости, за эти минуты.

Вы были так добры и милостиво внимательны спросить о судьбе «Гражданина». Подробно поговорить о нем я не мог и не смел. Но есть несколько мыслей, просящихся быть в откровенной беседе высказанными. Ежедневно благодарю Бога за доказательства того, что не недостойно просил Вашей помощи для этого дела; в прошлом году явилось значительное усиление числа читателей; в нынешнем году трудно было еженедельному изданию ожидать увеличения подписки, но зато, как я писал Вам, «Гражданину» удалось прошибить петербургскую

³⁴ Год написания письма установлен по упоминающейся в письме аудиенции, состоявшейся после полуторогодового перерыва.

броню и *удвоить* в Петербурге число подписчиков, а главное, удалось приобрести замечательно умных и дельных сотрудников в провинции; год назад приходилось двум-трем нам наполнять номер; теперь не хватает места для помещения всех статей, так сильно увеличился контингент сотрудников в провинции. «Гражданин» видимо входит в связь с разными центрами умственной жизни, и процесс проявления к нему внимания в России в нынешнем году сравнительно с прошлым стал не в сто, а в 500 раз больше! Это глубоко отраднo!

Но есть одна печальная сторона. Несомненное усиление значения «Гражданина», как органа правды и порядка, усилили к нему ненависть в печати либеральной, петербургской в особенности, до размеров невообразимых и чудовищных. Заговор замалчивания «Гражданина» Петербургом – явление феноменальное. Его никогда не называют: его мысли берут как темы для страстного спора, но *никогда* не произносят имени «журнала». До смешного доходит эта злобная политика замалчивания, этот страх помочь успеху «Гражданина» хотя бы спором. Разумеется, в этом слишком явно видится признание врагами «Гражданина» за ним силы, но все-таки тяжел, очень тяжел этот новый фазис испытаний, ниспосылаемых труженикам «Гражданина». Не для самолюбия тяжело, самолюбие, Бог с ним, а тяжело потому, что мешает делу распространения журнала с очень умными сотрудниками в Петербурге. Но почему я смею так долго говорить о сем с Вами, Государь? А вот почему. Потому, что есть возможность пособить горю. Прежде, когда я был неосторожен в словах, увлекался, не опирался на достаточный круг надежных сотрудников, я не смел просить Вас о сем, ибо должен был бояться компрометировать. Но теперь, когда я подчинился контролю К. П. [Победоносцева], стал осторожнее и разбогател сотрудниками, дерзаю просить и умолять Вас, Государь, при случаях, к слову, упомянуть о «Гражданине» при министрах, Великих Князьях, дабы слагалось впечатление, что Вы уважаете этот журнал и интересуетесь им. Я убежден, что два, три слова, мимоходом Вами пророненные, будут иметь благотворную силу на судьбу «Гражданина» в известных сферах Петербурга³⁵. В остальном Бог поможет. Мы же не посраим святости просимой у Вас малой доли внимания! Не бойтесь, Государь! Еще и еще благодарю Вас!

К. В. М.

№ 12

[19 ноября³⁶]

Всемиловейший Государь!

Осмеливаюсь, согласно данному мне позволению, при сем представить листы *Дневника* за 3 недели мною веденного. Писал его как будто не имея в виду, что пишу его для Вас, Государь, а прямо, под влиянием чувств и мыслей дня или минуты. Многое, быть может, сказано сгоряча, иное недосказано, иное быть может глупо, неумело, но за одно ручаюсь: ни в единой строке не покривил душою, ни в одной строке не уклонился от правды в впечатлениях и мыслях.

³⁵ В 1880-е гг., как и в более ранний период, отношение к «Гражданину» со стороны других органов печати, а также большинства читающей публики было довольно пренебрежительным, однако данное заявление Мещерского о замалчивании издания лишено оснований. Его журнал постоянно упоминался в самых разных органах печати, главным образом для опровержения высказанных им суждений. Император не оказал Мещерскому просимую помощь. Более того, в разговорах с приближенными Александр III отрицал, что встречается с князем, и подчеркивал, что «Гражданин» не читает (см.: *Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. М., 1966. Т. 2. С. 463. Запись от 27 декабря 1892 г.*).

³⁶ Год написания письма установлен по дню недели. Судя по сохранившейся авторской нумерации страниц, этот дневник при формировании архивного фонда попал в два дела – 108-е (сопроводительное письмо от 19 ноября, записи 22 октября – 12 ноября) и 111-е (содержание и записи 13–18 ноября).

Нескладное и неумелое простите, Государь, и, если сия форма изложения Вам нравится, то я полагал бы каждый понедельник присылать Вашему Величеству такой Дневник. Об одном только просил бы: о *тайне* сего Дневника. Я никому не говорил о сем, и только под этим условием моя искренняя нараспашку речь может пригодиться. Не правда ли?

С благоговейнейшею преданностью Вашего Величества

верноподданный К. В. М.

Понедельник 19 ноября

Р. С. Я даже не говорил о Дневнике К. П. П[обедоносцеву], а сказал ему, что готовлю и посылаю через него Вам выписки из «Гражд[анина]» о путешествии по России.

На днях доставлю Вам замечательный и блестящий труд [В. В.] Крестовского о состоянии анархической пропаганды и об отношении ее к народу в *Весьегонском* уезде Тверской губ. Это поразительно интересная картина³⁷.

[Дневник 22 октября – 18 ноября 1884]

Оглавление Дневника

- 22 октября О свидании в Гатчине
- 23 октября О Кахановск[ой] комиссии³⁸
- 24 октября Об анархистах
- 25 октября Об Старобельск[ом] уезд[ном] предвод[ителе]
- 26 октября О кадетск[ой] моск[овской] истории
- 27 октября Еще о Кахановск[ой] комиссии
- 28 октября О духовенстве
- 29 октября Стихи о тайн[ом] советн[ике]
- 30 октября О военном мире
- 31 октября О полтавск[ом] губернат[оре Е. О.] Янковском
- 1 ноября О кадетск[их] корпусах
- 2 ноября О 1 департам[енте] Сената

³⁷ В 1884 г. в «Гражданине» печатался цикл писем И. И. Колышко «Из путешествия по России» (№ 33–51. 12 авг. – 16 дек.). Писатель В. В. Крестовский в 1884 г. был причислен к Министерству внутренних дел как чиновник для особых поручений. В этом качестве он совершил два путешествия по России – по Тверской, Тамбовской и Владимирской губерниям для ознакомления с деятельностью земств и для осмотра промышленных и торговых центров России. Помимо служебных записок, итогом этих путешествий стали два цикла статей, опубликованных в «Гражданине» – «Промышленные и торговые центры России» (Гражданин. 1885. № 24–46. 28 марта – 13 июня) и «Под владычеством земства. (Очерки современного состояния крестьянства.) По Тамбовской губернии» (Гражданин. 1885. № 50/51–80. 30 июня – 10 окт.). В 1884 г. циклы статей Крестовского в «Гражданине» не печатались. См. также письмо от 27 августа 1885 г. (№ 18 настоящей публикации), где Мещерский упоминает о поездках Колышко и Крестовского по России в 1884–1885 гг. и характеризует их работу как корреспондентов.

³⁸ Кахановская комиссия – распространенное название Особой комиссии для составления проектов местного управления, председателем которой был М. С. Каханов. Комиссия была создана 20 октября 1881 г. для разработки проекта нового устройства местных (губернских и уездных) административных учреждений. К октябрю 1883 г. проект был подготовлен и в следующем году поступил на рассмотрение Кахановской комиссии. К тому времени состав ее значительно изменился за счет привлечения местных деятелей. В результате в комиссии сложились две группы: так называемые «либеральные бюрократы» (в основном петербургские чиновники) поддерживали проект, который предполагал довольно большие изменения в местном управлении в либеральном духе. Вторая группа, одним из лидеров которой был алатырский уездный предводитель дворянства Симбирской губернии А. Д. Пазухин, состояла в основном из представителей местных органов и выступала за восстановление дворянского сословного самоуправления. Столкновение этих двух групп привело к значительной корректировке проекта, хотя его либеральная направленность сохранилась. Это обстоятельство, а также повышенное внимание к работам комиссии в обществе стали причиной доклада 22 февраля 1885 г. министра внутренних дел Д. А. Толстого о деятельности Комиссии и распоряжения императора о завершении ее работы в двухмесячный срок. 11 апреля состоялось последнее заседание Комиссии, и 1 мая она была закрыта.

- 3 ноября О безденежьи
- 4 ноября Об уездн[ых] предвод[ителях] дворян[ства]
- 5 ноября О свидании с Государынею
- 6 ноября О словах неловко и неудобно
- 7 ноября О влиянии Петербурга на людей
- 8 ноября По поводу выстрела в [П. А.] Морица
- 9 ноября Что теперь читают?
- 10 ноября О Сибирск[ой] жел[езной] дороге
- 11 ноября О министр[е] юстиции
- 12 ноября О речи мин[истра] юстиции
- 13 ноября О нужде в Минист[ерстве] промышленности и торговли
- 14 ноября О Кахановск[ой] комиссии
- 15 ноября О проекте Поземельн[ого] банка
- 16 ноября О высших женск[их] курсах
- 17 ноября О моск[овских] дворянск[их] выборах
- 18 ноября Дневные впечатления

22 октября. Понедельник

Г[осударь] дал мне милостивое и радостное позволение писать дневник, имея в виду, что Он его будет читать. Спасибо Ему. Сегодня виделся с Г[осударем]. Много хотелось сказать, но с одной стороны волнение, а с другой – время. Эти 20 минут прошли как минута. Отрадно было слышать от Г[осударя], что Он сочувствует моим мыслям о помещиках, Он прибавил, что поручил министру финансов³⁹ разработать проект кредита для помещиков и вообще землевладельцев. Дай то Бог. Необходимо, чтобы Г[осударь] торопил министра финансов, то есть выказывал нетерпение и близкое участие к этому делу, ибо дело сие не в министре финансов, а в сильной и могущественной жидовской партии банкиров и поземельных банков в губерниях, которые всеми неправдами и силами хотят тормозить это дело кредита для помещиков. Им ненавистна идея поднятия дворянства, ибо они чувствуют, что с поднятием дворянства сильнее станет Самодержавие, и дальше уйдет замысел конституции, то есть жидовского полновластия. Крайне необходимо также, чтобы кредит для помещиков был как можно *долгосрочнее* и как можно дешевле. Увы, то, что выработал мин[истр] фин[ансов] solo-векселя⁴⁰, то почти недоступно для помещиков, во-первых, по краткости срока займа, во-вторых по множеству формальных затруднений, коими оно обставлено. До 1861 года был заем в Опекунском совете для помещиков под залог душ. Душ теперь нет, но условия займа 37 лет могли бы служить и теперь для устройства кредита помещикам. Смел бы думать, что отлично было бы, пользуясь теперь присутствием очень практически умных людей, прибывших из России для Кахановской комиссии, предложить министру финансов воспользоваться этими людьми и из них составить комиссию с членами от мин[истерства] финансов для разработки в эту зиму проекта кредита для помещиков и вообще для поднятия помещичьего благосостояния! Могла бы выйти вещь блистательно и практически хорошая.

Вторник 23 окт[ября]

Виделся с одним приезжим кахановцем. От него узнал, что разлад между приезжими и петербургскими кахановцами все становится сильнее и яснее. Теперь очевидно, что они сойтись не могут, ибо расходятся в главном, в основах. [М. С.] Каханов сам умный и даровитый человек, но он идеал петербуржца-бюрократа; для него практика жизни в России – мерт-

³⁹ Н. Х. Бунге.

⁴⁰ Соло-векселя – обязательства Государственному банку за ссуду под залог имущества или поручительство, причем ссуды были краткосрочными и не превышали ежегодной доходности имущества.

вая буква. Кроме того, люди, как [И. Е.] Андреевский, как два, три студентика, работающие в канцелярской лаборатории комиссии, путают и сбивают с толку своими теориями страшно. Отсюда разлад полный. Кахановский проект толкует о всесословности и о равновесии власти между правительством и обществом, а кахановцы приезжие говорят на основании практики, что никакой всесословности в России нет, что это вздор, а на счет равновесия они говорят, что теперь нет равновесия, ибо правительственная власть всюду слаба, а нужно теперь не о равновесии думать, а об усилении правительственной власти везде, в особенности в уездах, и чем ближе к народу, тем яснее должна быть сила правит[ельственной] власти. Нужен сильный начальник уезда, а они сочинили какую-то коллегия, какое-то *присутствие*, не ведая как бы того, что народ любит единоличную власть, а ненавидит всякие коллегии.

Среда 24 окт[ября]

Выписываю очень меткие мысли насчет анархистов; мысли эти принадлежат знаменитому социалисту Карлу Марксу⁴¹.

«Сумасшедшие фанатики! Вредят только социальному делу и вообще бедному рабочему народу. Чего же они собственно хотят? Устранения государства? Хорошо. Положим, начинается общая революция (что почти невозможно, и я говорю это только для примера, как это представляют анархисты); анархисты, берущие в общем хаосе верх, объявляют, что государство устраняется, что армия, бюрократия, полиция и проч. уничтожаются, и всякому отдельному индивидууму предоставляется жить “как хочется”. Что же тогда наступит? Влияние и сила революции дадут себя чувствовать в этом случае себе там, где им не будут препятствовать власти, армия, бюрократия, полиция и проч. Но что же значит сила революции? Это ни что иное, как террор одной части общества над другой; государственная дезорганизация, беспорядок, беззаконность, варварство. Ведь не всему обществу приятно и выгодно будет существовать и действовать при таких ненормальных обстоятельствах, а кроме того и не все страны согласятся подчиниться силе анархии, и найдутся Вандеи, Тироли, Померании и проч., которые предпочтут свою государственную организацию анархии и образуют контр-революцию против революции анархистов. Что ж станут тогда делать анархисты, чтобы устоять против контр-революции и защитить свое существование? Они скоро начнут организовываться и должны будут создавать все то, что прежде уничтожали: армию против армии противника, власти против властей противника, бюрократию против бюрократии противника, полицию против полиции противника, совет или что-нибудь в этом роде против правительства противника, – словом, они восстановят все, что прежде сами устранили: правительство и государство готовы! Если первое дело революции состоит, как утверждают анархисты, в том, чтоб уничтожить государство, то вторым делом анархии должно

⁴¹ Ниже Мещерский помещает вырезку из «Гражданина» (1884. № 44. 28 окт. С. 22–23. Дневник за 23 октября). Высказывание Карла Маркса было перепечатано Мещерским из «Нового времени» (1884. № 3107. 21 окт. Раздел «Среди газет и журналов»), которое, в свою очередь, взяло приводимую цитату из большой статьи «Варшавского дневника» (*К-а*. Карл Маркс и социализм (Из записной книжки) // Варшавский дневник. 1884. № 222. 17 окт.). Статья в «Варшавском дневнике», написанная по поводу недавней смерти теоретика социализма (4/16 марта), представляла собой воспоминания о К. Марксе его знакомого, пожелавшего остаться неизвестным. Автор, имевший возможность неоднократно присутствовать в Лондоне на встречах Маркса с немецкими социалистами и русскими нигилистами, утверждал, что его в этих кругах поддерживали немногие. В советских изданиях воспоминаний современников о К. Марксе (Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956; Русские современники о Марксе и Энгельсе. М., 1969; Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1982) эта статья отсутствует.

быть восстановление государства, иначе продолжение революции будет невозможно».

Пока все обстоит благополучно. Но вот что далее:

«Положим, у какого-нибудь отряда волонтеров есть все средства, чтоб сражаться с неприятелем, только артиллерии у него нет. Наконец, после долгой и кровавой борьбы, удастся отряду волонтеров отобрать у противника одну батарею.

Что ж они делают? Вместо того, чтоб обратить орудия дулами к противнику и стрелять в него, волонтеры заклепывают орудия, чтоб они никому более не вредили! Это оригинальная логика и есть логика анархистов».

Если под артиллериею подразумевается государство, правительство и т. п., то что подразумевать под заклепанием орудий?

Четверг 25 октября

Познакомился у [И. Д.] Делянова с интересным человеком, с предводителем Старобельского уезда Харьковск[ой] губ. [И. М.] Зилотти. Он отставной военный николаевского времени и живет годами в деревне и в провинции, богат и умен. В разговоре с нами он сказал между прочим:

– Если бы Государь меня спросил: ну что, Зилотти, у вас делается в губернии, я бы ответил: плохо, Государь, но может быть хорошо.

– А как сделать, чтобы хорошо было? – спросил Делянов.

– А вот как. Надо, чтобы ваши министры, Государь, – продолжал Зилотти, – это прежде всего, поменьше обращали внимания на болтовню газет, а побольше на то, что у нас делается. Еще 7, 8 лет, и трудно будет поправить; демократия одолеет; а теперь хотя и плохо, но все можно поправить.

– А как поправить? спросил бы вас Государь, – сказал Делянов.

– Я бы ответил только за свою губернию; ряд мер очень простых, и прежде всего восстановить мировых посредников⁴² для крестьян с прежним полномочи́ем, и немедленно.

Я попросил этого Зилотти написать мне вкратце свои мысли. Он дал мне слово прислать их из деревни.

– Ну как вы хотите, – сказал Зилотти, – сами посудите, ваше высокопревосходительство, как может быть хорошо. Крестьян освободили; были посредники, их уничтожили; были розги, их уничтожают; были хорошие волостные старшины, их прогнали; кого же мужику бояться? Создали земство, людей нет; настроили видимо-невидимо училищ – некому учить; разорили дворянство – не дают кредиту; дали новые суды, а к Царю закрыли доступ⁴³; ну как тут не быть плохо. И вот что. Плакаться теперь поздно; теперь надо дело делать. Крестьянин спился, это правда; крестьянин обеднел, и это правда; крестьянин испортился, и это правда. Но у него одно осталось нетронутым: вера в Царя и страх Царя. Пока это есть – все можно спасти в 2, 3 года; но все работают теперь, чтобы это чувство у крестьянина растить, все, а в особенности

⁴² Мировые посредники – должностные лица, главной функцией которых было рассмотрение споров между крестьянами и помещиками при проведении крестьянской реформы 1861 г., а также составление и введение в действие уставных грамот, определявших новые поземельные отношения между крестьянами и помещиками. Согласно «Положению о губернских и уездных по крестьянским делам учреждений» (Полное собрание законов. Собр. 2. Т. 36. 1861. № 36660. 19 февр.), они выбирались губернатором из представленных уездными предводителями дворянства списков и утверждались Сенатом. Мировые посредники обладали судебно-полицейской властью над крестьянами, утверждали и смещали выборных должностных лиц крестьянского самоуправления. Первые мировые посредники приступили к выполнению своих обязанностей весной – летом 1861 г. Должность была упразднена в 1874 г.

⁴³ В 1884 г. Комиссия прошений, на Высочайшее Имя приносимых, как самостоятельное учреждение была ликвидирована, а ее функции переданы частично Особому присутствию для предварительного рассмотрения жалоб на определения департаментов Сената при Государственном совете, частично – Канцелярии по принятию прошений при Императорской главной квартире (Полное собрание законов. Собр. 3. Т. 4. 1884. № 2305. 9 июня). Утверждение Зилотти не имело под собой оснований.

газеты. Вот почему я и говорю, что стыдно вам, гг. министры, заниматься газетною болтовнею, а надо все внимание теперь сосредоточить на уезде, на деревне, и все сделать, чтобы не дать в народе ослабеть чувствам его к Царю. Теперь это не трудно; через 7, 8 лет будет невозможно. Теперь только кое-где болячки; а потом будет гангрена; ее не остановишь!

Пятница 26 октября

Много говорят про кадетскую историю в Москве⁴⁴. Все винят директора и [Н. А.] Махотина: первого за то, что он явил себя *не* педагогом, чтобы не сказать хуже, второго за такие назначения, как назначение этого директора. Он был начальником отделения в Управлении военно-уч[ебных] заведений⁴⁵, и вдруг с бумаг переводят на живые души и кого же – детей. Одна из многих несчастных идей Милютинского и Исаковского времени⁴⁶ жива и доселе: она заключается в сочинении какого-то *типа* военных педагогов! Нелепее и вреднее этой мысли трудно себе что представить. Прежде смотрели на вопрос проще, и лучше было. Педагогов делать и печь нельзя. Педагоги рождаются педагогами; а то, что они в книгах выучат или вычитают, то пустяки. Для педагога нужно две вещи: сердце, любящее детей, и нравственность; ума особенного вовсе не нужно; сердце дает ум и такт. Где же искать таких людей? А очень не трудно их находить, но только не между чиновниками или интеллигентами, Боже упаси, а между *военными боевыми офицерами*, строгими, с добрым сердцем, нравственными и честными. Боевой хороший офицер с сердцем, любящим детей, это идеал педагога для корпусов. Их надо искать, вот что хлопотно, а у нас не охотники искать; берут что под рукою, а под рукою у Махотина остатки Исаковского штатского материала. Будь я Государь, я бы непременно приказал военному министру⁴⁷ издать циркуляр по военно-учебным заведениям для того, чтобы обратить внимание на строгий выбор офицеров и воспитателей в военно-учебных заведениях и рекомендовать при выборе таковых отдавать предпочтение военному боевому офицеру, когда с любовью к службе, со строгою нравственностью соединяется в нем любящее детей сердце.

За такой циркуляр родители благословили бы военного министра.

Вот что слышал сегодня в разговоре с несколькими военными.

Суббота 27 октября

Бедная *Кахановская комиссия*, ей не везет; приезжие из России члены быют ее в каждом сражении. Теперь идет сражение чуть ли не генеральное из-за всесословной волости. Идея

⁴⁴ Мещерский посвятил этому событию Дневник за 31 октября, озаглавленный «Опять скандал в педагогическом мире» (Гражданин. 1884. № 45. 4 нояб. С. 22–23), в котором изложил суть дела. Недовольные одним из своих воспитателей, кадеты Московского 4-го корпуса начали бунтовать. Узнав об этом, директор пришел не сразу, а спустя полчаса и начал «сладкую и гуманную речь», тем самым, по словам Мещерского, спровоцировав новые беспорядки со стороны кадет. Однако директор не только не призвал их к порядку, но даже пошел на переговоры и пообещал выполнить их требования, главным из которых было увольнение неугодного воспитателя. Недовольный таким поведением начальника военного учебного заведения, Мещерский с возмущением писал о тех, кто назначил воспитателем 400 детей человека, раньше занимавшегося исключительно бумажной работой – написанием циркуляров «по педагогической части».

⁴⁵ Главное управление военно-учебных заведений существовало в составе Военного министерства в 1863–1918 гг.; его функции заключались в руководстве деятельностью военно-учебных заведений и надзоре за учебно-воспитательной работой и качеством подготовки специалистов. Начальник учебного отделения генерал-майор В. П. Васютинский в 1883 г. был назначен директором московского 4-го кадетского корпуса.

⁴⁶ В годы правления Александра II военный министр Д. А. Милютин и начальник Главного управления военно-учебных заведений Н. В. Исаков провели реформу военно-учебных заведений, заключавшуюся в разделении специальных военных и общеобразовательных классов с повышением требований к последним. В 1863 г. кадетские корпуса были упразднены. Военное образование было разделено теперь на две ступени: семилетние военные общеобразовательные гимназии (бывшие кадетские корпуса) и двухлетние военные училища (бывшие старшие классы кадетских корпусов), дававшие специальное военное образование. Критику этой реформы см. ниже: Дневник за 1 ноября 1884 г. и Дневник за 1 декабря 1884 г., а также приложенные Мещерским к этим дневникам статьи. В 1881 г. военные гимназии были переименованы в военные корпуса, и акцент на военном образовании был в них усилен.

⁴⁷ П. С. Ванновский.

всесословности есть скверная идея. И. Н. Дурново бранит меня за то, что я слишком беспремонно обращаюсь с проектерами Кахановской комиссии и называю антигосударственным замыслом их проект всесословности⁴⁸. На это ответ простой. Не Каханов и не его товарищи хотят вреда правительству, но что у них есть в канцелярских тайниках злоумышленные, то есть либеральные чересчур, проектеры, в этом я клянусь. Сельское общество есть часть волости: и то и другое состоят из 98/100 крестьян и из 2/100 не крестьян. Сельское общество и волость доселе составляли как бы крепостные стены для народа; благо они были крестьянские, никто из разночинцев не мог проникать в крестьянский мир; благодаря крестьянскому составу сельского общества и волости до сих пор все усилия анархистов протереться в народ были тщетны; почему? Потому что и сельский староста, и волостной старшина были крестьяне. Что же будет, если кахановцам удастся пустить в ход (*чего не дай Бог*) свою мысль о всесословности. Сельский староста может быть не из крестьян, волостной старшина тоже; кто же может попасть в сельские старосты и в волостные старшины? Кто? Очевидно прежде всего те, которым надо проникнуть в народ, чтобы его совращать, то есть разная интеллигентная сволочь. Порядочные люди не пойдут ведь ни в сельские старосты, ни в волостные, да и много ли их в уезде? Во многих уездах не найти нужного человека на должность предводителя, не то что в старшины. Значит, посредством введения в дело принципа всесословности, придуманного Кахан[овскою] комиссией, совершиться может легально завоевание крестьянского мира интеллигентами и проходцами, а от них до анархистов только рукою подать!

Оттого приезжие кахановцы так решительно, почти единогласно восстали против идеи всесословности. Введите всесословность, и лет через пять преданного монархизму народа в России убудет на две трети.

Воскресенье 28 октября

Мысль услышанная и дельная. По инициативе К. П. Победоносцева началось дело о церковно-приходских школах⁴⁹: дело хорошее, но страшно трудное. Нечего скрывать, что между духовенством все сильнее сказывается недостаток в хороших священниках.

Разумеется без решения как можно скорее вопроса об установлении прочного материального содержания духовенству трудно от него многого и требовать.

Но кроме того есть еще важное условие, без которого церковноприходские школы не могут идти: условие это *внимание к хорошим священникам*. Это сильнейший стимул к поднятию дела. А это к сожалению у нас весьма мало практикуется. Человек пожертвует 100 тысяч с целью получить орден⁵⁰, начальство за него хлопочет; а священник, который получает 10 рублей в месяц за уроки Зак[она] Божия в сельской школе и иногда 7 или 6 рублей издерживает на проезд в течение месяца, ничем не награждается. Его представляют к награде, а архиерей его имя вычеркивает, чтобы *своим* дать преимущество, или в массе представляет в Синод, и там бедный попик тонет в море представлений зауряд.

А нужно другое, и крайне нужно. И сделать это не трудно. Нужно, чтобы священникам, хорошо обучающим в сельских школах, и священникам, у которых хорошие церковно-приходские школы, каждый инспектор и каждый директор народных училищ вели особые списки;

⁴⁸ Работа Кахановской комиссии неоднократно привлекала внимание «Гражданина». 7 октября, накануне возобновления заседаний комиссии после летних каникул, Мещерский подвел своеобразный итог ее работе, поместив большую передовую статью «Проекты, мысли и замыслы Кохановской комиссии» (Гражданин. 1884. № 41. 7 окт. С. 1–2). 21 октября в «Гражданине» очередной раз критиковались разрабатываемые в Комиссии проекты широкого местного самоуправления (Дневник за 12 октября // Гражданин. 1884. № 43. 21 окт. С. 20).

⁴⁹ Правила о церковно-приходских школах (Полное собрание законов. Собр. 3. Т. 4. 1884. № 2318. 13 июня) стали поворотным пунктом в правительственной политике в сфере народного образования. С этого времени резко усилилось внимание к религиозной составляющей образования. Было повышено финансирование приходских школ, многократно увеличилось их число. Преподавали в церковно-приходских школах священники, а также педагоги, назначаемые с разрешения епархиального начальства (как правило, из окончивших церковно-учительские школы и епархиальные училища).

⁵⁰ Одним из способов получения орденов и чинов в императорской России была благотворительность.

о том же могли бы вести списки уездные предводители дворянства, и затем чтобы 2 раза в год эти списки лучших священников представлялись для испрашивания наград обер-прокурору Свят[ейшего] Синода непосредственно или через местного архиерея, но с тем, чтобы архиереи их представляли отдельно от наградных представлений по епархии.

Эта мера могла бы разом оживить дело церковно-приходских школ.

Понедельник 29 октября

Для разнообразия и развлечения: сочинил стихи под заглавием: *Песнь тайного советника*⁵¹:

Я тайный советник, о, Боже!
Вчера еще слабый, хилой,
Я крепче вдруг стал и моложе,
Затих даже мой геморрой...

Отныне, не зная границы
Для воли сановной моей,
В толпе нигилистов столицы
Могу быть всех красных красней!

Могу, застрахован от казни,
Правительство громко бранить
И с сладкой улыбкой приязни
Друзей анархистов хвалить!

Отныне стоять только буду
Я грудью за царских врагов,
Но эту же грудь не забуду
Красой украшать орденов!

И будут милы и приятны
Мне беды над Русской землей;
И, сидя на должности штатной,
Ждать пенсии буду большой.

И ей обеспечен, я тайнам
Детей научу, как с умом
Быть *явно* советником тайным
И *тайным* порядка врагом.

Вторник 30 октября

Слышал в разговоре между военными толки по поводу нелепых слухов об арестовании будто бы за политическую виновность одного измайловского⁵² офицера. В этих толках запомнил мысли, по-моему, серьезные. Один офицер говорил так: «Слух этот вздор, но он наводит на мысль: возможен ли такой факт? По-моему, трудно допустить этот факт, но зато есть дру-

⁵¹ Опубликовано: Дневник за 25 октября // Гражданин. 1884. № 44. 28 окт. С. 24. Тайный советник по табели о рангах – чин третьего класса.

⁵² Измайловский лейб-гвардии полк, сформированный в 1730 г., был одним из элитных подразделений русской армии.

гой факт, по-моему, не менее серьезный: у нас вообще в полках товарищеское единение ослабляется. Теперь мыслимо то, что 30 лет назад было немыслимо в полку: что я, офицер моего полка, не знаю, как живет и что за личность офицер того же полка, мой товарищ. Жизнь вне полка теперь сильнее, чем прежде. Например, теперь офицер без средств занимается писанием в газетах, а для этого он должен видаться с разными литераторишками, а пожалуй и в общество их попадает; или например, офицер дает уроки, чтобы жить, а где он дает и с кем сталкивается, Бог его знает!»

– Но как это устранить? – воскликнули мы разом.

– Как, очень просто: увеличением содержания офицера настолько, чтобы он не нуждался в писаниях в газетах или в уроках, а во-вторых я бы всем офицерам дал квартиры в полку; жить в полку это очень важно для объединения офицеров, особенно молодых.

Среда 31 октября

Обедал сегодня с полтавским губернатором [Е. О.] Янковским. Он умный человек, бесспорно. Из его рассказов замечателен факт умирения крестьянского мятежа приказанием *сечь*. После розог, вlepленных барабанщиком роты первому говоруну, молодому парню, и он и вся громада крестьян разом смирились. А бунтовали они чуть ли не два года. При этом старики крестьяне просили Янковского как о милости, чтобы дозволено было сечь негодяев.

Янковский, по-моему, очень умно говорил о необходимости восстановить мировых посредников в том виде, в каком они были в 1861 году. Крестьянам нужна осязательная власть перед глазами.

Очень метко говорил также Янковский о мировых судьях⁵³. По его мнению, главное неудобство этого учреждения то, что они избираются земством, а не назначаются правительством, и вот почему: так как мировой судья часто живет одним жалованьем, то его интерес сохранить место как можно долее; а для этого он старается угождать главным воротилам и кулакам уезда, в особенности в последний год перед новыми выборами; а кулаки и воротилы в уезде нередко или красные или мошенники. Если бы выборов не было, и правительство назначало бы по представлению губернаторов мировых судей *само*, то мировым судьям не было бы ни интереса, ни искушения кривить правдою в угоду местным воротилам.

Четверг 1 ноября

В «Гражданине» напечатана статья одного *бывшего кадета*, стоящая внимания, под заглавием: *Штатские корпуса*⁵⁴.

«Позорение прошлого, унижение, разрушение его входило одним из главных условий в наше “движение вперед”. Старались не оставить камня на камне, запахать самое место, где было здание. И что же созидали на месте этого? Странно сказать – часто ничего или, лучше сказать, созидали что-то такое отрицательное, так сказать полемическое. Надо было сделать непременно напротив тому, что было. Торопились ломать нервно, поспешно, даже весело. В этой быстроте торопливой ломки, говоренья, галденья, писанья – было что-то как бы обезьянье. Если и оставались какие прежние дела, то работавшие при таких делах стыдились их, старались делать прямо противное тому, что были должны делать, и – главное – подтачивать именно то дело, которое высоким

⁵³ Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. предусматривали существование двух судебных систем – общего (коронного) и мирового суда. Мировой суд предназначался для наименее серьезных дел, предполагал упрощенное судопроизводство, отсутствие адвоката, прокурора и присяжных заседателей. Он осуществлялся одним судьей, избравшимся земскими собраниями и городскими думами.

⁵⁴ Гражданин. 1884. № 44. 28 окт. С. 4–6. Подп.: *.

доверием было передано в их преступные руки. Оставшиеся верными заветам и традициям прошлого, старавшиеся исполнять свои обязанности согласно прямому их смыслу, казались какими-то странными выродками – дикими, «допотопными». Ими пренебрегали и сверстники и высшие; их обходили как нечто уже до крайности обветшавшее, устарелое, негодное для этого веселого, торопливого, обезьяньего, бесцельного, прыганья и стрекотания. Здравый смысл заменили “новые идеи” такой низкой пробы, что они могли удовлетворять только такую пошлую и банальную толпу, какую выработали эпохи наши “оживлений” и “веяний”.

Жрецов у этого нового Ваала явилось множество, и то, что в течение стольких лет совершали они ему в угоду, довело теперь положение дел до острых проявлений, в которых ужаснее всего мысль, что современная жизнь и будущее детей теперь, так или иначе, в большинстве, находится в руках людей этого извертевшегося поколения. Первое, за что тогда взялись с жаром и что надо было осмеять, подточить и унижить, – это элемент военный, военное воспитание. И если здесь – влитием в войска нездоровых соков разночинства общей воинской повинности, систематическим развинчиванием дисциплины в корпусах, насильственным одемократизированием состава офицеров, уничтожением в их среде всякой связи, общности и товарищества – если всем этим еще не так много сделано, как можно было ожидать, это надо приписать неопределенным качествам и инстинктам массы народа русского и неопределенным условиям военного духа и военной жизни, которая даже и при теперешней ее распущенности и ослабевшей дисциплине все же делает свое дело, имеет свое влияние. Но надо всегда помнить, что никакие качества, никакая твердость не выдерживают постоянного, насильственного давления. Мы все говорим: “Ничего! Ничего не будет! Все это пустяки и преувеличения!” И говорим это обыкновенно до какого-нибудь мрачного явления, которое поражает нас и ошеломляет, и тогда только мы хватимся: отчего бы это вышло?..

Военные учебные заведения, как известно, подверглись коренной и в высшей степени легкомысленной, если не преступной, ломке. Для нас, крайне нуждающихся в массе средне-образованных людей, не имеющих ни в какой мере удовлетворяющего спрос даже низшего технического образования, вдруг оказались неудовлетворяющими военно-учебные заведения и презренными их традиции. Все это глупо, бестолково, не понимая, что делают, не понимая, куда толкают несчастную молодежь, – все потянуло в университет. Каков был этот университет, какие у него бывали профессора и что там делалось, мы теперь со всем этим немного знакомы. Началось усиленно-высокомерное отношение ко всякому, кто носит военный мундир. Болтуны, негодные ни для какой жизни и работы, пошлые фразеры, носившиеся с своим “университетством”, которое на деле ломаного гроша не стоило, – все это подняло такую пыль, что люди поскромнее просто растерялись. Выдумана была позорящая кличка “кадетский”, употреблявшаяся во всевозможных применениях как противоположность чему-то светлому, хотя это “светлое” было у всех на глазах: все видели, каково оно. Унизили значение корпусов, усиленно их расстраивали, сделали “штатскими”, демократизировали, наставили каких-то полуграмотных, странного вида лакеев-воспитателей, ломавших и либеральничавших с воспитанниками и смеявшихся над их военным начальством чуть не в глаза. Завели особые, жалкие семинарии для выделки

“воспитателей” с какими-то сокращенными курсами; уронили значение офицеров в корпусе так, что выгоднее было снять мундир и идти в товарищи к этим наскоро выпеченным воспитателям-лакеям. Все, что бы ни делало, что бы ни внушало детям их военное начальство, все это расстраивалось и высмеивалось открыто этими “воспитателями”. С горестью смотрели русские люди, еще не потерявшие здравого смысла, на легкомысленное и злостное разрушение этого здания по камню. И поучительно, что в то время, когда для нас все это вдруг стало так “низко”, в классической стране учености и высшего образования – в Германии – корпуса продолжали стоять твердо и неизменно, сохраняя неизменно свои вековые традиции, свой военный дух, свой крепкий уклад, не возбуждая никаких недоумений в истинно-образованном обществе и давая стране тот континент офицеров, которым она по справедливости может гордиться.

Но чувства и упования истинно-русских людей нашли и здесь себе отзыв в сердце нашего Верховного Вождя. В начале прошлого года, посещая военно-учебные заведения, Государь Император выразил желание, чтобы поддерживались традиции прежних кадетских корпусов, давших России столько славных имен и такую доблестную армию. Последнюю войну несомненно вели главным образом воспитанники прежних кадетских корпусов, и слава храбрости наших войск была ими достойно поддержана. На заслуги корпусов было ясно указано и в Высочайшем повелении, и в появившемся затем в “Правит[ельственном] вестн[ике]” разъяснении.

После всего вышесказанного более чем странно представлялись тогда речи главного начальника военно-учебных заведений, который вскоре после этого объезжал провинциальные корпуса. Он озабочивался в речах своих, говоренных перед корпусными офицерами, “успокоить либеральную прессу”, что смысл преобразований совсем не тот, какой эта пресса представляла; что возвращение к прежнему невозможно и что будет только *некоторое* усиление фронтовых занятий... И очевидно г. начальник военно-учебных заведений имел как бы основания утверждать это, ибо до сих пор никакого возврата к прежнему устройству нет и в помине, “яузские” воспитатели состоят при своих местах и дело “развинчивания” идет почти прежним порядком. Но какие учителя в последние годы оказались в корпусах, какие воспитатели – об этом лучше умолчать до поры до времени...

“Учитель” с давних пор был очень видным орудием “развинчивания” – даже в прежнее время. Обыкновенно это был большею частью учитель “русского языка” или “истории”. Бывали и “литературные” офицеры, но эти были конечно осторожнее. Отрава вводилась в организм медленно, но верно. Разумеется, эти люди (обыкновенно именовавшиеся “светлыми личностями”) думали, что делают доброе дело. Они портили детей и делали их иногда на все жизни неисправимыми, несносными, жалкими болтунами. “Меня тогда очаровывали монологи ‘Фауста’ (это в 15-то лет!), – вспоминает один бывший кадет, теперь старый либеральный болтун. – Творения Гумбольта, острый скептицизм Вольтера, идеалы гуманиста Руссо – всем этим я был напитан. Я хотел возвыситься до независимости от среды. Я всегда старался показать строевому начальству, как его презираю” (!). Одна “светлая личность” давала потихоньку мальчику книги, за которые эту личность просто стоило бы высечь – Герцена, Чернышевского, “Колокол”. Мальчика совсем свихнули. “Один из учителей ввел нас в перипетию ученых

споров по химии. Одни из нас были за Пайэна, другие за Либиха. Уже тогда какая-то нелепая Сила, неподчиненная законам физики и химии, нами была вполне опровергнута. С нею исчезли из наших понятий, потеряли смысл, все функции и вариации этой Силы!» (Восп[оминания] о кад[етском] корп[усе]. Р[усская] М[ысль]. стр. 180)⁵⁵. Мы привели это только как пример, к *чему* вели еще прежде эти “светлые личности”; теперь они конечно идут дальше, особенно при начальниках, которые и сами-то сбиты совсем с толку. Вообще, нужно сказать, у нас знакомы только с обличениями и тенденциозными воспоминаниями о кадетских корпусах. “Воспоминатели” в роде вышеупомянутого явились во множестве на усиленный спрос их в либеральной печати. Но и из их рассказов даже, как они ни тенденциозны, видно, что все недостатки, на какие они указывают – если даже эти указания и справедливы – совершенно устранимы и присущи не одному только военно-учебному ведомству. Вся хорошая сторона в смысле выработки бодрого и деятельного характера и личной отваги, в смысле сохранения сильного корпорационного, товарищеского духа и высоких понятий о чести – вся эта сторона игнорировалась и топталась в грязь. Но эта сторона неоценима и утрата ее – одно из величайших несчастий нашего больного, желчного и истрепавшегося поколения.

Пожелаем от всего сердца истинных и верных исполнителей ясно выраженной в Высочайшем повелении воли нашего Государя. Пожелаем, чтобы, как выражено в 1845 г. в рескрипте венчанного Деда Его, чтобы *“это было хорошо выполнено и всеми понято не из послушания одного, но с убеждением”*. И пусть, как сказано в том же рескрипте, *“главная цель военного воспитания будет обращена к развитию в юношах правил нравственности, религии, высокого чувства чести и непоколебимой преданности и любви к престолу и отечеству”*. *“Лучшее доказательство, прибавляется в том же замечательном рескрипте, отличное служение офицеров, получивших образование под отеческим надзором вашим. Я горжусь ими”*».

Пятница 2 ноября

Виделся с одним сенатором. Он не из либералов. Меня очень порадовало, что и он одобряет мысль, не раз высказанную в «Гражданине», о необходимости изменить личный состав 1 департамента Сената⁵⁶. Мера эта по мнению сенатора крайне нужна в правительственных интересах. Раз добыто печальным опытом убеждение, что 1 департ[амент] Сената в его нынешнем составе состоит из людей настроенных враждебно к нынешнему министру внутренних дел⁵⁷, и выходят несогласия, компрометирующие правительство, очень легко это устранить: стоит только министру внутр[енних] дел испросить разрешение войти в соглашение с министром юстиции⁵⁸, и затем министру юстиции переместить сенаторов 1 департ[амента] в другие департаменты, а в 1 департамент с 1 января назначить сенаторов по соглашению с министром внутр[енних] дел.

⁵⁵ Автор цитирует воспоминания Востокова (Из воспоминаний бывшего кадета // Русская мысль. 1883. № 1. С. 135–190). Однако приводимая им цитата неточна, составлена из нескольких разных фраз мемуара (с. 173, 185, 186, 188) и представляет собой пример тенденциозного цитирования, извращающего смысл первоначального текста. Так, у Востокова нет упоминаний о сочинениях А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, о «Колоколе», иной смысл имеют отрывки о презрении к начальству (речь идет о неприятии чрезмерного увлечения шагистикой, формального отношения к службе).

⁵⁶ Первый департамент Сената – орган административной юстиции, созданный в 1763 г. и занимавшийся надзором за местным управлением.

⁵⁷ Д. А. Толстой.

⁵⁸ Д. Н. Набоков.

Суббота 3 ноября

Не лишнюю интереса картину представляют собою теперь все бухгалтерские и счетные отделения в министерствах. Приходится заключать сметы на будущий год; у всех нужда в увеличении расходов, и у всех же впереди неумолимая улыбка Н. Х. Бунге, с которою на все вопли и моления он отвечает: *денег нет!*

Деньги нужны, а денег нет, разве мыслимо государству жить при таких условиях. А разве правда, что денег нет? Нет, это только теоретическая правда, а не практическая. Эта печальная теория в связи с другою теориею об избытке у населения кредитных рублей. Выпуск кредитных билетов есть внутренний заем, основанный на историческом и несокрушимом доверии народа и государства к своему Государю! Нужны деньги, должны быть деньги, как только эти деньги нужны для блага государства и интересов правительства. Бояться Европы вряд ли основательно. Жжем ли мы кредитные билеты, или делаем мы их, где Европе это знать и проверять. Главное, чтобы в России не было застоя в нуждах и в промышленной жизни. Что мысль об избытке кредитных билетов и о пользе сожжения их – теория, и практически не верна относительно России – доказывает нынешнее время: курс наш поднялся, а внутри России страшный застой в торговле и промышленности, и цены на хлеб ниже *minimum'a*! Не ясно ли, что теория в полном разладе и даже в противоречии с практикою.

Воскресенье 4 ноября

У графа Д. А. Толстого есть мысль поднять дворянство посредством усиления его политического значения на месте. С этою целью, например, в контр-проекте Кахановской комиссии он полагает хозяином и средоточием уезда сделать уездного предводителя дворянства. Мысль эту раньше пытался проводить граф П. А. Шувалов. Я с нею никак не могу согласиться, и вот почему. Теперь дворянство разорено и бессильно; в иных уездах нет даже одного человека на должность предводителя. При таких условиях выводить на широкую и всенародную арену уездной жизни предводителя дворянства значит отдавать его, то есть дворянство, на публичное обличение своего ничтожества; что не случится в уезде дурного, все будут валить на предводителя, то есть на дворянство: последние остатки обаяния дворянства в глазах народа исчезнут, и навсегда. По-моему, надо прежде всего усилить дворянство материально, то есть дать помещикам подняться; надо им помочь кредитом долгосрочным и дешевым; надо искусственно заставить дворянство прильнуть к земле, выдавая, например, ссуды только тем помещикам, которые сами живут и хозяйничают в имениях; и затем, когда помещики поднимутся, когда они получают самостоятельность, тогда можно думать о предоставлении им политической роли в уезде. Да и то сказать, если правительство, чтобы поднять дворянство, вздумает себя связать такою реформою, на основании которой всякий уездный предводитель дворянства будет *de facto*⁵⁹ начальником уезда, то легко может случиться, что в иных губерниях, как Тверская, Рязанская, Костромская, Курская и др., попадут в начальники уездов предводители дворянства из самых ярких демократов. Казалось бы гораздо практичнее во главу уезда ставить лицо по назначению от правительства, и при этом, если в данной местности окажется хороший предводитель дворянства, то его и назначать в председатели проектируемого уездного управления.

Понедельник 5 ноября

Сегодня для меня был радостный день. Представлялся Императрице. Вошел к Ней благодарный за милость, вышел от Нее преисполненный радости. Эту радость только я в состоянии понять. Всегда прием Ее ласков и любезен; но всегда прежде я испытывал тяжелое ощущение перед Нею, что я в тягость Ей, а сегодня впервые мне показалось, что я не был Ей в тягость; и мне так легко было, так отраднo говорить от души. Мы не скользили над поверхно-

⁵⁹ на деле (*лат.*).

стью предметов и вопросов, мы вникали в живую глубину вопросов. По поводу моего свидания с Государем, сказавши Ей, что многое не успел, а иное не посмел сказать, у меня вырвалась как бы криком давно томящая и мучающая меня мысль: о если бы, сказал я, Бог подвинул Государя прозреть всю историческую важность теперь, именно теперь, военного вопроса! Верите ли, бывают минуты, когда слышишь о впечатлениях, производимых тою или другою военною мерою, и рвешься к Государю воскликнуть: Государь, Вас делают иные меры тем, что Вы не есть, слишком суровым для военного мира; и сам себе кажешься преступником, что молчишь и в себе таишь то, что слышишь!

Дело вот в чем. Понятно, что главная сила Престола есть армия, в совокупном смысле слова. Сила эта не в оружии, не в ружье и не в сабле, а в духе, в чувствах, в преданиях, в духовной связи, соединяющей тысячами узелков и нитей войско и его быт с Государем. Тут есть именно много оттенков, много невидимых нервов, которые все вместе составляют как бы чувствительность, нервную именно отзывчивость военного мира. Уловить действие этих нервов невозможно, но что несомненно, что малейшая мера относительно войска, малейший шаг, малейшее проявление сверху того или другого отношения к войску, обходит весь военный быт от Петербурга до Камчатки и в каждом вызывает впечатление. За последние годы таких общих впечатлений было несколько, и все они вместе, увы, сложили во многих сферах военного мира не то убеждение, не то ощущение, что будто бы Государь не особенно дорожит войском, не особенно его любит. Это ложное убеждение – очень не хорошее явление в наше время, и кто предан Государю честно, тот не может ни минуты жить спокойно и с этим явлением мириться: ибо в ответ на это ложное убеждение, как нервное чувство, блуждающее в военном мире, в нем все сильнее распространяется мысль, что не стоит теперь служить в военной службе, что не стоит дорожить ею, гордиться ею, чтить ее идеалы, и т. д. Горе нам, если эти нервные мысли охватят многих, страшно подумать, что может из этого выйти. Теперь еще не поздно; теперь легко эти нервные ощущения в войске изменить именно потому, что нервы в войске возбуждены и, следовательно, восприимчивы столько же к дурному, сколько к хорошему; теперь даже малейшее проявление сверху сердечного внимания произведет усиленное действие.

Исторический процесс этого недоразумения весьма понятен. Первое сильное впечатление, испытанное во всем войске, было уничтожение начала производства в Свиту⁶⁰. Все находили или, по крайней мере, многие находили эту отмену необходимою, но нельзя было избежать, чтобы впечатление от этой меры не было сильное и неблагоприятное; отнимался стимул, отнималась цель, светлая точка впереди у многих. Затем начался ряд мер внутренней реформы, отчасти новых, отчасти в виде продолжения старых, как напр[имер], Положение о запасе⁶¹. Все эти меры, сами по себе нужные и серьезные, носили характер чего-то строгого, неумолимого, и тою или другою стороною задевали или честолюбие одних или военные старые предания или чьи-либо материальные интересы. Словом, хорошая сторона реформ предоставлялась к оценке в будущем, а в настоящем размножалось количество недовольных!

⁶⁰ Военная Свита Его Императорского Величества состояла из генерал-адъютантов, Свиты генерал-майоров и контр-адмиралов, флигель-адъютантов. Входящие в Свиту лица получали на эпюлеты вензеля императора, становились его доверенными лицами, а подчас и советниками. Зачисление в Свиту производилось по личному усмотрению императора, что временами приводило к большому количеству в ней случайных лиц. Такая ситуация сложилась и в конце царствования Александра II. Александр III, желая повысить значение свитского звания, почти прекратил назначения в Свиту, что составляло резкий контраст с частыми пожалованиями в царствование его отца.

⁶¹ Закон об офицерском запасе 24 июня 1882 г. (Полное собрание законов. Собр. 3. Т. 2. 1882. № 991) был дополнен 1 июня 1884 г. законом «О применении положения об офицерских чинах запаса армии и Правил для зачисления по роду оружия или роду службы к различным разрядам военных офицеров, находящихся на службе по ведомству гражданскому» (Полное собрание законов. Собр. 3. Т. 4. 1884. № 2274). Оба эти закона четко определяли правила увольнения в запас и в отставку, а второй из них привел к увольнению с военной службы офицеров, служащих в гражданском ведомстве на тех должностях, на которые не разрешалось назначать военных.

С другой стороны, так случилось, что военный министр⁶², вводивший все эти реформы, при всех своих достоинствах человек характера не ласкового, строгого, не общительного, строгий формалист, педантичен в проявлениях своей власти и, вводя реформы, не допустил нигде ни местечка, ни скважины для *сердечного* отношения к войску. Это отозвалось на всем военном управлении. О, если бы Государь мог бы хоть раз невидимкою поглядеть на сцены, происходящие в приемные часы в Главном Штабе, Он бы понял, почему я пишу эти строки и простил бы мне их. Кто раз увидел эти сцены, он их не забудет! Эти в лохмотьях офицеры отставные и неотставные, пришедшие справляться о пособии, которым говорят: нет, отказано, подождите до будущего года, и которые тут же рыдают, стонут, умоляют; эти генералы в запасе, которые со слезами на глазах, с Георгиями в петлице⁶³, с дрожащим голосом говорят громко: видно мы обесчестили русскую армию, коли нас заклеями; эти вдовы, дочери, жены военных, которым говорят: нет денег, о, все это вместе ужасное зрелище, потому что все эти люди приезжают из всех концов России за последним лучом надежды в Петербург, и этот последний луч тут затухает, и они возвращаются восвояси, и там стоустая молва разносит по всем углам их печальные повести.

Отчего же это все происходит? Отчего столько обиженных, столько оскорбленных, столько огорченных?

Отчего?

Стоит прислушаться к военной молве, и услышишь ответ. Оттого, говорят военные, что во главе Главного Штаба стоит [Н. Н.] Обручев. Имя это злое. Имя это означает не по-солдатски преданного Престолу человека; имя это означает сухого, бессердечного и жесткого к солдату и к офицеру человека; имя это по молве ненавидимо всеми, да и в самом министерстве говорят, что и военный министр его не любит, и вот причина, почему сердцу нет и скважины в министерстве, где всякая мера касается миллиона солдат и десятков тысяч офицеров.

Но затем как всему этому временно неблагоприятному дать иное направление, благоприятное.

Опять-таки прислушиваясь к толкам и суждениям военного мира, приходишь к светлой мысли, что все это легко устранить, и поводы к неудовольствию легко обратить в источник благословений над головою возлюбленного Монарха.

Прежде всего необходимым является разом произвести *сильное* впечатление на весь военный мир, дабы в одно и то же время разом уничтожить все мелкие неприятные впечатления и истребить до корня нелепое мнение, что Государь не интересуется войском сердечно. Для этого единственным прекрасным средством является значительное увеличение содержания офицеров в войске. Это мера громадной важности. Офицер обеспечен, и вся Россия вздохнет спокойно. Если этот вопрос пойдет обычным путем бумажной переписки, то мин[истр] финансов⁶⁴ ответит мин[истру] военному, что денег нет, и кончено, все замрет. Но тут есть иной путь. Если Государь скажет министру финансов или напишет ему: я сердцем не буду спокоен, пока не увеличу содержание офицера: помогите мне это сделать, прошу вас, найдите мне 10 миллионов, – можно поручиться, что министр финансов будет слишком счастлив найти эти 10 миллионов, и они найдутся! И что за потрясающее действие имело бы объявление об такой Высочайшей воле или 1 января, или 26 февраля, или в Пасху, или 17 апреля!

Но из этих 10 мил. как бы хорошо было 1 миллион отделять ежегодно на раздачу пособий от имени Царя вдовам, дочерям и отставным военным, поручив это дело Главному Штабу!

⁶² Военный министр П. С. Ванновский.

⁶³ Учрежденный в 1769 г. военный орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия IV степени представлял собой малый крест, носившийся в петлице (на груди). Орден вручался за выдающиеся воинские подвиги, а также за 25 лет безупречной строевой службы в армии или 18 навигационных кампаний на флоте. Упомянутый ниже Георгиевский праздник приходился на день учреждения ордена – 26 ноября – и был днем чествования георгиевских кавалеров.

⁶⁴ Н. Х. Бунге.

Еще мысль, опять-таки подслушанная у военных. Какое сильное впечатление в духовном смысле произвело бы на весь военный мир назначение на место Обручева такого, например, человека, как Павла Шувалова, потому что он очень любим и сам очень любит военную службу, не как теорию, а как практику, это страшно подняло бы дух в войске, ибо сейчас же закипела жизнь, проникнутая любовью к солдату и к офицеру во всех частях войск.

Главный Штаб есть все для армии. Он дает тон, он дает дух. Если Гл[авный] Штаб без сердца, все военное управление относится к армии сухо и мертво. А сердце в отношениях к солдату и офицеру это половина того, что нужно для блага и силы армии.

Еще мысль. Поощрения и стимулы для военной службы нужны. Мало, чтобы солдат и офицер были обеспечены; надо, чтобы были и стимулы для честного и хорошего самолюбия. Стимул свитской награды уничтожен; необходимо его заменить. И вот в военных кругах слышится мысль такая: как хорошо было бы учредить для военных чинов, заведывающих частями, начиная с роты и эскадрона, представления ежегодно к наградам особым, за отличное состояние части, засвидетельствованное лично корпусным командиром и командующим войсками округа, и чтобы при этом печаталась мотивировка награды в Высочайших приказах. Это было бы благороднейший из стимулов.

Еще мысль. Много горько и больно обиженных генералов, обиженных зачислением в запас. Не мыслимо ли известную категорию, напр[имер], получившие боевые награды, генералов – например к Георгиевскому празднику – из запаса перечислить в действительную службу с зачислением по роду оружия, мотивируя сие тем, чтобы *зачисление в запас не могло ослаблять значение добытых военною доблестью на поле брани военных отличий*. Сколько было бы утешенных и обрадованных генералов. Как глубоко сказалось бы в такой мере именно сердечное участие к военному миру.

Весьма могло бы случиться, что военный министр был бы против назначения Шувалова на место Обручева, но сам собою является вопрос: что же из этого: ведь военный министр несомненно скрытый враг Обручева, а все-таки сжился с ним; значит он подавно мог бы сжиться с человеком, который нелюбовь к нему военного министра искупал бы любовью к себе всего военного мира.

Вторник 6 ноября

«Петербург такая растлевающая и миазматическая помойная яма, что и такого живого и непетербургского человека, как вы, и того заражает», – говорил я сегодня милому Ивану Николаевичу Дурново по поводу бесед наших о Кахановской комиссии. Он меня бранит за то, что я иных кахановцев называю заговорщиками, а зачем же он их то кахановцев не бранит за то, что они заговорщики. Есть два скверных слова, чисто петербургских: *неловко* и *неудобно*. Их сейчас же употребляют в Петербурге сановники, как только речь заходит о необходимости проявить энергическую правительственную власть. Сделайте в Петербурге и в Москве и в больших городах *гор[одских] голов* по назначению от правительства – *неловко*, отвечают петербуржцы! Признайте необходимость пересмотра Положения о земских учреждениях! *Неловко*, отвечают сановники. Уничтожьте Кахановскую комиссию; *неловко*, говорят сановники.

Пересмотрите судебные уставы – неловко, отвечают сановники.

Что означает это слово: *неловко*?

Что? Увы, ничего более, как страх либеральной болтовни газет.

Среда 7 ноября

Из воспоминаний недавнего прошлого на ту же тему: *что такое Петербург?*

Что, например, сделал Петербург из такого живого и практически полезного человека, как [Н. А.] Качалова? Помню, как я умолял покойного кн. Дмитрия Оболенского уговорить [М. Х.] Рейтерна и не назначать Качалова в Петербург – испортите его! Сбылось.

Но всего поразительнее действие Петербурга на [М. Т.] Лорис-Меликова.

Я его помню в 1877 году под Карсом на Кавказе. Это был умный армянин сам по себе, но паче всего это был кавказец боевой офицер, направления самого консервативного.

Приезжает он в Петербург. Пошла на него мода. Дошло дело до назначения его председателем Верховной комиссии⁶⁵. Я с ним виделся тогда. Беседовал с ним около часа. Он еще не был новым Лорисом, но Петербург начинал уже в нем сказываться. Впечатление это было так сильно, что я, вернувшись домой, написал ему письмо. В этом письме я ему говорю: бойтесь трех врагов, которые Вас могут погубить: 1) петербургской печати, 2) петербургских великосветских дам и 3) петербургских чиновников.

Замечательно, что именно эти 3 врага сгубили Лориса. Петербургская печать стала его богом; [Е. Н.] Нелидова и К^{ия}, как женщины Самсона, отрезали ему волосы⁶⁶ и заколдовали; и петербургский чиновник с [П. А.] Валуевым во главе убедили его, что пора пришла сочинять Конституцию для какой-то России.

Четверг 8 ноября

Сегодня все кумушки болтают про выстрел в Морица. Эпизод этот фантастичен. Кто-то подлетел на дрожках в 11 м часу вечера на Михайловской к Морицу и будто бы выстрелил. Мориц будто бы крикнул, дворники тоже, а молодец стрелявший уехал. Мадам Красовская уверяет с ужасом, что это был выстрел из мести, за то, что Мориц в качестве почетного опекуна травит акушеров, и уверяет мужа, что и в него будут стрелять. А другие кумушки уверили графа [Д. А.] Толстого, что этот выстрел предназначался ему, и молодец стрелявший принял Морица за Толстого! Толстой, очевидно, не просиял от таких толкований фантастического выстрела над ухом Морица. Бедный Толстой, я ему не завидую, не потому, чтоб думал, что в него выстрелят, но потому, что [П. В.] Оржевский его буквально парализует и держит в цепении страхом и угрозами всяких ужасов, будто бы ему готовимых анархистами. И ведь то ужасно, что Оржевский может рассказывать Толстому что хочет *en fait de complots*⁶⁷, кто его проверить может. Мне жаль и потому Толстого, что он несомненно Оржевского не любит, а ничего против него не смеет. Завтра, не будь Оржевского при Толстом, последний помолодел и ожил бы на 10 лет. Странная игра случая.

Пятница 9 ноября

Что читают теперь более всего, задали мы сегодня себе вопрос в разговоре. По сведениям, имеющимся в разных публичных библиотеках, оказывается престранное явление. Пушкина, Гоголя не читают. Чернышевского, Белинского, Добролюбова не читают; «Русский вестник»⁶⁸ мало читают, «Вестник Европы» почти не читают; духовных книг не читают; либеральные книги читают мало. Что же читают? Читают нигилистические журналы и грубо реальные романы.

Нечто подобное замечается в земстве. Либералы вышли из моды, консерваторы бесильны. Кто же большинство? А большинство люди ничего не желающие и ни во что не верящие, и люди цинично и грубо реально относящиеся к делу.

⁶⁵ Верховная распорядительная комиссия по охране государственного порядка и общественного спокойствия существовала с 12 февраля по 6 августа 1880 г. как чрезвычайный высший государственный орган власти, призванный объединить действия по борьбе с революционным движением. Главным начальником (а не председателем, как у Мещерского) комиссии был М. Т. Лорис-Меликов.

⁶⁶ Библейский герой Самсон никогда не стриг волосы, что и было источником его необыкновенной силы. Его возлюбленная Далила выведала секрет его могущества, после чего усыпила Самсона, остригла и предала в руки врагов (Суд. 16). Другой пример женского предательства был испытан Самсоном несколько раньше: во время свадьбы его молодая жена уговорила Самсона разгадать ей загадку, загаданную филистимлянам, а затем передала им правильный ответ (Суд. 14: 12–18).

⁶⁷ по поводу заговоров (*фр.*).

⁶⁸ См. примеч. 11 к 1882 г.

Оттого то именно теперь, при сильной апатии и грубости общества, при полном дискредите либерального лагеря – было бы всего удобнее усиливать в провинции правительственную власть.

Никогда не вернется более удобная к тому минута, подобная нынешней.

Суббота 10 ноября

– Вы за какое направление, Северное или Южное, то есть Казанское или Самарское, – то и дело что слышишь теперь вопрос по поводу Сибирской жел[езной] дороги.

– Ни за то, ни за другое, – сказал собеседник. – Я бы начал линию из Тюмени в Сибири, затем построил бы из Казани, затем Самарскую, и Самарскую соединил бы с Казанскою линиею.

Слышал мысль еще смелее.

– Знаете какая линия самая была бы важная для нас? – говорил собеседник. – Азиатская, через весь наш Азиатский край до Мерва. Эта линия стоила бы взятия Константинополя. Англия бы нам предложила миллиард отступного; мы бы ей сказали: миллиарда не нужно, и строить бы принялись эту линию.

[П. А.] Валувев издал очень хорошую книгу: благочестивые размышления на всякий день⁶⁹.

Грешный человек, на день его рождения я сочинил следующее благочестивое размышление.

Царь фразы родился, чтоб говорить красиво,
Из либеральных уст слова лились как пиво;
Внимая сладко им, Русь бедная пьянела,
И вышло много слов, но мало, мало дела!⁷⁰

Воскресенье 11 ноября

В сегодняшнем «Гражданине» из-под пера сотрудника *Аристида* вышла не лишняя интереса статья по адресу [Д. Н.] *Набокова*⁷¹.

Мне доставляло большое удовольствие, не скрою от ваших читателей, следить за поездкою г. министра юстиции по России. Хотя поездка эта была молниеобразна и могла при известной натяжке быть истолкована мыслью доказать, что земля наша вовсе не велика (ибо пять лишь суток потребовалось для проезда с юга до Москвы) и что порядок в ней есть (ибо будь беспорядок, не пришлось бы так скоро сановному путешественнику перелетать из края в край), но все же она факт интересный в государственном смысле.

Вот ряд лет, как вся Россия поголовно (за исключением интеллигенции) стонет и изнемогает под бременем новых судебных учреждений; вот ряд лет, как эти новые судебные учреждения изощряются над темою: обессилить администрацию не судебную, а доказывать свое самодержавие; судебное

⁶⁹ Мещерский имеет в виду «Сборник кратких благоговейных чтений на все дни года» (СПб., 1884). Этот изящно изданный том представлял собой хрестоматию, где были собраны тексты Священного Писания, отрывки из сочинений русских и иностранных богословов, а также стихотворения духовного содержания. Автором некоторых из них был сам П. А. Валувев. Приведенное ниже стихотворение, написанное по поводу его дня рождения (22 сентября 1815 г.), было опубликовано в «Гражданине» вместе с разбором этой книги Валувева (Дневник за 11 ноября // Гражданин. 1884. № 47. 18 нояб. С. 21).

⁷⁰ Опубликовав это стихотворение в «Гражданине», Мещерский скрыл свое авторство и приписал его неизвестному «злomu шутнику», написавшему четверостишие на экземпляре книги, якобы виденной князем (Дневник за 11 ноября // Гражданин. 1884. № 47. 18 нояб. С. 21).

⁷¹ Ниже Мещерский приводит статью V из цикла «Письма о жизни» (Гражданин. 1884. № 46. 11 нояб. С. 2–3).

начальство все слушало и слушало эти стоны одних, эти сетования других, и в прекрасный день решило: дай-же посмотрю однако, на месте, что делают судьи и прокуроры? И вот состоялась поездка министра юстиции. Так, по крайней мере, в простоте душевной я объясняю себе мотивы, создавшие эту поездку. И что же мы видим? В каких-нибудь 90 с чем-то дней министру юстиции удастся быть и в Вильне, и в Киеве, и в Крыму, и в Харькове, и, наконец, в Москве. Что важного было открыто сановным путешественником в этих осмотрах – газеты не оповещают; но думаю однако, что, кроме порядка, ничего удостоверено не было, ибо если открыты были бы беспорядки, то вероятно мы бы узнали об этих открытиях через газетных репортеров.

Во всяком случае, какая благодарная задача для министра юстиции – поездка по России! Будь я министром юстиции, в какой восторг привел бы меня живой интерес такого путешествия по святым местам нашей Немезиды! Шутка сказать: узнать лично и на месте – что правда и что неправда на счет обвинений и похвал, которыми характеризуются наши новые суды! Узнать: правда ли, что новые суды со всеми прокурорами, присяжными поверенными, мировыми судьями суть не что иное, как огромная паутина, покрывающая и запутывающая всю Россию до того плотно, что любой паук может задушить любое правительственное и любое частное лицо, как ему угодно и сколько ему угодно, или это не правда?

Узнать, правда ли, что суды, прокуратура, присяжные поверенные составляют на Руси трогательную по единодушию и единению семью, где никто из трех ничего не смеет против каждого из двух, ибо действуют по принципу товарищества: один за всех, и все за одного, или это не правда?

Узнать: правда ли, что прокуратура в губернии так поставлена относительно политического розыска, что может любого губернатора лишить возможности знать: есть ли у него в губернии государственные преступники или не имеются, или это не правда?

Узнать: правда ли, что в уголовном процессе адвокат [в] десять раз могущественнее прокурора и [в] сто раз могущественнее судей, или это не правда?

Узнать: правда ли, что гражданские процессы тянутся в новых судах дольше, чем в старых, и стоят гораздо дороже, чем в последних, или это не правда?

Узнать, правда ли, что нотариусы в губернии – это самодержавные и неограниченные владыки, которые могут безответственно и безнаказанно драть с живого и с мертвого все, что им вздумается, или это не правда?

Узнать: правда ли, что мировые судьи, завися в своем материальном содержании от избирающего их земства, мирволят в отправлении своей юстиции земским интересам и коноводам до возмутительных размеров, а в конце трехлетия, желая быть избранными вновь, дозволяют себе такие поблажки избирателям, пред которыми бледнеют самые гнусные грехи старой юстиции, или это не правда?

Узнать: правда ли, что мировые судьи руководствуются во многих местах правилом: в делах, где обиженная сторона полиция или вообще правительство, непременно решать дело против правительства или в пику правительству, или это не правда?

Узнать: правда ли, что мировые съезды суть во многих местах ни что иное, как добрые семьи каждого мирового судьи, где держатся правила: рука руку моет, или это не правда?

Узнать: правда ли, что, под предлогом *судебных издержек* с тяжущихся или подсудимых тянут слишком много, и эти излишки куда-то деваются и с кем-то делятся, или это не правда?

Шутка сказать, говорю я, мало ли подобных «*правда ли?*» я задал бы себе как интересные вопросы для исследования на месте, будь я министр юстиции.

Мало того, я бы, например, год целый копил отовсюду собираемые рассказы о злоупотреблениях судебного ведомства на месте, в провинции, и пустился бы в путь с целью, между прочим, проверить все эти рассказы.

Затем я бы отправился в путешествие.

Но как?

Предварительно оповестив свой маршрут? Боже сохрани! Первым условием моей поездки было бы строжайшее *инкогнито*. Я бы слишком хорошо знал наперед, что оповести я о своем приезде тот или другой город, по независимым от меня или непредвиденным обстоятельствам случалось бы всегда так: все, что в беспорядке, было бы в порядке; а лица, которые могли бы мне указать на беспорядки, как раз находились бы или в отсутствии, или в стороне от моей дороги. Словом, я бы нашел все в порядке.

А поехал бы я так, чтобы никто не знал о моей поездке: начал бы с уездного городка, с местечка; зашел мимоходом к мировому судье в городке, к мировому судье заехал бы в уезд, поговорил с народцем, посидел бы в камере, порасспросил бы кое-кого, оттуда к судебному следователю, к товарищу прокурора, в уездный острог, с полицией потолковал бы, в волостное правление заглянул бы, с помещиками потолковал бы, особливо с теми, которые имели или имеют дела или тяжбы в судебных местах, и затем нагрянул бы в любой окружной суд в самый разгар заседания, в ряды публики... и так далее, и так далее...

И вот, побывавши неожиданным гостем везде в губернии, я только тогда заявил бы себя министром юстиции – и начал бы проверку мною собранных сведений... Затем я бы собрал всех чинов судебного ведомства и сообщил бы им мои выводы и замечания.

При этом я непременно сказал бы речь, и эту речь велел бы напечатать для руководства во всем судебном округе.

Речь сказал бы я такую приблизительно:

«Господа, – начал бы я, – прежде чем указать каждому из вас на открытые мною при личном ознакомлении с делом злоупотребления, недостатки и беспорядки, я признаю полезным поделиться с вами некоторыми общими мыслями, которые должны служить для вас руководительными началами в вашей службе и в ваших отношениях к лицам и учреждениям, вне нашего ведомства стоящим. Мысли эти должны в то же время рассеять в вас недоразумения, с течением времени вошедшие в умственный мир судебного ведомства посредством газетного и общественного толкования.

Мысли эти следующие:

Во-первых, я должен вам напомнить, что я, как министр юстиции, прямой и непосредственный начальник ваш, ваш – в смысле всех чинов, входящих в состав судебного ведомства, без исключения; и если по букве закона это может казаться не совсем очевидным, то по смыслу нашего

общего государственного строя, и вследствие жизненной в том потребности я все-таки ваш прямой начальник, и за каждого из вас, господа, отвечаю перед священным для каждого русского лицом Самодержавного Главы правительства. Я отвечаю за вас, следовательно, я требую от вас исполнения вами обязанностей не только должностных, но и нравственных, и не попусти ни в ком уклонения от этих обязанностей. Для меня, господа, важны не буквою закона определенные ваши права; оберегать вы сумеете их сами; для меня важны ваши обязанности, и я главный блюститель за их исполнением. Мне важно не то, чтобы вы были собою довольны, а то, чтобы вами были довольны, чтобы все были довольны, начиная с губернатора и кончая каждым честным жителем губернии. Когда это будет, тогда и я буду доволен тем, что буду в праве, как начальник ваш, свидетельствовать перед Главою правительства о ваших достоинствах и полезной деятельности. Итак не живите в мысли, что я для кого-либо в судебном ведомстве могу быть не начальником, и знайте, что ни единое уклонение от долга, кем бы оно сделано ни было, – не будет мною оставлено без взыскания.

Вторая мысль, господа! Многие легкомысленные люди пустили в обществе мнение или молву, что судебное ведомство есть какое-то отдельное в государстве учреждение, относительно которого права правительства не столь неограничены, как относительно всех других ведомств в Империи. Мне смешно и совестно из такого нелепого толка делать предмет серьезного между нами разговора, *но* я, к сожалению, должен на этот толк обратить ваше внимание. Этот толк, это мнение – нелепость, и крупная нелепость. По свойству и существу возложенных на судебное учреждение обязанностей, священных и великих, оно не только не может дерзать думать быть независимым от Верховной Власти, но должно стремиться более всякого другого учреждения в Империи быть покорным, верным и послушным слугою своего возлюбленного Монарха, ибо на наше ведомство, господа, возложена труднейшая и в то же время святейшая из обязанностей правительства, – быть совестью его, быть решителем в вопросах жизни, чести и имущества каждого из ста миллионов верноподданных русского Государя. Нашему ведомству не только не нужна независимость от Царской Власти, напротив: чем полнее и честнее наша зависимость от Царской Власти, тем ближе мы к Чистому Источнику правосудия, и тем дальше мы от людских страстей и пороков, волнующих нашу жизнь, растлевающих ее правду и посягающих даже на растление суда. Мы, судебное ведомство, мы должны служить всему народу примером справедливости и примером верноподданной преданности Самодержавному Правительству, – без этого мы будем судьями нечестивыми и народу противными!

Третья мысль, господа, близко соприкасается с второй. Я лично мог убедиться, что иные чины нашего ведомства поставляют себе в известный гонор и в право быть непочтительными и являться свободно-мыслящими пред губернаторами.

Не останавливаясь на глупости такого гонора, я остановлюсь только на лживости этой мысли. Я требую от всех чинов судебного ведомства почтительного признания постоянно и везде в губернаторе, во-первых, представителя Верховной Власти в губернии, во-вторых – начальника губернии. Вы жители губернии, следовательно, вы подчинены губернатору – не как чины судебного ведомства, но как жители губернии, ему вверенной;

сверх того, вы обязаны ему почтением и как чины судебного ведомства! А кто из вас будет с губернатором непочтителен, того я на службе судебного ведомства не потерплю. Мало того, я требую из уважения к вам, к вашему делу и к правительству, чтобы вы были почтителы в пределах, указываемых вам тактом, и с полицией... Это нужно в интересах власти, и я этого от вас требую. Показывать свое превосходство или свою самостоятельность перед полицией пренебрежением к ней мог бы мальчишка-гимназист; но для вас, господа, это было бы грешно, смешно и вас недостойно».

На этом я кончил бы общую часть моей речь. И затем повел речь с каждым отдельно по делам судебным.

При этом я разумеется бы напомнил:

- 1) О праве собственности.
- 2) О необходимости быть строгим к преступникам.
- 3) О нелепости социальных и тенденциозных вопросов в судебной практике.
- 4) О том, что все равны перед судом, и
- 5) О том, что суд должен быть вне и выше всех человеческих страстей.

И думаю я, после такой поездки в нескольких губерниях, я бы года через два без ломки уставов дошел бы до умственной метаморфозы в судебном ведомстве и завел в нем *новый дух*...

Понедельник 12 ноября

Много толкуют о речи [Д. Н.] Набокова в Москве. Не везет нашим министрам, когда они говорят публичные речи. Общий смысл речи таков: все в судебном мире прекрасно, все жалобы и нарекания на него неосновательны! Невольно, прочитав эту речь, говоришь себе: если только для этого министр юстиции прокатился по России, то не стоило и беспокоить ему свою особу, ибо вот сколько лет, как Министерство юстиции своими действиями доказывает, что все у него в судебном ведомстве прекрасно и все жалобы и нарекания на суды неосновательны. О провинившихся судах или чинах судебного ведомства мы что-то не слышали, а как министр юстиции сердито и страстно требовал наказаний над органами печати, осмеливавшимися доказывать, что далеко не все в судебном мире прекрасно, это мы не раз видели. Но вот что смешно. Телеграфное агентство услужливо передало речь министра юстиции немедленно. Газеты и в обществе заговорили об этой речи: кто похвалил, кто посмеялся; [М. Н.] Катков тот прямо ее признал апокрифической. В особенности курьезом показалось слово о стеклянном колпаке⁷². Набоков приезжает в Петербург и как будто сам пугается того, что наговорил. Встречается он с И. Н. Дурново и говорит ему смущенный: «Помилуйте, Бог знает что за речь мне приписывают газеты, я совсем этого не говорил».

– А что же вы говорили, спрашивает И[ван] Н[иколаевич].

– Я говорил вот что.

И[ван] Н[иколаевич] слушает, и каково его изумление, когда он убеждается, что Набоков почти буквально говорит ему то, что напечатали газеты. Доходит дело до стеклянного колпака.

– Извольте видеть, первую часть речи я говорил, стоя посреди членов судебного ведомства, так сказать как министр юстиции, а насчет колпака я говорил уже ходя по зале, с некоторыми из судебных чинов.

⁷² Набоков говорил об объективности судебных деятелей, которые должны работать как бы под стеклянным колпаком. Мещерский посвятил этой речи Дневник за 12 ноября (Гражданин. 1885. № 47. 18 нояб. С. 21–22).

И. Н. Дурново телеграфирует в Москву, чтобы узнать, кем и как была передана в Телеграфное агентство⁷³ телеграмма с речью министра. Ответ получается внушительный: речь министра юстиции записана чинами суд[ебного] ведомства дословно и передана от них для напечатания.

Набоков сконфузился, а все-таки «Правительственному вестнику» пришлось сделать кое-какие цензурные изменения в речи министра юстиции.

Вторник 13 ноября

Замечательно благотворное действие провинции на людей. Недавно например я встретился с одним из приезжих кахановцев, князем [Л. Н.] Г[агари]ным, из Рязанск[ой] губ. Он из правоведов, немного старше меня. Помню, что он считался у нас глупеньким. Теперь, после стольких лет жизни в провинции, он оказывается просто практическим дельным человеком. Сегодня приезжает ко мне ген[ерал И. Г.] Ностиц. Его ли я не помню, когда он от нечего делать даже в фотографии записывался и всех угнетал своею скукою. И что же? Последние годы он прожил в провинции и стал неузнаваем: положительно умный и очень интересный человек; часы с ним приятно и полезно проводить. Скука его покинула. И когда он вышел от меня, я подумал: жаль, что такому человеку теперь не дают деятельности. Как крупный винокур и крупный землевладелец, Ностиц очень умно и знающе говорил о безусловной необходимости в настоящее время министерства промышленности и торговли. Застой в промышленности и торговле, говорил он, в настоящее время в России очень серьезное и критическое событие; сущность этого застоя заключается в отсутствии предприимчивости, а отсутствие предприимчивости происходит от недоверия капиталистов к эпохе. Но это недоверие капитала, откуда оно происходит? Посмотришь поближе и увидишь, что главным образом оно происходит от отсутствия серьезных отношений и внимания правительства к нуждам промышленности. Министерство финансов призвано по закону интересоваться этими вопросами. Но оно *не может* ими интересоваться; ни времени нет, ни людей нет, а главное, его задача иная. Министерству финансов нужны доходы для покрытия расходов, это главное, а как добываются эти доходы, для Министерства финансов вопрос второстепенный. Доказательств тому много. Не есть ли акцизная система⁷⁴ [К. К.] Грота самое ужасное доказательство, что Министерство финансов на вопрос о промышленности смотрит как на подробность незначительную. Акцизная система требует 250 мил. дохода, а что она уничтожила все тысячи мелких винокурен и нанесла удар сельскому хозяйству в сотни миллионов убытков – об этом Мин[истерство] финансов знать не имеет возможности и времени; именно это разорение сельского хозяйства от уменьшения в громадных размерах скотоводства и мелкого хозяйства – и есть подробность для Министерства финансов. Для него в прошлом году было безразлично: какой вред может произойти для промышленности от элеваторов иностранной компании, и оно патронировало эти элеваторы⁷⁵. Для М[инистерства] финансов безразлично отдавать разные отрасли хозяйства и богатства в России

⁷³ Северное телеграфное агентство (Петербург, 1882–1894) – третье по времени возникновения русское телеграфное агентство.

⁷⁴ В бытность К. К. Грота директором департамента неокладных сборов Министерства финансов были ликвидированы откуп, то есть система сбора государственных налогов частными лицами, получившими (откупившими) это право у государства внесением в казну определенной суммы. Вместо них вводилась акцизная система – обложение ряда товаров (соль, сахар, крепкие напитки, табак и др.) косвенным налогом, взимаемым, как правило, на стадии производства из расчета количества сырья, производственных мощностей или выхода продукции.

⁷⁵ Осенью и зимой 1883–1884 гг. в Госсовете рассматривался проект Министерства финансов «Об учреждаемом русско-американском обществе товарных складов с зерноподъемами». После долгих споров (вызванных в том числе опасениями, что создаваемое общество с иностранным капиталом монополизирует русскую хлебную торговлю) проект был одобрен, однако император наложил резолюцию, предписывающую отложить этот вопрос до создания законодательной базы для подобного предпринимательства. Подробнее см.: *Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. М., 1966. Т. 1. С. 121, 138, 179–180, 192–193, 195–197. Записи от 28 сентября, 6 и 31 октября 1883 г., 13 февраля, 8 и 13 марта 1884 г. См. также примеч. 129 к 1883 г. (Там же. С. 495).*

иностранным капиталистам, разоряющим постепенно природные силы России хищнической эксплуатацией и переводящим деньги, добытые в России, за границу, и оно отдает иностранцам все, что они просят. А между тем все это *à la longue*⁷⁶ ведет Россию к внутреннему банкротству. С другой стороны, теперь наступает всемирный переворот в хлебной промышленности вследствие общего падения цен на хлеб и избытка его на рынках. Переворот этот созидает ряд новых вопросов в сельском хозяйстве, от решения которых зависит вся экономическая будущность России. Кому же этими вопросами заниматься? Кому вести все жгучие вопросы нынешнего трудного в России промышленной и торговой времени? Вот почему для исследования всех вопросов промышленности, для борьбы с кризисом уже наступившим, для пробуждения от застоя, для возвращения доверия к предприятиям в капиталистах, для изучения промышленных нужд – страшно и безусловно сказывается нужда в министерстве промышленности, торговли и сельского хозяйства. А где люди, является вопрос. И люди есть. Люди, как [И. А.] Вышнеградский, [Н. А.] Новосельский, [И. Г.] Харитоненко в Харьковск[ой] губ. далеко не дюжинные люди!

Бедный Ностиц; от тронул меня: «Вот, сказал он, показывая на эполеты, – и я признан негодным для моего государства, – и крупные слезы полились по его лицу. – А что на сердце, прибавил он, – вы бы пожалели меня, кабы знали!»

Среда 14 ноября

Вчера был у [И. Д.] Делянова и застал у него его товарища, кн. [М. С.] Волконского. Разговор шел о Кахановской комиссии, где заседает и Волконский. Последний сказал, что доселе никто не знает, какого в сущности мнения сам [М. С.] Каханов. Они рассматривают мнения, например, *трех членов, двух членов, семи членов* прежней комиссии, но чье это мнение, никто не знает.

Делянов рассмеялся и со свойственною ему удалью, когда речь зашла о том, что такое Каханов, и когда я сказал, что Каханов это идеал петербургского бюрократа, – сказал другое.

– Каханов, я вам скажу, вот что за человек: сегодня он будет за правительство, а завтра, если ему предложат голос в какой-нибудь *Convention nationale*⁷⁷, он руками и ногами подпишет резолюцию: *à bas le gouvernement*⁷⁸, не даром его [М. Т.] Лорис[-Меликов] выбрал!

– Я одно только знаю, – сказал я, – что Лорис много сделал и ошибок и промахов, но самое главное зло, им сделанное, это создание Кахановской комиссии. Мы не наплачемся над нею. Еще впереди все ее беды. Помилуйте, он поставил благодаря Кахан[овской] комиссии всю провинцию в лихорадочное ожидание каких-то либеральных реформ, а правительство поставлено вот уже 3 года в нелепое и унижительное положение обороняться от покушений Кахан[овской] комиссии на власть, и притом от покушений, исходящих из комиссии, составленной из правительственных лиц.

И Делянов и Волконский признали, что я прав.

– Граф [Д. А.] Толстой, сказал Делянов, по моему, должен был в самом начале, когда он принял министерство, сказать Государю: Ваше Величество, дозволейте закрыть Кахан[овскую] комиссию, пока она не закрыта, я не могу отвечать за успокоение умов.

А теперь поздно; теперь надо дать Кахан[овской] комиссии доделать свое дело.

Четверг 15 ноября

⁷⁶ постепенно (*фр.*).

⁷⁷ Национальный конвент (*фр.*) действовал с 21 сентября 1792 г. по 26 октября 1795 г. и был высшим правительственным органом Первой французской республики. Его решения часто носили радикальный характер, как, например, о казни свергнутого короля Людовика XVI (январь 1793 г.).

⁷⁸ долой правительство (*фр.*).

С грустью записываю следующее. Сегодня у меня обедал гр. [А. А. Голенищев-]Кутузов, прелестный поэт, тверской помещик и член Взаимного поземельного банка⁷⁹. Разговор шел насчет помещиков. По этому поводу гр. Кутузов рассказал, что, несмотря на то, что работы в Министерстве финансов на счет устройства Поземельного банка⁸⁰ окружены величайшей тайною, им, членам Взаимного поземельного кредита, удалось узнать кое-что из этих работ. Оказывается, прежде всего, что работает над этим проектом комиссия из 4 лиц, безусловно *красного* направления. Проект этого банка в том виде, в каком его готовят внести в Государственный совет, является роковым и дерзким покушением обмануть намерения и желания Государя. Основания этого проекта таковы, что будущим банком могут будут воспользоваться только те помещики, которые в нем не нуждаются, то есть те, у которых имения не заложены; те же, у которых имения уже теперь заложены в разных поземельных частных банках, не будут в состоянии получать ссуды из государств[енного] земельного банка. Между тем прекрасное намерение Государя помочь помещикам было вызвано именно теми ходатайствами дворян, которые указывали и жаловались на свое безвыходное положение вследствие тяжелых условий, в которые их поставили займы в разных банках. Таким образом, работа проекта совершенно противоречит воле Государя. Следовало ожидать, что Министерство финансов разработает проект, как устроить помещикам переход от залога имения на тяжелых условиях в частном банке к займу на лучших условиях в казенном банке. Но об этом забыто, и таким образом большая часть помещиков останется разоренною.

Но это ничто сравнительно со вторым ужасным заговором, замышляемым против помещиков составителями проекта земельного банка. Они думают так устроить, чтобы этот земельный банк слить с Крестьянским банком⁸¹ и устроить так. Положим, мне нужны деньги, я прошу ссуды: банк мне выдает по нормальной оценке, то есть *minimum* стоимости земли; напр[имер], десятина земли стоит 100 рублей; банк мне выдает 10 рублей; но тот же банк говорит мне: продайте вашу землю крестьянам, и банк вам выдаст за нее 90 рублей... Другими словами этот

⁷⁹ Речь идет об Обществе взаимного поземельного кредита, которое возникло в 1866 г. Как и все учреждения такого рода, оно осуществляло кредитование своих членов на основе взаимности за счет вступительных взносов (оборотный капитал) и мобилизованных пассивов. Член общества нес ответственность за его операции в десятикратном размере, в отличие от акционерных банков, где акционер отвечал только суммой внесенного капитала. Общество представляло собой один из видов ипотечного кредитного банка.

⁸⁰ Речь идет о разработке проекта Государственного дворянского земельного банка. Толчком к его созданию стало поданное в конце 1883 г. ходатайство орловского дворянства о даровании ему государственного долгосрочного кредита на льготных условиях и о предоставлении дворянам – заемщикам частных земельных банков возможности превратить свои долги в менее обременительные. Александр III, обеспокоенный растущей задолженностью дворян банкам и сокращением поземельного дворянства, наложил резолюцию: «Действительно, пора, наконец, сделать что-нибудь, чтобы помочь дворянству», и предложил министру финансов разработать соответствующие меры (Министерство финансов. 1802–1902. СПб., 1902. Ч. 2. С. 65). В результате рассмотрения вопроса было принято решение о создании Государственного земельного банка с льготными условиями кредита. Однако первоначальный проект, подготовленный комиссией из чиновников Министерства финансов к январю 1885 г., предполагал слияние Дворянского и Крестьянского банков и устройство этого учреждения на чисто коммерческой основе, без всяких «пожертвований» со стороны казны. Проект встретил оппозицию в правительстве, но не был возвращен в министерство на доработку: изменения вносились в срочном порядке, поскольку открытие банка было приурочено к столетию Жалованной грамоты дворянству, отмечавшемуся 21 апреля 1885 г. В этот день дворянству был дан рескрипт, где, в частности, говорилось: «Во внимание к нуждам дворянского поместного землевладения, во многих местах расстроенного оскудением хозяйственных средств и затруднением кредита, Мы повелили министру финансов приступить, на указанных Нами началах, к учреждению особого Дворянского земельного банка, дабы дворяне тем более привлекались к постоянному пребыванию в своих поместьях, где предстоит им преимущественно приложить свои силы к деятельности, требуемой от них должом их звания» (Там же. С. 65–66). Положение о Государственном дворянском банке было утверждено императором 3 июня 1885 г. (Полное собрание законов. Собр. 3. Т. 5. 1885. № 3016. 3 июня). Банк действовал на территории Европейской России, за исключением Финляндии, Польши и прибалтийских губерний, выдавал долгосрочные ссуды потомственным дворянам-землеладельцам под залог принадлежащей им земельной собственности на срок до 66 лет. Подробнее о создании Дворянского земельного банка см.: *Проскурякова Н. А.* Земельные банки Российской империи. М., 2002. С. 236–243; *Степанов В. Л.* Н. Х. Бунге: судьба реформатора. М., 1998. С. 187–189.

⁸¹ Крестьянский поземельный банк был учрежден 18 мая 1883 г. с целью выдачи крестьянам долгосрочных ссуд на покупку частновладельческих земель.

проект в его настоящем виде есть осуществление ужасного замысла уничтожить везде, где сие возможно, помещичье землевладение и всю землю передать в крестьянские руки.

Мы ахнули все от ужаса. Остается надежда, что Госуд[арственный] совет не пропустит такой проект, а в особенности, что Государь, узнав истину, потребует осуществления Своих намерений. Я завтра увижусь у гр. Кутузова с человеком, знающим это дело, попрошу его статью написать по этому вопросу, как будто для «Гражданина», и представлю ее, если позволено мне будет, Государю.

Пятница 16 ноября

Был днем у [П. А.] Грессера. Он сообщил мне, что слава Богу все тихо, и понемногу дело делается. Сетует только на то, что гр. [Д. А.] Толстой слишком озабочен мыслию, что его хотят убить. В разговоре он мне интересные наблюдения сообщал насчет Высших женских курсов⁸². По его словам эти курсы настоящая клоака анархической заразы: все эти курсистки меньше [в] сто раз думают о науке, чем о роли фанатичной проповедницы разврата и анархизма между молодежью. Доказательства налицо. В последнее время бóльшая часть арестуемых из молодежи! Оказывается, что значительная часть этой мужской молодежи прямо или косвенно соvrращена студентками высших женских курсов! А если принять в соображение, что в Киеве⁸³ видную роль в агитации играли те же курсистки, то невольно приходишь к вопросу: да отчего же их не закрыть, эти курсы; во 1) потому, что вот сколько лет, как они существуют, а пользы от них никакой, а 2) потому что значительный процент этих курсисток прямо является деятелем в анархической пропаганде. Грессер говорит: хоть бы перевести их куда-нибудь. Нет, не перевести, а просто закрыть, то есть больше в них не принимать, дабы мера не могла показаться крутою.

Вечером был у гр. Кутузова. Там застал 4 помещиков; одного из Тверской губернии, он говорит, что у них крестьяне живут с ним в патриархальных отношениях; другой, харьковский, сказал то же; третий, симбирский, говорил, что у него крестьяне невыносимы; главное их занятие кража, разбой и поджог; четвертый, саратовский, говорил, что в начале, когда он купил имение – крестьяне на него смотрели косо и не кланялись. Тогда он пошел в село пешком и как встретит крестьянина, снимет шапку, и учтиво кланяется; затем что же? Дня через три крестьяне стали кланяться за версту и мало-помалу с ним подружились.

Все помещики эти отзывались с грустью о solo-векселях, называя их насмешкою Министерства финансов над бедными помещиками. Помещику, у которого имение стоит 1 миллион, дают 10 тысяч рублей под solo-вексель, и так как эти 10 тысяч даются под залог земли, то немедленно налагают на имение запрещение, и бедный помещик лишается возможности где бы то ни было получить в других банках хотя бы одиннадцатую тысячу.

Суббота 17 ноября

⁸² Высшие женские курсы (1878–1918) были открыты с целью дать женщинам возможность получить высшее образование на родине. Прием велся на два отделения – словесно-историческое и физико-математическое. Курс обучения составлял три, а с 1881 г. четыре года. Первым директором курсов был историк академик К. Н. Бестужев-Рюмин, по фамилии которого курсы называли Бестужевскими. В 1882 г. его сменил А. Н. Бекетов, занимавший также (с 1879 г.) пост председателя комитета Общества доставления средств Высшим женским курсам.

⁸³ Мещерский имеет в виду студенческие волнения в Киеве во время празднования 50-летия университета 8 сентября 1884 г. Поводом к ним явился запрет сходки студентов (для выбора распорядителей студенческими гуляниями) университетским начальством. Ректор Н. К. Ренненкампф назначил распорядителей из числа известных ему студентов и объявил недовольным, что студенты являются гостями, а не устроителями празднества и их претензии неуместны. Протест студентов вылился в уличные демонстрации и погром квартиры ректора. В результате зачинщики беспорядков были арестованы, а университет закрыт до 1 января 1885 г., причем все студенты считались исключенными и им было предложено вновь подать прошение о принятии в университет. В январе 1885 г. занятия были возобновлены. См.: Бухбиндер Н. Студенческие волнения в Киеве в 1884 году // Каторга и ссылка. 1930. № 5 (66). С. 91–103; Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма // За кулисами политики. 1848–1914. М., 2001. С. 334–339; Щетишина Г. И. Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976. С. 212–213; Мархов Г. И. Киевский университет в революционно-демократическом движении. Киев, 1984.

Слышал от приезжего из Москвы, что смерть бедного [В. А.] Шереметева поставила в затруднительное положение дворянство. Кому занять его место? Уездным предводителем Моск[овского] уезда – князь [П. П.] Трубецкой, потерпевший забаллотирование в прошлом году. Кандидатом Шереметева был [Д. С.] Сипягин, волоколамский предводитель, слишком молодой и без веса. Говорят, что в виду этого дворянство хочет просить выборов и тогда в предводители избрать графа Сергея Дм[итриевича] Шереметева. Выбор был бы очень удачен в виду прекрасных свойств этой личности и его такта.

Виделся с Ф. А. Оомом, который очень озабочен вопросом: кто будет преемником [К. К.] Грота⁸⁴.

Если бы меня спросили, я бы сказал: И. Н. Дурново, нынешнего товарища мин[истра] вн[утренних] дел. У него все данные именно для такой должности, где прежде всего нужно теплое сердце и большой такт. Это человек николаевских преданий, честный и не только с теплою, но с горячею душою! Его мечта получить право немного отдохнуть после действительно невообразимых трудов и быть признанным достойным Государственного совета; но мне кажется, что если дать ему немного отдохнуть, этот глубоко преданный Государю человек мог бы еще пригодиться на какой-либо самостоятельной должности. Пока, смешно сказать, этот человек, я нарочно считал, работает средним числом ежедневно 18 часов. Какое неравномерное распределение: министр работает около 6 часов, товарищ его втрое больше.

Воскресенье 18 ноября

Обедал вчера у [И. Д.] Делянова и сообщал ему мысли на счет Высших женских курсов. Делянов разделяет совершенно недоверие и нелюбовь многих к этим курсам и намерен возбудить вопрос о закрытии этих курсов, но не разом, а посредством прекращения нового в них приема. Слава Богу.

Был сегодня у К. П. Победоносцева, который рассказывал нам о восторге архиереев после приема Государя. Они уезжают с ободренной и просветленной душою.

У Батюшковых⁸⁵ виделся с [Н. А.] Махотиным. Он рассказывал московскую историю кадетского корпуса⁸⁶. Курьезно, что нас было четверо слушавших.

– А никого не высекли? – кто-то спросил.

– Нет, и речи не было об этом.

– Жаль, – ответили мы в один голос.

Махотин выглядит хорошим человеком, но в нем не слышно и не видно энергии.

– А начальника корпуса неужели не сменят? – кто-то спросил.

– Неизвестно, – был уклончивый ответ Махотина.

№ 13

[Дневник 19 ноября – 4 декабря 1884]

Оглавление

1 Понедельник 19 ноября О [Б. М.] Маркевиче

⁸⁴ Речь идет о должности главного управляющего С. Е. И. В. канцелярией по учреждениям Императрицы Марии. Преемником К. К. Грота на этом посту стал Н. Н. Герард, которого два года спустя, в 1886 г., сменил И. Н. Дурново.

⁸⁵ П. Н. и С. Н. Батюшковы.

⁸⁶ См. примеч. 16 к этому году.

- 2 Вторник 20 ноября О Кахановск[ой] ком[иссии]
- 3 Среда 21 ноября То же
- 4 Четверг 22 ноября О высших женск[их] курс[ах]
- 5 Пятница 23 ноября О духе молодежи
- 6 Суббота 24 ноября О последствиях моей статьи о высш[их] женск[их] кур[сах]
- 7 Воскресенье 25 ноября О кредитных билетах
- 8 Понедельник 26 ноября О [Д. Н.] Набокове
- 9 Вторник 27 ноября О Каханов[ской] ком[иссии]
- 10 Среда 28 ноября О [С. С.] Жихареве
- 11 Четверг 29 ноября Умное письмо одного помещика
- 12 Пятница 30 ноября Интересное дело: котики на Командорск[их] остр[овах]
- 13 Суббота 1 декабря О кадетских корпусах, братья г[енерала П. П.] Карцева
- 14 Воскресенье 2 декабря О мерах против застоя и уныния
- 15 Понедельник 3 дек[абря] О Рыковском процессе
- 15⁸⁷ Вторник 4 дек[абря] О монархии и толпе – по поводу поражения кн. Бисмарка в парламенте

Понедельник 19 ноября

Еще одна смерть в нашем без того убогом людьми и талантами лагере. Бедный [Б. М.] Маркевич умер вчера вечером после мучительных страданий от удушья и постепенного паралича сердца. Он умер можно сказать с пером в руках; незадолго до этой развязки он мечтал о развязке своего последнего романа: «Бездна»⁸⁸ и, так не кончивши его, умер. Умер в полном сознании и верующим христианином. Мир его праху. Последними годами страданий, тяжелых минут лишений и глубоким перерождением его нравственной личности он искупил и блестящие увлечения молодости, и промах служебный⁸⁹, искупил вполне и искупил прекрасно. Его искупление проявилось в той твердости, с которою он остался верен всем заветам и убеждениям консервативной партии. Это много значит. Как в несчастиях друзья сказываются, так в невзгодах и люди показываются. Покинутый всеми, Маркевич пошел в рабочие пера, и это перо не склонил ни перед каким идолом, не продал для улучшения своего положения.

Теперь он оставляет жену и сына студента. В отставке, он не мог, умирая, ни о чем просить для облегчения быта семье, лишавшейся с его смертью главного источника дохода, его труда!

⁸⁷ Описка. Надо: 16.

⁸⁸ Роман публиковался в «Русском вестнике» (1883. № 1–11; 1884. № 5–11) и не был завершен.

⁸⁹ Мещерский имеет в виду скандал 1875 г., связанный с именем Б. М. Маркевича, тогда члена Совета министра народного просвещения. В ноябре 1874 г. министр народного просвещения Д. А. Толстой исходатайствовал у императора распоряжение о передаче газеты «Санкт-Петербургские ведомости», одного из либеральных органов печати того времени, из ведения Академии наук в его ведомство. С 1863 г. арендатором и редактором газеты был В. Ф. Корш, срок контракта которого заканчивался 1 января 1878 г. Однако после передачи газеты в Министерство народного просвещения Толстой заявил Коршу, что позволяет ему редактировать газету только до января 1875 г. До этого же времени Корш должен был найти себе преемника. Сделать это в такие короткие сроки было невозможно, и Корш продал право на издание газеты на оставшиеся три года банкиру Ф. П. Баймакову. По требованию Толстого новым редактором газеты стал Е. А. Салиас, многие старые сотрудники покинули издание, тираж газеты резко сократился. Толстой предложил Баймакову продать «Санкт-Петербургские ведомости» за ту же сумму, которую он заплатил Коршу. Но Баймаков отказался, аргументируя тем, что понес дополнительные расходы, и, кроме того, заявил, что право выбора редактора принадлежит ему, а не министру. Из дальнейших объяснений выяснилось, что при заключении контракта с Баймаковым представлявший министерство Б. М. Маркевич изменил утвержденный министром проект контракта так, что редактор назначался не по избранию министра, а по выбору издателя. Кроме того, между Баймаковым и Маркевичем было заключено соглашение, согласно которому Баймаков обязывался в течение 12 лет выплачивать Маркевичу ежегодно по 5 тыс. рублей, и эта сумма за 1875 г. была им уже выплачена. Вся эта история дошла до императора через шефа жандармов П. А. Шувалова, который предварительно произвел обыск на квартире Маркевича и нашел доказательства сделки. Заступничество Толстого спасло Маркевича от суда, но он был уволен со службы и лишен придворного чина камергера. См.: Дельвиц А. И. Полвека русской жизни. М., 2015. С. 779–782; Никитенко А. В. Дневник. М.; Л., 1956. Т. 3. С. 332.

Но быть может, если министр нар[одного] просв[ещения] возьмет на себя доложить Государю, Царская милость възыщет семью талантливому писателю своим проявлением.

Вторник 20 ноября

Смею находить, что моя VII статья о Кахановской комиссии, заключающая в себе итог или резюме работ первой комиссии по вопросу об уезде, достойна внимания, ибо указывает на покушения первоначального проекта Кахановской комиссии на правительственные интересы и народную цельность слишком, увы, убедительно⁹⁰.

Итак, сказали мы, проектеры Кахановской комиссии первого состава предполагают во главу уезда поставить лицо по выбору земства и с содержанием от правительства, и этому лицу поручить относительно уезда права губернатора относительно губернии, с званием председателя уездного присутствия. Уездное же присутствие проектируется составить из нескольких отделений: 1) полицейского, 2) по крестьянским делам, 3) учебного, 4) по воинским делам.

Само собою разумеется, что с введением этого присутствия уездный предводитель дворянства, которому доселе поручается председательствование в вышепоименованных отдельных присутствиях, возвращается к прежней своей исключительно дворянской должности. Такова в главных чертах реформа, проектированная Кахановскою комиссиею первого состава относительно уезда.

Мы рассматривали ее по частям, обращая внимание на главные пункты и не касаясь подробностей, за неимением ни места в журнале, ни времени, и посвятив этому рассмотрению 6 статей, мы по необходимости должны были дробить общую картину задуманной реформы на отдельные очерки. В настоящей же статье, чтобы яснее было читателям увидеть, насколько Кахановская комиссия следовала в своих работах Высочайшей воле, ей преподанной, насколько она отрешалась от предвзятых теорий и тенденций и была беспристрастна, и, наконец, насколько ее озабочивали интересы восстановления порядка в уездной жизни посредством усиления правительственной власти, мы представим краткий, по возможности, очерк того, во что проектеры Кахановской комиссии первого состава задумали обратить уездное управление снизу доверху.

Припомним при этом: 1) что в инструкции, Высочайше объявленной Кахановской комиссии, строго наказывается ей не касаться сословий иначе как в их отношениях к общему государственному управлению; 2) что Кахановская комиссия в своих соображениях неоднократно упоминает о принципе равновесия между правительственною властью и общественными учреждениями, и 3) что земское самоуправление в том виде, в каком оно существует, она предполагает оставить без изменений.

Итак, начинаем снизу.

С сельского общества. Доселе сельское общество крестьянское имело ту для правительства охранительную силу, что состояло из домохозяев, то есть из лиц, оседлостью, собственностью и общинным началом объединенных, в интересе коих было охранять как бытовой, так и полицейский порядок в районе своего общества.

⁹⁰ Эта статья опубликована в № 47 «Гражданина» от 18 ноября 1884 г. Предыдущие части – в № 41–46 за тот же год.

Что же предлагает Кахановская комиссия первого состава? Она предлагает составить такое сельское общество, где введены будут два *новые начала*: 1) начало бессословности или сословности как самостоятельная основа самоуправления, в явное нарушение предподанной ей по Высочайшей воле инструкции, и 2) начало равноправности между домохозяевами и всеми лицами, в районе общества живущими.

В практическом смысле это означает: 1) уничтожение в основе уездного строя крестьянского сословного начала; 2) уничтожение охранительного начала в управлении сельским обществом, посредством приравнения домовладельца и землевладельца с батраком; 3) отнятие у сельского общества крестьянских хозяев права избирать сельского старосту и предоставление этого права какой-то бессословной массе, где большинство голосов может оказываться на практике на стороне бобылей, батраков и бродяг, временно приписанных к обществу.

Предоставляем читателям судить: где в этих предначертаниях кроется идея порядка и охранительных правительственных интересов, и какими практическими выгодами, в интересах кого бы то ни было, правительства или населения, искупается то главное неудобство и прямое посягательство на интересы государственного порядка, которое, как мы указали прежде, заключается в открытии настежь и законным путем дверей в крестьянское сословие всем элементам беспорядка, смуты, социализма и анархии.

Переходим к волости. Здесь что мы видим в проекте? Практическая жизнь представляла на основании Положения 19 февраля довольно крепкое и цельное управление крестьянским строем, в котором волость подчинялась избранному волостному старшине из крестьян, а старшина с волостью, в свою очередь, подчинялись единоличной власти назначавшегося правительством мирового посредника. С течением времени, поддаваясь либеральным влияниям сумбурного лжеобщественного мнения и демократизма печати, правительство сделало неисправимую ошибку, отняв у крестьянского строя волостного начальство – мирового посредника, у волостного старшины и волостного суда право наказывать крестьян розгами, и весь крестьянский мир целого уезда поставило в фиктивную зависимость от неперменного члена присутствия по крестьянским делам, который уже потому стал мнимым начальствующим лицом, что избирается земством, и кроме того лишен был *физической* возможности делить свое время между заседаниями уездного присутствия и между поездками по волостям. Когда совершилось это либеральное изменение в заведывании крестьянским самоуправлением, тогда весьма скоро практическая жизнь крестьянского мира обнаружила свою главную нужду: *в усилении власти над крестьянами*, или, говоря проще, крестьяне почувствовали нужду в восстановлении над ними власти мирового посредника *единоличной*, и везде, в тысячах картин, сказалось безвластие.

Теперь что же, в ответ на эту нужду, придумывает Кахановская комиссия первого состава?

Как мы видим:

1) Она увеличивает вдвое район волости, то есть затрудняет фактический надзор за крестьянами, главным населением волости.

2) Она вовсе отнимает у крестьян – крестьянскую над волостью власть волостного старшины, который, при всех безурядицах, все-таки, как крестьянин, во многих местах избиравшийся из лучших по волости

домохозяев, умел по-крестьянски держать волость в известном обаянии своей власти, и прямо передает эту власть над крестьянской волостью земству, то есть устанавливает волостеля или волостного начальника по выбору от земства, и в то же время отстраняет от этого нового волостеля права власти над ним правительственной полиции.

Таким образом, еще очевиднее, чем в сельском обществе, проект Кахановской комиссии вводит бессловное начало в волостное управление, вопреки преподанной ему Высочайше утвержденной инструкции.

И выходит что же?

В то самое время, когда из конца в конец России стоном стоит одна насущная всенародная нужда: в усилении правительственной власти и страха этой власти, в то самое время, когда практическая жизнь вопиющими фактами изображает несостоятельность и вред политический и экономический от земства в том виде, в каком оно существует, Кахановская комиссия первого состава проектирует:

1) Усилить земское самоуправление посредством предоставления ему права избирать волостеля, то есть начальника *не хозяйственного*, а административного и полицейского волостного управления.

2) Ослабить правительственную власть посредством подчинения всего крестьянского мира (под предлогом всеобщей волости) волостелю, избираемому *земством*, и с устранением правительственной полиции от власти над этим волостным начальником.

Здесь переходим к уезду.

Здесь прежде чем свести итог проектированных Кахановскою комиссиею изменений и объяснить их практическое значение, мы считаем нужным вкратце указать на то, какую роль в настоящее время играет в уездном управлении земство и какую роль играет правительство. Тогда яснее скажется потребность нынешнего положения вещей.

1) Уездный исправник, как мы сказали прежде, очень мало имеет власти относительно крестьянского управления и никакой власти не имеет относительно хозяйства и внешнего благоустройства уезда.

2) Земское управление, кроме полновластия в хозяйственном отношении, имеет весьма широкую сферу деятельности по части народного образования, по закону ему предоставленному только в хозяйственном отношении, но отвоёванному им у правительства в течение 20-летнего периода земской деятельности.

3) В комитете народного образования, или в уездном учебном комитете, правительство имеет только два голоса – инспектора и исправника – против председателя управы, членов земской управы, уездного предводителя дворянства, городского головы и неперменного члена по крестьянским делам.

4) В крестьянском присутствии правительство имеет только **один** голос – уездного исправника – против председателя земской управы, председателя мирового съезда, товарища прокурора и неперменного члена.

5) Засим в съезде мировых судей, избираемых земством, правительство имеет за себя только мнимый голос товарища прокурора.

В итоге, если взвесить в настоящее время при нынешнем порядке вещей элемент правительственный и элемент не-правительственный, то мы получим на весах 4/10 на стороне правительства, а 6/10 – на стороне общественного управления.

Между тем Кахановскою комиссиею проект преобразования уездного управления основан на мысли – *установить равновесие между правительством и общественною властью.*

Что же из сего проекта выходит?

Выходит нечто невероятное.

Выходит, если бы вздумалось применить на деле реформу, проектируемую Кахановскою комиссиею первого состава, то правительство утратило бы даже свои 4/10 веса в уездном управлении, и весь уезд окончательно и во всех отношениях перешел бы в ведение земства.

1) Председатель уездного присутствия, то есть начальник уезда, был бы избираем земством.

2) Начальник полицейского отделения уездного присутствия был бы подчинен земству, посредством выбора земством председателя и уездного присутствия, и полицейского отделения.

3) Учебный комитет, или учебное отделение, имело бы только одно правительственное лицо, инспектора училища.

4) Отделение по крестьянским делам не имело бы ни одного представителя правительства.

5) Мировой съезд остался бы всецело земским.

Вот каким образом проектеры Кахановской комиссии думают установить равновесие между правительственным агентом и общественными учреждениями.

Таким образом то, что мы говорили в начале о замыслах комиссии, то именно, как мы это несомненно и неопровержимо доказали, под разными масками – в проекте Кахановской комиссии осуществляется: весь этот проект реформ в уезде есть не что иное как попытка совершить 4 дела разом:

1) Нанести еще удар, и последний, правительственной власти в уезде.

2) Уничтожить политическое значение дворянского предводителя.

3) Продолжить положение о земских учреждениях расширением земского самоуправления до полновластия в уезде во всех уже отношениях, и

4) Уничтожить крестьянское сословие в государственном смысле со всеми его здоровыми и охранительными началами.

Спрашивается, как назвать нами разобранные работы Кахановской комиссии первого состава: замыслами против народных охранительных начал или рядом добросовестных недоразумений и ошибок, введенных проектерами не нарочно, а случайно!..

Пусть читатель ответит за нас.

Среда 21 ноября

Какая драма. Умер старый музыкальный и театральный критик [М. Я.] Раппапорт, столько лет писавший в разных газетах. Писал он хорошо, жил честно, резко отличался от тех отвратительных газетных писак, которые за деньги хвалят и за деньги бранят. И что же? Он умирает в бедности. Жена его, пораженная горем, заболевает, и в день, когда немногие друзья бедного писателя собрались на маленькую квартиру вынести гроб его, у постели жены стоял доктор и считал минутами остатки ее жизни. Через день после погребения мужа пришлось заботиться о похоронах его вдовы. И вот семья детей в нищете!

В городе говорят о какой-то блестящей речи, произнесенной будто бы в Кахановской комиссии графом [Петром А.] Шуваловым по поводу разбирающегося проекта [А. Д.] Пазухина и [С. С.] Бехтеева. Прения все продолжают. Основная мысль проекта уничтожить

институт мировых судей и заменить его участковыми начальниками, которые будут избираться дворянами и местными интеллигентами университетского образования и будут соединять в себе судебскую и полицейскую должности. Вряд ли этот проект пройдет. Большинство комиссии *против*! В субботу будет голосование.

Четверг 22 ноября

Сегодня мы похоронили бедного [Б. М.] Маркевича! Не было ни речей, ни венков, не было ни одного литератора из чужого лагеря! Как будто Маркевича не существовало в русской литературе! На похоронах и на панихидах заметил группу студентов; все это товарищи сына Маркевича. Сердце радовалось, глядя на этот опрятный, чистый и светлый кружок порядочных молодых людей. Тут и сыновья кн. М.[С.] Волконского, и сын профес[сора Н. А.] Любимова⁹¹, и молодой князь [Э. Э.] Ухтомский, и несколько других: все это молодые люди в полном смысле слова порядочные и соединенные в тесный приятельский кружок, где веруют в Бога, преданы монархии, любят литературу, любят музыку, и где все веет чистою и благородною молодостью.

Как характерно! Я написал и напечатал в последнем № «Гражданина» резкую статью против *Высших женских курсов*⁹². Написал я ее 1) под влиянием потрясающего рассказа одного старика отца, у которого дочь погибла в разврате благодаря высшим женским курсам, и 2) под влиянием слов [П. А.] Грессера, не знающего, что делать с 800 студентками, из которых 200 учатся, а 600 занимаются политической пропагандой, оргиями и развращением молодых людей, и 3) под влиянием рассказов одного студента, говорившего о ночных оргиях курсисток с студентами и т. д.

Казалось бы, за закрытие этих высших женских курсов должны были бы стоять все люди порядка. Ничуть! Модный предмет, либеральная игрушка, святыня, как можно до них прикасаться. Вот если дворянство надо ругнуть, это дело хорошее, а ругать высшие женские курсы нигилисток – помилуйте, это преступление! И под суд автора, и громить и ругать его, и все засуетились и забегали даже к Конст[антину] Петров[ичу] Побед[оносцеву], чтобы жаловаться на «Гражданин». И [И. Д.] Делянов съезжился от страха, а сам втихомолку говорит, что надо закрыть курсы!.. Фу, гадость какая!

Пятница 23 ноября

Был у меня приезжий из Москвы, проф[ессор П. Е.] Астафьев, кажется, инспектор классов⁹³ в Катковском лицее⁹⁴. В разговоре он сообщил мне интересные и утешительные сведения об умственном и нравственном перевороте к лучшему в молодежи Катковского лицея. Правда, что эта метаморфоза обусловлена и ограничена именно этою молодежью, так как в Катковск[ом] лицее воспитываются молодые люди по большей части из состоятельных и хороших дворянских семейств, но все же и это утешительно. Он говорил мне, что молодежь любит занятия, большая часть тверда в принципах и в вере, честна, не проявляет никаких разочарований ни отрицаний, много читает, любит поэзию, интересуется, словом, жизнью и имеет все свойства молодежи. Период нигилизма исчез без следа.

⁹¹ У М. С. Волконского было пятеро сыновей: Сергей (1860–1937), Петр (1861–1847), Григорий (1864–1912), Александр (1866–1934), Владимир (1868–1953). Кого из них имеет в виду В. П. Мещерский, установить не удалось. Сын Н. А. Любимова – Д. Н. Любимов.

⁹² Статья «О Высших женских курсах» появилась в № 47 «Гражданина» от 18 ноября 1884 г. (с. 2–3). Мещерский писал, что из поступивших на курсы девушек 25 % становятся анархистками, 30 % идут на разврат, 25 % заболевают, а остальные 20 % исчезают неизвестно куда. Курсы существуют ради единиц, делал вывод князь. Статья вызвала множество нападок на журнал. Мещерский считал себя обязанным уже в следующем номере (25 ноября 1884 г.) откликнуться статьей «По поводу нашей статьи о женских курсах» (с. 2–3).

⁹³ Инспектор классов – помощник директора учебного заведения по учебной части. Его функции заключались в наблюдении за учебными занятиями.

⁹⁴ Лицей в память Цесаревича Николая, чаще называемый Катковским лицеем, был открыт в Москве 13 января 1868 г. Программы лицея создавались самим М. Н. Катковым, причем особое внимание уделялось древним и новым языкам.

Суббота 24 ноября

Для кого нонче Екатеринин день⁹⁵, а для меня день пытки. Сегодня раздался главный выстрел в меня за мою статью о нигилизме в Высших женских курсах в виде торжественного заявления педагогического совета Высших женских курсов в *«Новом времени»*, что все в моей статье есть ложь и клевета⁹⁶.

Само собою разумеется, что пытка не в этом, а пытка в том, что я всегда один в борьбе, и никто у нас не поддерживает того, кто выступает против *замаскированных* рассадников анархии и нигилизма. В Германии почему Власть сильна? Потому что всякий, кто за нее борется, находит с верху, то есть в Бисмарке, до низу, в последнем чиновнике, поддержку. Орган печати, стоящий за правительство, может увлечься, может ошибиться, может слишком резко выражаться; пусть дерут его на клочки газеты либералов и демократов, но правительственные люди никогда не отступятся от борца за него, никогда не выдаст его⁹⁷. У нас, увы, наоборот; и нигилисты печати съедают, и правительство сторонится от *своего*. Так бывало со мною не раз. И в этом эпизоде я встретил то же равнодушие. Я согласен, что я слишком резко написал, но, Боже мой, неужели [И. Д.] Делянов, главный начальник этих высших курсов, не знает, что *все*, увы, правда в моей статье, что высшие женские курсы с каждым годом все сильнее разводят оргии растления и анархии между молодежью, что в каждом политическом процессе есть курсистки, что в одном Петербурге до 900 курсисток, из которых бессемейных более половины, а евреек чуть ли не больше половины, – а между тем к этому же Делянову является председатель Педа[го]гических курсов [А. Н.] Бекетов, известный либерал, и требует от Делянова разрешения написать мне бумагу с требованием *отказаться от этой статьи*, чуть ли не под угрозой суда. Делянов вместо того, чтобы сказать: я лучше вас могу судить о том, верно ли или неверно судит князь Мещерский о высших женских курсах, а вас прошу в дело не вмешиваться; если в статье *«Гражданина»* есть резкости или неверные цифровые данные, я укажу на них князю Мещерскому и уверен, что он настолько порядочный человек, что сам сознает свои погрешности; а выкидывать газетные штуки с треском и фейерверками я вам запрещаю, а запрещаю потому, что, к сожалению, действительно, ваши высшие женские курсы приносят правительству гораздо более вреда, чем пользы, и гораздо более хлопот, чем утешения.

Но не такую роль повел добрейший Иван Давыдович с нахальным Бекетовым. Он как бы дал себя закричать и уполномочил Бекетова требовать от меня, чтобы я отказался от своей статьи. Разумеется, все газеты подхватят дружно этот скандал, все закидают меня грязью, и из всего этого шума выйдет в ореоле высший женский курс, и пойдут толки о всемогуществе этих курсов и о бессилии против них тех, которые испуганы вредом этих курсов!

Тут что грустно? Не то, разумеется, что меня травят и бьют с какой-то бешеною злобою, потому что я говорю прямо, храбро и открыто, а не лавирую между двумя берегами или между двумя течениями, ища разумной середины, которой нет; сегодня я жив, завтра я умер, обо мне не стоит говорить, но грустно то действие, которое на умы производит зрелище, как одиноки борцы в печати за правительство, и как сильны, дружны и солидарны многочисленные борцы против интересов старого порядка. Это зрелище смущает хороших людей и ободряет дурных. К. П. Побед[оносцев] собирается, как он говорил мне, издать циркуляр по дух[овному] вед[о]мству] с напоминанием архиереям их долга удерживать священников от посылки дочерей своих

⁹⁵ 24 ноября (ст. ст.) – день великомученицы Екатерины. По народным поверьям, Екатерина считалась покровительницей брака. «На Екатерину» устраивались Екатерининские гулянья, гонки на санях, девушки гадали о женихах. День св. Екатерины был храмовым праздником в Училище правоведения, которое окончил Мещерский, и отмечался там очень торжественно (см.: Тютчев И. А. В училище правоведения. Воспоминания // Русская старина. 1886. № 2. С. 373–374).

⁹⁶ См. примеч. 64 к этому году.

⁹⁷ В этом предложении Мещерский допустил явную грамматическую ошибку.

в высшие женские курсы⁹⁸, а Делянов позволяет Совету этих курсов торжественно и всенародно заявлять, что эти курсы – идеал совершенства. А [П. А.] Грессер рядом с этим не знает, куда деваться от бесчинств и вредного влияния курсисток на молодежь!

К. П. Поб[едаонов] нашел тоже, что моя статья была слишком резка и что напрасно были вставлены цифровые исчисления, да и сам я сознаю это, но по его совету я написал для завтрашнего дня другую статью, в которой, извиняясь, если кого-нибудь оскорбил, и опровергая смысл, данный печатью моим цифрам – статистических исчислений, я в то же время объясняю, почему самой статьи в ее главных мыслях я не могу взять назад – потому, что за меня все здравомыслящие люди и общественное мнение. Написанную в этом смысле статью К[онстантин] П[етрович] одобрил.

Воскресенье 25 ноября

Виделся сегодня с богатым сибирским чайным торговцем [А. С.] Кузнецовым, живущим в Москве. Он печально рассказывает подробности о всеобщем застое и безденежьи внутри России и в Москве. Одним из признаков несомненных этого безденежья всеобщего является всегда разница в чайных оборотах. Как только меньше спроса на чай, значит, народ отказывается по случаю безденежья от чая, и именно в северных губерниях и в Сибири. Рассказывал он интересную вещь про кредитные рубли. Министерство финансов, говорил он, вопреки всеобщей, так сказать, нужде в выпуске кредитных билетов, продолжает упорствовать в своей системе не выпускать, а жечь билеты. И что же из этого выходит? Выходит только барыш для меня, а для всего торгового мира убытки: и вот почему. Приезжает купец в Москву платить деньги по векселям; он привозит с собою кредитные билеты, но ими он не платит, а идет он к меняле и покупает на них *будущие купоны* разных билетов, платя за них дешевле, чем за проданные билеты; меняла получает за это за комиссию и сверх того выгоду от разницы между кредитным билетом и купоном. Купец этими купонами платит другому купцу по векселям. Затем получивший вместо денег купоны купец опять идет к меняле и променивает их с убытком на кредитные билеты. Таким образом меняла наживает на эти операции до 90% в год!

Кузнецов говорит, что никогда так много не было несостоятельности, как теперь: банкроты за банкротом, и все вследствие безденежья и застоя.

– Что же делать? – спросил я его.

– Надо прежде всего поднять сельское хозяйство, поднять помещичий быт, надо поддерживать все заводы в России, усиливать заказы, строить как можно более железных дорог и не скупиться, – прибавил он, – выпуском кредитных билетов. Это наше русское, домашнее, государственное дело – а не иностранное.

Характерную вещь рассказал Кузнецов. На Амуре уже завелись немцы из Германии; весь сахар там покупают *не русский*, а из Гамбурга.

Понедельник 26 ноября

[Д. Н.] Набоков вчера на вечере у себя имел вид ликующий. Он говорил между прочим: j'ai enfoncé Katkoff⁹⁹.

Думают иные, что эту победу он выводит из Царских слов на адресе с поздравлениями по случаю 20-летия суд[ебных] учреждений. По мнению одних, эти Царские слова будут приняты как торжество Набокова; по мнению других, и я того же мнения, в этих словах есть весьма выдающийся оттенок; в них сказано: «*уверен*, что они *докажут* на деле свои чувства»; в этом, по моему, все; Государь не благодарит за то, что они доказали, а благодарит за чувства с уверенностью[ю], что они докажут, то есть все сводится к будущему.

⁹⁸ О существовании такого циркуляра нам неизвестно.

⁹⁹ я обставил Каткова (*фр.*).

В прошлую субботу я читал свою комедию в Театральном комитете¹⁰⁰. Сегодня узнал, что она принята была единогласно. Лестно! Но давать ее не могу. Все курсистки наполняют театр и закидают меня если не картофелями, то яблоками или башмаками и зашикают до бесчувствия.

Получаю записки анонимные в роде следующих:

«Надо быть и *прозябать* в вашей аристократической плесени, чтобы так гнусно и подло судить об высших женских курсах».

Или другой образец красноречия: «Впрочем, стоит ли с вами говорить; ваше дело быть придворным лакеем и *полицейским сыщиком*».

Как аргументы в пользу Высших женских курсов это убедительно!

Вторник 27 ноября

Кахановская комиссия отсрочивает свои заседания до 15 января. Приезжие из провинции члены разъезжаются по своим губерниям – страшно озлобленные против некоторых главных чиновников-теоретиков и интеллигентов, орудовавших в первоначальной Кахановской комиссии и сочинивших знаменитый ныне рассматриваемый проект.

Но все же недаром они, эти приезжие кахановцы, здесь просидели и недаром дрались за каждую букву проекта. Победа за ними. Замыслы [М. С.] Каханова и его Комиссии дельцов обличены и разрушены почти все. Победа здравого смысла и практики над теориею выразилась в нескольких фактах.

1) Скверная и прямо революционная идея всесословной или *бессословной* волости окончательно похерена. Волость остается крестьянскою.

2) Шутовской проект *волостелей* вместо волостных старшин с мыслию приманить на эту должность молодых студентов – то есть другими словами впустить нигилистов в центр народа – провалился.

3) Замыс[е]л предоставить земству избирать будущего начальника уезда тоже устранен.

4) Замыс[е]л предоставить тому же земству избирать будущих участковых начальников над крестьянскими волостями – тоже похерен.

Нельзя не порадоваться этому, и нельзя не отнести значительною частью успех этих побед к заслуге гр. [Д. А.] Толстого, столь умело на этот раз выбравшего личный состав приглашенных из провинции людей. Практические люди, а не говоруны, как оказались знаменитые эксперты по кабацкому делу при [Н. П.] Игнатьеве¹⁰¹.

¹⁰⁰ Театрально-литературный комитет – совещательный орган при Дирекции императорских театров, занимавшийся рассмотрением пьес, предназначенных к постановке на императорской сцене. Его председателем (с 1882 г.) был директор императорских театров (в рассматриваемое время эту должность занимал И. А. Всеволожский), а членами – литераторы и представители дирекции и артистов императорских театров. В субботу, 24 ноября, Мещерский читал в Комитете свою комедию «Болезни сердца». В Дневнике он так описывал это чтение, проходившее в здании Александринского театра: «Большая часть членов была в сборе. Я представился каждому из членов. Представителями артистов были: г-жа Дюжикова и г. Давыдов; представителем критики был г. Боборыкин. В залу вошел, с видом неумолимо величественного начальника, сам Д. В. Григорович; он милостиво всем поклонился; мы молча пожали друг другу руку; потом они изволили выйти, и меня пригласили читать. Помещение для чтения весьма неудобно. Высокий зал; далеко от окон стол, покрытый темным сукном; темно и, вдобавок, холодно. Чтение, с перерывами, продолжалось три часа. Слушали меня внимательно и... любезно, ибо читал я, при всех усилиях прочесть получше, – плохо. После чтения удалился» (Дневник за 24 ноября // Гражданин. 1884. 2 дек. С. 18–19). В основу пьесы, как это часто бывало в произведениях Мещерского, легла реальная история. В начале 1880-х в увеселительном саду «Аркадия» Мещерский часто видел одного «даровитого и приятного» светского молодого человека, который уже сделал первые шаги по карьерной лестнице, причем все знавшие его прочили ему большое будущее. Но Мещерский наблюдал его совсем в ином качестве: влюбившись в одну из певичек, этот подающий надежды человек стал постоянным участником вечеринок, постепенно забросил службу, друзей, погряз в долгах и наконец застрелился. Этот «тип бесхарактерности» Мещерский и вывел в своей пьесе (Дневник за 25 января // Гражданин. 1886. № 9. 30 янв. С. 14). Однако конец у пьесы был счастливый: герой исправлялся и покидал Петербург. Пьеса 11 раз прошла в Александринском театре (премьера 27 января 1886 г.). Отд. изд.: Мещерский В. П. Болезни сердца. СПб., 1885.

¹⁰¹ Мещерский имеет в виду созданное министром внутренних дел Н. П. Игнатьевым осенью 1881 г. совещание «сведущих людей» для обсуждения питейного и переселенческого вопросов. Состав совещания (32 человека), включавшего в себя пред-

Среда 28 ноября

Виделся с [С. С.] Жихаревым; умный, очень умный человек! Назначили в Сенат, где он должен быть в Кассационном департаменте; там он не сидит, а живет себе в деревне. А между тем такого умного и преданного правительству человека следовало бы назначить сенатором в I департамент Сената¹⁰². Он один дал бы тон первому департаменту. Странная судьба Жихаревского дела¹⁰³. В семидесятых годах ему поручили знаменитое политическое следствие на Волге. До 1500 человек им было схвачено. Из них после разных процеживаний 193 преданы были суду. Из 193 этих почти все были оправданы. И с тех пор по настоящее время – все арестуемые, все казненные оказываются из 193. Ясно, что Жихарев попадал в цель, арестуя в то время. Но Боже мой – что за ненависть, что за ругань, что за проклятия посыпались на Жихарева в то время: и арестовывает он зря, и бездушный он чиновник, и безнравственный человек, и пьяница, и негодяй... Чего-чего только не наплели на него – и сломали-таки ему шею.

А между тем в чем виноват был в сущности Жихарев? В одном: что он по-Муравьевски¹⁰⁴ поступил и решился разом покончить с крамолой и вырвать ее с корнем. На цель его не поглядели, и глядеть не хотели, а набросились на разные подробности, и давай чернить Жихарева. Увы; у нас так всегда: как только человек действует круто и энергично в интересах правительства, сейчас же сами правительственные люди на него восстают. Как я спорил на эту тему с К[онстантином] Петр[овичем] П[обедоносцевым].

– Помилуйте, – говорит К[онстантин] П[етрович], – скольких он заарестовывал по пустякам, скольких он озлобил, это ужасный был человек.

– Помилуйте, – отвечаю я ему, – вы верите обвинителям и врагам Жихарева, а ему не хотите верить, за что же? Что из лишнего усердия чиновники Жихарева арестовывали, может быть, напрасно, я не спорю, но за что же вы не ставите ему в заслугу, что он ни одного анархиста не выпустил из кинутой им сети; все до одного в нее попали. И ведь он ни одного не казнил, а после него сколько было казненных и сколько было арестованных, и все оказывались Жихаревские.

– Очень может быть, но он все-таки человек опасный.

– Эх, говорю я, верьте мне, что Жихарев человек опасный для врагов правительства, а не для правительства, и оттого-то ему шею так скоро и сломали.

Во всяком случае, в Жихареве я ценю вот что: ему ли не быть озлобленным после всего, как его оплевали и оскорбили? А между тем он ни на йоту не озлоблен, он глубоко остался

ставителей земства, поместного дворянства, купечества и даже крестьянства, не дает основания для уничижительной характеристики Мещерского. По обоим обсуждавшимся вопросам «сведущими людьми» были сделаны конкретные предложения, однако разработка на этой основе законодательных проектов относилась уже к компетенции чиновничества (подробнее см.: *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 431).

¹⁰² Первый департамент Сената занимался надзором за местным управлением. В Сенате было два кассационных департамента – гражданский и уголовный, игравшие роль высшей судебной инстанции для кассации соответствующих дел судебных палат, окружных судов и мировых съездов.

¹⁰³ Речь идет о Процессе 193-х, названном так по числу преданных суду обвиняемых, хотя трое из них не дожили до начала суда. Число арестованных по этому делу превысило 4 тыс. человек (см.: *Новицкий В. Д.* Из воспоминаний жандарма // За кулисами политики: 1848–1914. М., 2001. С. 285–286). Дело рассматривалось в Особом присутствии Правительствующего сената с 18 октября 1877 г. по 23 января 1878 г. Приговор был неожиданно мягким. Суд, приняв во внимание значительные сроки предварительного заключения, включил их в общее время заключения. В результате 90 человек были отпущены прямо из зала суда. К каторге было приговорено лишь 28 человек. В своих воспоминаниях кн. Мещерский объяснял это «фальшивое милосердие» трусостью Сената, не посмевшего «обвинять такое значительное число лиц в государственных преступлениях» и тем самым способствовавшего возвращению их к революционной деятельности и последующим террористическим актам (см.: *Мещерский В. П.* Воспоминания. М., 2001. С. 413, 414). Среди оправданных или получивших минимальные сроки заключения были будущие народовольцы, поставившие своей целью убить Александра II: А. И. Желябов, С. Л. Перовская, Л. А. Тихомиров, М. Ф. Грачевский, Н. А. Морозов, А. В. Якимов, М. В. Ланганс и др. Следствие по этому делу было начато в Саратове в 1874 г. прокурором судебной палаты С. С. Жихаревым.

¹⁰⁴ Мещерский проводит параллель с жесткими действиями М. Н. Муравьева (старшего) по подавлению Польского восстания 1863–1864 гг.

преданным консервативным интересам, и в этом строго правительственном духе воспитывает своих сыновей и живет.

Четверг 29 ноября

Получил очень умное письмо от одного помещика Новоладожского уезда¹⁰⁵.

«Не могу не остановиться с серьезным вниманием на 6-й странице № 46 “Гражданина”, где между прочим сказано: “гораздо разумнее и целесообразнее в интересах правительства было бы позаботиться, прежде всего, об усилении дворянства землевладельческого – экономическом, дабы дать ему возможность мало-помалу восстановить свою независимость” и т. д. Интересно знать, какое же это усиление экономическое? Прежде всего, мне кажется, надо позаботиться о правде, о законности повсюду на Русской земле и возратить порядок без особенных привилегий, как, напр[имер], ныне дающиеся мужику против барина. Некоторые петербургские газетчики воображают нашего крестьянина каким-то аркадским пастушком. Мужики и бабы, по-ихнему, все то же, что пейзаны и пейзажки в балете, и недостает им разве только розовых ленточек на шляпки, а то бы вполне были милашки, с коими косматому, нечесаному пропагандисту приятно бы предаваться вакханалиям. Ну, это до поры до времени, и разумеется, когда у космача, под пьяную руку, те же пейзажки вышибут очки, да еще пейзажи поколотят: тогда увидит он совсем другое и призадумается как ходить в народ с пропагандой! Мы, русские помещики, избегая пьяного народа, смотрим трезвыми, простыми глазами, без всяких стекол, увеличивающих или уменьшающих беду, состоящую в том, что мужик волю-то взял, а труд отложил, забыв, что только труд кормит. Волю, данную Царем, крестьянин понял как своеволие, в большинстве случаев.

Примеров тому множество. Имея возможность пропагандировать, и конечно, совершенно другое, нечто противоположное учению косматого пропагандиста в очках, часто неумытого и засаленного, мы оттого и ненавидимы стали так называемой либеральной прессой. Еще негодование ее на нас началось в 60-х годах, так что зазорно было называться помещиком. Слово “помещик” представлялось (и заметьте огулом, – без исключений) синонимом: разбойника, развратника, вора, мошенника и т. п. Одним словом – мерзавца во всех отношениях.

Вот каково было наше положение*¹⁰⁶, но это допускалось бюрократией, дружившей с народившимися кулаками потому только, что они из народа, еще довольно темные людишки и неопасные на случай взятки! Помещика же, понятно, бюрократия остерегалась и, рассыпаясь в любезностях, только фальшивила! Потворство развитию дурных народных инстинктов породило во многих случаях послушание местной власти, влиявшей во все стороны, по пословице: “И Богу свечку, и черту поклон!” Пьянство и безнаказанная грубость, доходившая до дерзости, вместе с обычною ленью и бессовестным корыстолюбием, жадой к легкой наживе рабочего класса – соделало пребывание помещиков в своих усадьбах – невозможным. Многие стали распродавать свои имения

¹⁰⁵ Письмо это опубликовано в Дневнике за пятницу, 23 ноября (Гражданин. 1884. № 49. 2 дек. С. 17–18).

¹⁰⁶ В вырезке, присланной императору, сноска отсутствует. Восстанавливаем ее по журналу: «Да и теперь немногим лучше!..».

и, конечно, кулаки воспользовались... Посмотрите через год с небольшим, что скажет правдивый историк, когда исполнится 25-летие эмансипации? Улучшился ли в действительности быт крестьян и насколько при новых помещиках – Разуваемых и Колупаевых¹⁰⁷, с тех пор как, волею милостивого Монарха, при содействии честных людей снято со старого дворянства – это позорное крепостное право, столь угнетавшее человеческую личность! И дворянин-помещик стал легче дышать, не так как бывало во время оно – при крепостных. Но ведь легко дышится и в Техасе, в прериях или оазисах Средней Азии, где важнее всего справляться: в порядке ли револьверы и проч., на случай нападения хищников!..

Думаете, этого еще мало, чтобы только легко дышать и забота была бы об исправности оружия? Надо еще что-нибудь, если мы живем не между дикими и называем свою страну – благоустроенным государством, в котором и не пьяницам жилось бы весело-вольготно. Вот недостающая-то такую малую толику – безделица и заставила помещиков средней руки (класс наиболее культурный, независимый), получающих около 10 тыс. и более годового дохода, распрощаться уже не с матушкой, а мачехой-Россией и чуть не целыми колониями селиться в Париже, Дрездене, частию в Неаполе и других местах за границей, где действительно можно жить, не неся, по крайней мере, ничем незаслуженных обид и оскорблений.

Об аристократии, конечно, излишне упоминать, так как, получая ежегодно сотни тысяч рублей для прожития, – везде будет хорошо и вольготно. Где же этим господам не бывает почета и уважения, в противоположность мелюзге, нашей братии-дворянам, поневоле оставшимся с семьями в своих родовых поместьях за невозможностью бежать куда-либо всего с одной или двумя тысячами рублей годового дохода, да к тому же и без протекции, дающей хорошие служебные места!.. Поистине, если мы безропотно теперь переносим свое безотрадное положение, оставаясь такими же твердыми, правдивыми и благородными, как предки в годину испытаний, то уже здесь, на сей русской земле, для нас чистилище и другого, в загробной жизни, – не потребуется...

Для нас-то, вероятно, вы и проектируете поддержку материальную, заботясь об усилении экономического дворянства землевладельческого; но ведь не от единого хлеба человек жив бывает! – Это раз, а другое, если б это и сбылось, как сон или как мечта (особливо при теперешнем-то безденежьи, чуть не банкротстве), не породила ли бы такая мера чувства зависти, а засим еще больший антагонизм между сословиями, а это едва ли полезно с государственной точки зрения честному правительству, отвергающему правило: разделяй и властвуй, и, с Божьей помощью, стремящемуся к устойчивости и общему благоденствию подвластных народов.

Не верю я, чтобы пособие, извне приходящее, – приносило большую пользу. Надо в самих себе искать силу, никому не обязываясь, тогда польза будет прочнее и производительнее; а как проявить самопомощь, самодеятельность при теперешней распущенности народа? – вот вопрос, пусть-ка излюбленные вами тайные советники разрешат. Всякая энергия падает, когда беспрестанно наталкиваешься на озорство крестьян-соседей. Даже больше того... У меня, например, двух лесников убили за то, что

¹⁰⁷ В статье опечатка. Надо – Разуваевых. Купцы Разуваев и Колупаев – персонажи цикла очерков М. Е. Салтыкова-Щедрина «Убежище Монрепо» (1878–1879).

честно исполняли свой долг, и это так и осталось – безнаказанным! Когда первого лесника убили, то виновных не нашли или не хотели найти. При убийстве же второго столько было улик, что разбойник сам признался, но присяжные (в большинстве из крестьян) оправдали! Суд применил убийство к несчастному случаю при общей, будто бы, драке, а потом эти же присяжные высказывали, что жаль было такого зажиточного мужика ссылать в Сибирь. Кто же за него будет подати платить, ведь придется на мир разложить!

Вот аргументация и сила присяги, да и суд хорош, нечего сказать. А что, если бы было, да наоборот: вор-то был бы застрелен при нападении (со своей медвежьей силой), да еще самым помещиком, то как оправдали бы – вот интересно? Думаю, – очень не легко бы было оправдаться, когда свидетелями угроз, перешедших в нападение, – были только темный лес да ясное солнышко, а ведь это могло случиться... и после этого извольте оберегать свою собственность¹⁰⁸? А беспрестанные потравы полей и лугов, уничтожение или кража изгородей, оберегающих поля, воровство сена – зимой порой и многое другое, тому подобное; наконец, нынешняя прислуга и рабочие, думающие, как бы только вперед жалованье забрать! Все это вместе взятое положительно парализует труды и старания помещика, волею судьбы обреченного на всякого рода унижения, убытки и виновного лишь в том, что верит в Бога, чтит Царя и, исполняя завет предков, ни при каких случаях и самотруднейших обстоятельствах – не кривит душой. Положим, чистилище, в коем мы обретаемся, и полезно для души, но ведь, по нашему православному учению, чистилища никакого не полагается, и речь идет о здешней земной жизни. Сделайте же эту жизнь сносною. Пусть не отравляется она нам как в отношении нравственном, так и хозяйственном. Водворив порядок, придет и энергия у нас и любовь возродится к труду на своих родных полях. Что может быть честнее и лучше этого! Иные господа и из-за границы вернутся, только не добивайте нас варварством и оружием неправды; ведь пригодимся еще – поверьте! Мы соль земли Русской и хотим быть первыми между равных: вот все наше самолюбие! Никому и никаких привилегий не надо. Они излишни и не современны, а от всяких подачек (для восстановления материальной независимости нашей) пожалуйста избавьте. Мы гнушаются ими и хотим как жили, так и умереть дворянами...

Ладожанин»

Пятница 30 ноября

Интересное дело. Прибыло сюда два господина; один американец, живет в «Европейской гостинице», сорит деньгами, ведет grand train¹⁰⁹; другой русский, некто [А. Ф.] Филиппеус; оба по тому же делу, по делу о котиковом промысле на Командорских островах, изображающем собою сотни тысяч, если не миллионы, дохода для промышленников, а для нашей казны, как всегда два двугривенных с небольшим. Несколько лет назад такой же ловкий американец, как ныне прибывший, приехал в Петербург и в несколько недель, благодаря крупной взятке, данной кому-то в Минист[ерст]ве иностранных дел, состряпал концессию этих островов для котикового промысла в пользу американской компании¹¹⁰, за несколько тысяч рублей платимых

¹⁰⁸ В вырезке, присланной императору, сноски отсутствуют. Восстанавливаем ее по журналу: «Бывает, что и красным петушком угостят».

¹⁰⁹ жизнь на широкую ногу (*фр.*).

¹¹⁰ В 1871 г. американская компания «Гутчинсон, Коль и Ко» получила исключительное право добычи котиков на принадлежавших России Командорских островах и острове Тюлений на 20 лет. Условия контракта были очень выгодны для ком-

ежегодно казне. В эти несколько лет компания этих американцев нажила миллионы, и операция оказалась настолько выгодной, что эта американская компания, несмотря на то, что ей остается 8 лет по контракту пользоваться котиками, уже теперь принялась хлопотать, чтобы ей уступили эти острова еще на новый срок, после 8 лет, и в виде приманки предлагает известную сумму накинуть немедленно, в пользу каких-то больниц на тех островах. Но явился русский конкурент, этот Филиппеус, человек необыкновенно предприимчивый, умный, годы проводящий в тех краях, как агент, взявший на себя подряд провианта на Команд[орские] острова и во все местные порты. Когда он прежде хлопотал, ему сказали в Петербурге: вы одни, а американцы являются в виде компании, второе вернее; и ему отказали. Теперь он снова является и просит не возобновлять контракта с американцами, 1) потому что они – американцы, а он русский; 2) потому что он теперь не один, а есть целая группа московских меховщиков, начиная с Сорокоумовских, которые готовы составить компанию; 3) он, Филиппеус, предлагает те же условия, как американцы, но с тою лишь разницею, что ту сумму, которую предлагают и могут предлагать разбогатевшие американцы, он предлагает заплатить с рассрочкою, и 4) американцы истребляют котиков беспощадно, и теперь взялись за песцов (вопреки контракту) и бесчинствуют там потому, что их много, и они платят взятки всем, кто только берет, тогда как если будет русская компания, за нею будет надзор действительнее и строже.

И вот теперь идет в Петербурге бой между Филиппеусом и этим американцем. Дело пока находится в министерствах, а потом поступит в Комитет министров. Но насколько эти американцы пронырливы и ловки; не далее как 2 года назад генерал-губернатор Восточной Сибири был за Филиппеуса и за русскую компанию. В нынешнем году он командировал на Команд[орские] острова одного чиновника особых поручений, и что же? О чудо, этот чиновник возвращается в Иркутск полнейшим союзником американцев и врагом Филиппеуса, и теперь [Д. Г.] Анучин, со слов своего чиновника, стал горою за американцев!

Все это тем более курьезно, что в нынешнем году Вашингтонский Сенат постановил ни в каком случае не отдавать никаких промыслов на своих островах иностранцам! Но даст Бог, на этот раз не окажется в министерствах у нас, кого подкупить американскими деньгами.

Суббота 1 декабря

Генерал [П. П.] Карцев поместил в «Гражданине» очень хорошую статью о *кадетских корпусах*¹¹¹.

пании, платившей России ежегодно 5000 руб. в качестве арендной платы и 2 руб. за каждую шкуру. Желая возобновить договор, компания задолго до его окончания начала хлопотать о продлении, предлагая более выгодные для России условия. Их конкурентом выступил петропавловский купец 1-й гильдии А. Ф. Филиппеус, с 1864 г. занимавшийся поставкой провианта по побережью Охотского моря, причем с 1876 г. – по контракту с Министерством внутренних дел. Конкуренция заставила русское правительство более внимательно ознакомиться с котиковым промыслом, и в 1886 г. на Командорские острова была отправлена экспедиция для исследования ситуации на месте. Итоги ее работы обсуждались в Особой комиссии под председательством приамурского генерал-губернатора А. Н. Корфа, результатом чего был отказ от возобновления контракта и организация «Русского товарищества котиковых промыслов» (1890), которое получило контракт как на добычу котиков, так и на поставку на острова различных товаров. Подробнее см.: Кузнецов Н. А. «Не смейте котиков стрелять у русских Командор!» // Кузнецов Н. А. Под флагом России. Русские моряки на страже восточных рубежей. М., 2012. С. 9–12; Назарова Я. В. История Гижиги в XVII – начале XX в. // Дальневосточный город в контексте освоения Тихоокеанской России. Владивосток, 2014. С. 207–208. О предпринимательской деятельности А. Ф. Филиппеуса см. также: Барышев Э. А. Дальневосточные международно-экономические связи во второй половине XIX в. на примере деятельности торгового дома «Уолш, Холл и Ко.» и А. Ф. Филиппеуса // Сахалинская область: история, современность, перспективы. Южно-Сахалинск, 2012. С. 13–18.

¹¹¹ Эта статья печаталась в двух номерах «Гражданина»: № 47 от 18 ноября 1884 (с. 7–8) и № 48 от 25 ноября 1884 (с. 6–9). О преобразованиях в военно-учебном ведомстве в царствование Александра II см. примеч. 18 к этому году.

Кадетские корпуса и военные гимназии

В числе многих преобразований, совершенных в военном ведомстве в 1860 годах, одно из заметных, по своим последствиям, мест занимает уничтожение бывших кадетских корпусов и основание вместо них военных гимназий.

Никто не будет оспаривать, что прежние кадетские корпуса имели свои недостатки, что многое можно было и следовало изменить в них, соответственно духу времени и требований науки; но они имели такие военно-образовательные достоинства и такие перед русскою армиею и перед обществом заслуги, которых никогда не могут достигнуть другие общеобразовательные заведения, хотя бы из их стен выходили профессорами.

Для чего же произведена была ломка? Для чего изменена система, освященная полуторастолетним опытом? Разве нельзя было устранить недостатки, не нарушая достоинств? Неужели для этого надо было посягать на то, что составляло основные начала военной подготовки, и ослаблять те условия и требования, без которых нельзя вести военного воспитания.

Прежние кадетские корпуса, в течение полутора веков своего существования, дали русской армии тот состав офицеров, который прославил ее во всех войнах, в достоинство которых веровал и солдат, и фельдмаршал, – веровало общество, до тех пор, пока новаторы не начали, своими нововведениями, подрывать это доверие и подрывать сначала молча, не представляя причин, оправдывающих необходимость упразднения корпусов. Если же подобные причины потом и приводились, то без всякого расследования, указывая только на одно дурное. Разнузданная печать того времени с радостью ухватывалась за единичные факты, выставляя их как общие и, желая угодить известным взглядам и личностям, говорила часто о том, чего в корпусах не было, или было, как во всяком заведении, исключением. О том, что было в них хорошего, а его, как читатель увидит ниже, было не мало, умалчивалось. Можно было подумать, что преобразование делается только из жажды ломки, или из желания доказать, что только новаторы могут создать что-либо полезное и разумное, а все, что было до них, никуда не годится. И вот под ореолом гуманности и науки старое было разрушено и введено было новое.

Если бы заведениям, заменившим прежние кадетские корпуса, не было придано название *военных*, то можно бы было придти к заключению, что преобразование делается в виду уменьшения числа офицерских чинов армии. Но оставить гимназиям название военных и дать им гражданское направление – значило изменять дух и военное воспитание войск.

Жаждавшие перемен старались выставить еще и то, будто кадетские корпуса стоят слишком дорого, а между тем не давали армии и третьей части необходимого ей ежегодно числа офицеров. В доказательство этого приводились статистические данные, но не за то время, когда корпуса были в их лучшем фазисе, а за последние годы пред преобразованием, когда многое расшаталось, и когда учащаяся молодежь приняла иное направление. Тогда удаление из корпусов, за леность и дурное поведение, делалось десятками, так что едва 1 из трех достигал выпуска. Подтверждая выводы цифрами, следовало

брать их за несколько лет назад. Наконец, всякому известно, что для армии не столько важно число офицеров, как их служебные качества и направление.

Кадет прежних корпусов, вместе с научным образованием, с детства приучался к безусловному повиновению, к самой точной исполнительности, к перенесению трудов, сообразных его возрасту, уважению к старшинству, – одним словом ко всему тому, что составляет главные элементы военной службы и достоинства воинского звания. Эти качества зарождались в прежнем кадете с первых дней поступления в корпус; они росли с ним, входили в кровь и плоть его. С ними он засыпал и просыпался, с ними пил и ел, с ними входил в классы и в церковь. Как мальчик, как школьник, он в рассеянности нарушал их, и хотя подвергался, быть может, не всегда соответственным вине наказаниям, хотя в юности даже и огорчался ими, но, выходя из корпуса и ознакомясь с жизнью, всегда потом чувствовал привязанность к месту воспитания, где протекла его юность, к тем начальникам, над которыми подсмеивался, на которых сердился как мальчик, но о которых потом вспоминал с благодарностью. Конечно, и тогда были несправедливости и превышения власти, но никогда кадет не слышал от своего офицера-воспитателя или от своего учителя ничего, что порождало бы в юноше разочарование. От этого в прежних корпусах не было примеров, чтобы кадет посягал на самоубийство, убегал бы из заведения или увлекался политическими бреднями.

Прежний кадет – это олицетворение преданности к Царю и Родине. Он сознавал, что им обязан своим воспитанием, старался своею службою отплатить за это и всю жизнь оставался верен тем правилам, которые дала ему корпусная жизнь. Все мелочи военно-служебного быта, все элементарные знания службы, приобретаемые привычкою и практикою, прививались гораздо прочнее, чем теоретическим преподаванием, и усваивались сами собою. Без крайней необходимости кадет никогда не оставлял военной карьеры, потому что любил ее. Его не сманивали материальные выгоды и никакие соблазны не могли заставить его изменить свои убеждения.

Теперь кажется даже непонятным, почему лица, ратовавшие в 1860-х годах за преобразование системы военного воспитания, не дали себе труда вникнуть, что все деланные на корпуса нарекания были преувеличены и умышленно раздуты; что все газетные толки о том, будто из кадетских корпусов выходят только неучи, не могущие усваивать современных требований военного дела, – все это было тогда ни что иное, как модная пустая болтовня людей, не понимавших того, что должно составлять главные достоинства военнослужащего. Заметим, что и болтовня-то эта стала плодиться тогда, когда те, кому хотелось найти предлог к уничтожению корпусов, стали заявлять о необходимости иной системы. Это было роковое время начала 60-х годов.

Что кадетские корпуса конца 50-х годов сделались не тем, чем были прежде, что в них проникла распушенность и вольнодумство, что в некоторых из них обнаружились потом проступки, выходящие из ряда, как-то: неповиновение, нарушение порядка и дисциплины, – виноваты не они, – их привели к этому. Мальчики везде и всегда будут мальчиками, школьниками, стоит только распустить их. Раз что начали несвоевременно и круто ослаблять строгость режима и, в виду отстранения произвола, делать возможные облегчения, ограничивать власть ближайших начальников, подводить все под

коллегиальные решения, произошло то, что по естественному ходу вещей не произойти не могло. Кто следил за нововведениями не по одним предписаниям и циркулярам, а вникал в их применения и последствия, тот, конечно, видел, какие личности, в указанный выше период времени, стали поступать в корпуса воспитателями и учителями. Вместо прежних офицеров, быть может и менее научно-образованных, но людей испытанных правил и твердых убеждений, в корпусные офицеры пошла молодежь, не отрезвленная опытом жизни, полная каких-то неопределенных стремлений, способная не сдерживать, а напротив – разжигать воображение юноши. Такие офицеры шли в 60-х годах в корпуса даже не для того, чтобы иметь оседлый род службы, а лишь бы только избавиться от фронтовых требований в полках и где-нибудь временно пристроиться, а затем уйти, куда выгоднее. От этого они оставались в корпусах иногда несколько месяцев, искали одной популярности среди молодежи и менялись, как действующие лица на сцене. Те, которых не хотели оставлять в корпусе, как явно обнаруживших непригодность, возвращались в свои части; другие выжидали только времени, чтобы подготовиться к поступлению в одну из академий, и уходили сами. Но как те, так и другие в короткое время своего пребывания успевали внушать юношам многое, от чего бы следовало оберегать их. Могут сказать, что эти офицеры были прежде кадетами, стало быть из корпусов же вынесли свои взгляды и убеждения. Верно, но не вполне; во-первых, в прежнее время они ни в каком случае не пошли бы в воспитатели, а во-вторых – взгляды и убеждения привились к ним от молодых учителей 60-х годов.

Директора корпусов в первой половине 60-х годов тоже беспрерывно менялись. Каждый из них чувствовал, что дело пошло не по-прежнему, что личная его власть и право постепенно заменяется коллегиальным началом; что самостоятельность его как начальника подрывается. Это не могло не влиять на лиц даже с сильными характерами; лиц же более или менее слабых и уступчивых заставляло подчиняться обстоятельствам. Они уже не заботились о будущем и думали только о том, как бы настоящее проходило без особенных, выдающихся происшествий. В подобном положении им приходилось уже не приказывать и требовать, а просить. Чрез это подчиненная им молодежь, несдерживаемая офицерами, старавшимися держать себя перед кадетами не начальниками, а товарищами, почувствовала слабость власти и начала этим пользоваться.

То же самое произошло и с составом учителей. Желание поднять научную сторону воспитания, чего, впрочем, и достигли, но достигли в ущерб нравственной, привело к допуску в состав корпусных учителей таких, которые приносили пользу только голове, но не сердцу кадета. Тот корпус считался передовым, в числе преподавателей которого были личности с репутацией бойких представителей своей науки, но кто они, какое их прошлое, каких они убеждений, понимают ли они будущее назначение своих учеников, – об этом не спрашивалось. Директор и инспектор быть может потом и замечали у этих учителей кое-что не подходящее, но заявлять опасались, из боязни прослыть отсталыми, людьми старого режима, врагами прогресса. Молодежь же с своей стороны льнула к подобным учителям, потому что видела в них критиков корпусных требований и гонителей воспитательных стеснений. Такие учителя делались маленькими идолами в их глазах.

Можно ли же было за все это осуждать кадетскую систему воспитания? К половине 60-х годов корпуса действительно пришли в такое положение, в котором оставлять их было невозможно. Но вместо [того], чтобы исправить их, излечить от того, что, не по их вине, привилось к ним, решено было уничтожить самые корпуса и заменить их военными гимназиями.

Опыт указал, что вновь организованные заведения оказались чем-то весьма неопределенным. В противоположность кадетским корпусам, их спешили поставить на гражданскую ногу и с энергиею уничтожали все то, что напоминало кадетство. Между воспитателями явились чиновники; но, определяя их, не справлялись, имеют ли они расположение к условиям той службы, к которой должны готовить своих воспитанников. Мальчикам оставили военную форму, не требуя от них неразлучной с нею точности и аккуратности. Из всего этого вышло что-то отставшее от военного и не приставшее к гражданскому.

В конце семидесятых годов, хотя и глухо, стало высказываться мнение, что данное новым заведениям направление и устройство не соответствует той карьере, по которой пойдут их воспитанники. Тогда начали понемногу и полумерами изменять допущенное увлечение. Но полумеры редко приводят к цели: не удовлетворяя желающих улучшения, они обыкновенно возбуждают ропот тех, против кого принимаются. Общее желание возвратиться к прежней системе доходило до того, что в обществе ходили слухи о скором восстановлении кадетских корпусов, что потом и осуществилось.

Не будем спорить о том, где науки преподавались лучше и полнее, и кто был образованнее, военный ли гимназист 7 или прежний кадет 5 общего класса; но что последний был более подготовлен к усвоению военных наук, чем переводимый из военной гимназии, – это верно. Для переводимых в училище, сколько нам случалось от них слышать, труднейшими предметами были уставы и военная администрация. Прежним кадетам этого предмета, как науки, не преподавали; но они, выходя из корпуса, отлично знали порядок строевой подчиненности, обязанности офицера как учителя низших чинов, обязанности унтер-офицеров, фельдфебелей, вахмистров; еще не снимая кадетской куртки, они умели исполнить всякое поручение, доступное младшему офицеру, не нуждаясь в справочных книжках. Прежний кадет, которому не читалось ни дисциплинарного устава, ни устава о наказаниях, поступал в полк готовым офицером: его не приходилось уже на службе учить элементарным ее основам, он не подкарауливал, как бы уйти из строя, в его взглядах и убеждениях не было отпечатка той статскости, которая появлялась у воспитанников гимназий вследствие того, что самые впечатлительные годы юности проведены ими под надзором гражданских воспитателей. Кадету, начиная службу, не приходилось работать над своими привычками и взглядами, чтобы войти в общую военную колею.

Людьми, чуждыми военной среды, слова наши могут быть приняты за неуважение к званиям и службам других ведомств и за осуждение гражданских деятелей, сопричастных военному ведомству. Спешим оговориться, что мы далеки от подобного и преклоняемся перед всякою полезною деятельностью. Слово «статскость» мы употребили в смысле незнакомства с особенностями военно-строевого быта, в смысле малой к нему склонности и непривычки к условиям военной жизни.

Тот метод, который был введен для подготовки к этому в новых заведениях, как бы он ни был строг, не заменит прежнего кадетского, хотя бы юнкер училища был в казармах и содержал караулы. Юнкера училища несут внутреннюю службу по уставу, они носят шинель из солдатского сукна, исполняют в своих ротах хозяйственные обязанности и отчетность и проч. Но все это они начинают в 18 лет и исполняют только в течение двух. Такой срок, по нашему быть может и ошибочному мнению, крайне короток для того, чтобы юноша усвоил прочное военное направление и приобрел любовь к строевой работе.

При возрасте, в котором молодые люди оставляли гимназию и поступали в военные училища, мелочные требования военного воспитания не могли казаться привлекательными; они не столько занимают, сколько тяготят взрослого юношу, тогда как детский возраст кадета видел в этих требованиях развлечение и забаву, втягивался в них с удовольствием.

Нам скажут, что молодой человек, кончивший гимназическое образование, может гораздо основательнее судить о той карьере, которую избирает, и если чувствует к ней призвание, то взгляд его на будущее серьезнее, чем увлечение мальчика. Мысль верная в общем смысле, но не вполне применимая к тому, о чем идет речь, т. е. к молодежи, которая шла в училище со стороны или переводилась из военных гимназий. Со стороны шли или не имеющие средств платить за университетское образование или неподготовленные к нему. Для первых – военное училище являлось даровым местом обучения, для вторых – возможностью помимо 4-хлетнего университетского курса достичь общественного положения в 2 года. Как для тех, так и для других призвание к военной службе было ни при чем. Из военных гимназий переводились все поголовно, окончившие курс, следовательно и здесь о призвании не было речи.

Выпущенным из училищ в первое время поручали в полках заведывание учебными командами, приготавливавшими рядовых в унтер-офицеры. Не мало было примеров, что хорошо приготовленные по грамотности оказывались крайне слабыми по служебным предметам, единственно потому, что заведующие командами считали их второстепенными, тогда как они-то и составляют служебные достоинства унтер-офицера. Не ясно ли, что причина этого заключалась в системе, данной тогда воспитанию будущих офицеров в военных гимназиях.

Быть может, впоследствии многое изменилось, но так было в первые годы по уничтожении военных корпусов. Введенное тогда – имело свои последствия.

Выходившие в то время из училищ в полки армии долго не сходились с новыми сослуживцами, держали себя особняком, нередко давали заметить, будто они куда выше тех, которые ими начальствуют. Им было как-то не по себе в строевой офицерской среде, а потому их иногда невольно считали как бы оппонентами, недовольными тем или другим действием командира. Были ли виноваты в этом молодые люди? Нисколько. Виновата была замена военного воспитания гражданским, гимназическим. При этой замене не принято было во внимание, что, какими бы сведениями не наполнять юные головы, прочное нравственное воспитание и военное направление, для готовящихся стать в ряды армии, должно быть впереди научного.

Нам возразят, что в военных гимназиях поддерживали тот же режим, какой был в корпусах, что воспитанники раз или два в неделю обучались фронту, что они к столу, в классы, в церковь ходили строем, обязаны были отдавать честь всем офицерам и т. д., и что уничтожено только то солдатство, которое существовало между кадетами.

Во-первых, между кадетами прежнего времени было не солдатство, а то безусловно точное исполнение приказаний и порядка, которое должно существовать во всяком военно-воспитательном заведении. Во-вторых, так ли все делалось в гимназиях, как было указано, и не смотрели ли там на нарушения оставшихся в силе военных требований сквозь пальцы. Да наконец и могли ли иначе поступать воспитатели-чиновники, не знавшие сами этих требований и не симпатизировавшие им. Нам по крайней мере известно, что мальчикам, под видом отдыха, позволялось днем лежать на кроватях, и на наше удивление было отвечено: «Что же делать, теперь такие правила». В одном из заведений начальник требовал повсеместной чистоты; а между тем ему было замечено, что такая *приторная* чистота не пригодна готовящимся быть военными. Знаем и такой случай: бывший в гимназии, проведя 2 года в училище, является в полк. Он подходит к полковому командиру с словами: «Я приехал». – «Очень рад, – отвечает ему полковник, – откуда и куда едете?» – «Из училища в ваш полк». Это не выдумка, а факт, и являвшийся таким образом был потом сам воспитателем и педагогом.

Все эти примеры, и много других, могли бы мы привести для того, чтобы подтвердить, что направление, данное заменившим кадетские корпуса заведениям, было неправильно. К чему было в таком случае оставлять военную форму и обучать фронту? Да и производилось-то это обучение для проформы, никто не проверял его, никто им не интересовался. От этого-то и зарождались понятия, что в военной службе есть мелочи, на которые развитому юноше не стоит тратить внимание, тогда как их не существует. Все требования этой службы, от самого малого, азбучного, до самого главного составляют непрерывную цепь. В ней малое звено и ничтожный винт так же важны, как и большие. Пусть начнет ржаветь малое – и прочность всей цепи делается сомнительною. Не счистите ржавчины вовремя – цепь лопнет.

Со времени бывшего упразднения корпусов слышались сетования на ослабление духа товарищества, прежнего соревнования и прежнего единства. Это и натурально, потому что в училища стекались молодые люди из различных гимназий и из разных гражданских заведений; между ними не было ничего общего, их ничто не связывало между собою. Начинаящий воспитание в одном заведении оканчивал его в другом, совершенно при других условиях и другой обстановке, где ни его, ни он никого не знает. Стоит побывать на годичных обедах, которые введены в военном обществе, в дни основания прежних кадетских корпусов, чтобы в смысле товарищества и взаимной связи видеть разницу между бывшими кадетами и получившими воспитание в гимназиях. Первые встречаются как братья, вторые – как знакомые. Прежний кадет, несмотря, что их остается в военной среде меньше, не упускает случая повидаться с товарищами юности, молодое же поколение является в весьма ограниченном числе. Те, кому не случалось бывать на годичных товарищеских обедах, очень ошибутся, если подумают, что в произносимых при этом речах и спичах читаются панегирики прошлому и осуждается настоящее. Напротив, тут рассказываются и вспоминаются анекдоты, обрисовывающие недостатки

прошлой кадетской жизни, читаются сатиры и декламируются стихи на былое, но все это без малейшей горечи или озлобления; напротив, и среди юмора слышится нотка сердечной любви и благодарности к корпусу, где прошли юношеские годы собеседников.

То, что научный уровень образования стоял в прежних кадетских корпусах ниже, чем в военных гимназиях и училищах, мы считаем вопросом открытым. Теперешние программы полнее; но что же мешало расширить их прежде? А чтобы кадеты учились хуже, и хуже знали преподаваемое, этого никто доказать не может. Разве мы не знаем знаменитых профессоров, ученых инженеров, лучших артиллеристов, образованнейших офицеров Генерального штаба, воспитывавшихся в прежних корпусах? Правда, их остается немного; но этому виновато время, и если бы корпуса оставались без перерыва, то и нарекания на недостатки их научного направления не существовало бы.

Один из самых усердных вводителers гимназического направления, в минуту откровенности, высказался, что упразднение кадетских корпусов было, в отношении армии, одною из чувствительных ошибок. От него же мы услышали, что в основу необходимости устроить на развалинах корпусной системы гимназическую положена была мысль, что прежде надо образовывать гражданина, а потом уже военного; что, не испытавши склонности и призвания юноши, нельзя произвольно обрекать его быть военным, что всякому вступающему в годы зрелости надо предоставить свободный выбор карьеры.

Рассмотрим, вполне ли видны эти педагогически фразы в отношении заведений, о которых идет речь.

Бесчисленные примеры доказали, как много прежних кадет, сняв военный мундир, были потом известными и полезнейшими гражданскими деятелями. Еще более было примеров, что лица военного звания, из бывших кадет, с честью исполняли обязанности чиновников высших степеней, хотя и не имели специальной подготовки к тому делу, к которому были определяемы. Были и такие примеры, что кадеты, выпущенные в гарнизонные батальоны, были потом, да и до сих пор остаются, на видных гражданских местах. Причина этого в том, что данное им с детства направление и вся обстановка их жизни приучили их к порядку и точности, придали их характеру терпение и настойчивость.

Разберем другой довод.

Способности и склонности мальчика, за редкими исключениями, формируются в том или другом направлении, зависимо от той среды, в которой он живет, и развиваются в том духе, который указан целью его воспитания. Отдайте сына в лицей – и из него выйдет юрист; определите в семинарию – он будет духовным; поместите в коммерческое училище – получите негоцианта. Конечно, случается и иначе, но это будут исключения.

Говорят еще, что развитой и гимназически образованный юноша может всему научиться, а тем более тем не хитрым вещам, которые требует от офицера строевая служба. В том-то и дело, что хитрым вещам он, пожалуй, научится, а простым – нет, потому что пренебрегает ими, и что эти простые вещи усваиваются не по книге, их на классной доске не начертишь, – подчинения и ответственности не нарисуешь, и усваиваются они не в один или два года, а с детства.

Предчувствуем, что на нас подымется вся клика тех, для кого одно слово в защиту прошлого служит сигналом к тревоге! Было время, когда довольно клеветали на прежнего кадета, и бедный кадет не защищался, потому что чувствовал себя под гнетом такой силы, бороться с которою было не по плечу. Дайте же ему возможность хоть теперь сказать слово в свою защиту.

Одним из любимых доказательств необходимости закрыть прежние корпуса – было обвинение их в том, что они допустили образоваться в их среде особому типу, известному под именем *старый кадет*. Вспомните, как глумились над ним новаторы, не понимая ни его происхождения, ни его безвредных особенностей.

При наружной оригинальности, старый кадет, в действительности, всегда был существом крайне добрым и честным. По лености или по малоспособности он дурно учился, чрез что делался старожилом своего класса. Не переводился он в следующий класс иногда и потому, что учителя, раз взглянув на него как на отсталого и неспособного, потом оставляли его в покое. Позволяя себе отступать от форменности вседневной одежды, он имел куртку пошире, сам вставлял себе клинья внизу панталон, шапку носил на затылке, заворачивал обшлага рукавов. Большею частью он был отличный фронтовик и, как обладающий особенною силою, – первый гимнастер в роте. В то же время он был ярый гонитель ябедника и льстеца, защитник обижаемых, ненавистник любимчиков, враг интригана. Старый кадет охотно принимал на себя вину товарища, а иногда целого класса, и сильно оплачивал тому, кто выдавал виновного. Он не любил ходить в отпуск; корпус был его домом, рота – его семьею. Первый басист в хоре песенников, первый игрок в лапту и городки, он страстно любил лагерь. Если он не особенно дурно вел себя, его обыкновенно выпускали в гарнизон, в противном случае в юнкера, года на три и на четыре. И то и другое он не считал наказанием, так как не претендовал на лучшее.

Таких «старых кадет» было 3–4 человека в двух старших ротах корпуса. Зла они не делали, а если в существовании этого типа и была дурная сторона, то верно не вреднее той, которая, под другим только именем, существовала и по уничтожении корпусов.

Не могущих следить за курсом удаляли из гимназий, и они делались обузою для семьи, обращались в пролетариев, умножали собою число людей вредных обществу. С старыми кадетами этого не случалось. Сколько мы ни знали их на службе, из них всегда выходили честные и примерно исправные служивые. Конечно, идти далеко они не могли, но были хорошими начальниками инвалидных и этапных команд, и солдаты любили их.

Другую причину упразднения корпусов и образования вместо них военных гимназий – называли необходимость отделения старшего возраста от среднего и младшего, говоря, что этого требуют основные начала педагогики. Но разве этого отделения не было в корпусах? С тою только разницею, что тогда не видели причины, как трудно найти ее и теперь, почему все заведение не может обедать и гулять вместе. Неранжированная рота всегда составляла младший возраст, 3 и 2 – средний, 1-я и гренадерская – старший. Единственное отступление делалось для унтер-офицеров, которые, принадлежа старшему возрасту, распределялись по другим, как начальники отделений.

В военных гимназиях между воспитанниками не было установлено ни старшинства, ни каких[-нибудь] наружных отличий. Может быть для

этого существовали педагогические причины? Ведь есть же педагоги, доказывающие вред экзаменов и оценки знания и успехов баллами; или уверяющие, что ленивых следует наказывать не оставлением на лишнее время в классах, а запрещением, на определенный срок, посещать их. Таких хитрых побуждений заставить ленивого учиться мы не понимаем, но что отсутствие наружного отличия, как поощрения и награды, имеет невыгодные стороны, – это несомненно.

В прежних кадетских корпусах лучшие по нравственности и успехам кадеты производились в те самые начальнические звания, какие существуют для нижних чинов в войсках. Там были ефрейторы, унтер-офицеры и фельдфебеля. Носившие эти звания исполняли в строю все присущие им по уставу обязанности, а в административном отношении только то, что не отвлекало от классных занятий. Кадетские роты, как и полковые, делились на отделения (или капральства) и на десятки. Первыми начальствовали старшие унтер-офицеры, вторыми – младшие. Такое начальствование не было номинальным. Каждый должен был исправлять определенные, возложенные на него обязанности и отвечать за подчиненных. Соблюдение личной опрятности, чистота одежды, знание начальства, исправное отдавание чести – все это поверялось унтер-офицерами, и нарушение чего-либо кадетом падало на их ответственность. Теперешнему поколению учащихся кажется это странным, а так было и приносило громадную пользу в будущем.

Кадет, пройдя поименованные звания и обязанности, с ранних лет привыкал к подчиненности и ответственности. По выпуске в офицеры ему и в голову не приходило (как часто случалось потом) обижаться, если начальник сделает ему выговор или взыщет с него за неисправность солдата. Получая взвод или капральство, ему не надо было над ними учиться как управлять ими и спрашивать советов; он знал, с кого что требовать, кто за что должен отвечать и, таким образом, в деле службы он сряду по вступлении в часть был действительным помощником командира и начальником своих солдат. Прежнему кадету ничто в службе не казалось ненужною мелочью потому, что он собственным опытом убедился, как в ней все разумно связано и как важно нарушение чего-либо. Все входило в привычку, а привычка – вторая натура, – и входило без особенного труда. Всякое повышение в корпусе, хотя и увеличивало обязанности, радовало и поощряло его.

Нам возразят, что все, о чем мы говорили, делается в военных училищах, где существуют и унтер-офицеры, и фельдфебеля. Согласны, что делается даже больше, потому что у кадет не было артельщиков, но когда и на каких основаниях применяется?

Во-первых, в портупей-юнкера¹¹² производят за несколько месяцев до выпуска, когда молодой человек уже мечтает об эполетах и темляк для него не особенно лестен. Во-вторых, едва ли с портупей-юнкера взыскивают за длинные волосы, за неотдание чести, за неряшливый выход в строй у его юнкера. Да и странно было бы взыскивать с 18–20-ти-летних юношей, когда не взыскивали с 13 и 14-летних. В возрасте под 20 лет уже поздно

¹¹² Портупей-юнкер – старший юнкер, награжденный офицерским темляком и исполняющий обязанности унтер-офицера. Звание присваивалось лучшим юнкерам за отличное исполнение служебных обязанностей, успехи в учебе и хорошее поведение.

приучать к тому, о чем надо было позаботиться в детстве. Раз же, что не взыскивается – нет ответственности, а без ответственности нет и службы!

Взгляд, что нельзя давать чины детям, а унтер-офицерское звание есть чин, жалуемый за усердную службу, кадет же еще не служит, – может быть и верен. Но разве дело в названии? Пусть лучшие кадеты будут называться старшими, подстаршими, вицунтер-офицерами, как угодно, но все-таки полезно отличить их наружными знаками, возложить на них известные обязанности и ответственность, установить подготовительную подчиненность.

В настоящее время военные гимназии вновь переименованы в кадетские корпуса. Это произвело повсеместное, самое благоприятное впечатление. Родовались этому все военнотружущие, родовались сами воспитанники гимназий, родовался всякий отец, желающий видеть своего сына военным. Надеюсь, что преобразование не ограничится одною переменою названия, он ожидает, что нынешние кадеты получают чисто военное воспитание, которое укрепит в юношах религиозные начала, привязанность к военному званию и непоколебимую преданность к Монарху, одним словом, все то, что составляло неотъемлемые свойства и достоинства кадета прежнего времени.

Да не подумают читатели, что высказанным нами мы хотели умалить достоинства и заслуги тех вышедших из военных училищ, которые своею настоящею службою в мирное время и славными подвигами во время войны доказали и доказывают, что русский офицер, при всякой системе его образования, с достоинством несет свое звание. Нашею целью было только сказать, как ошибочно было не влить в прежние кадетские корпуса все то хорошее, что предполагалось дать военным гимназиям и, не уничтожая корпусов, оставить неприкосновенным то, что составляло их полуторавековые достоинства.

Зайдите в бывшие помещения кадетских корпусов – и вы увидите там портреты их питомцев, оказавших особые заслуги на различных поприщах службы. Войдите в корпусные церкви, отданные училищам, и на их стенах прочтете сотни имен бывших кадет, павших в боях за своих Государей и за честь России. Хотя имена эти украшают храмы заведений иных наименований, но они неразрывно связаны с расадниками, воспитавшими героев.

В течение полтора лет кадетские корпуса были предметом неусыпной отеческой заботливости своих Монархов. Царские Дети стояли в кадетских рядах, разделяя с ними свои труды и забавы. Кадет понимал и ценил это. Его сердце всю жизнь сохраняло тот трепет и то замирание восторга, которое оно ощущало в юности при каждом слове, при каждом взгляде Царя!

Вспомним петергофские лагеря, штурмы каскадов, гулянья в Александрии, развод 1 июля, кадетские маневры¹¹³. Годы унесли это счастливое время юности и оставили одно воспоминание. Но эти светлые

¹¹³ Летние военные лагеря кадет устраивались в Петергофе с начала 1830-х гг., участвовали кадеты и в летних маневрах гвардейских войск. Кульминационным моментом кадетских учений был штурм фонтанов (Большого каскада) в Петергофе. Кадеты, первыми взобравшиеся на каскад по сильно бившей воде, получали маленькие призы из рук императрицы Александры Федоровны (см.: *Высочков Л. В.* Будни и праздники императорского двора. СПб., 2012. С. 426). Александрия – частное владение императорской семьи, ее летняя резиденция в Петергофе, была закрыта для посторонних. Попастъ в эту часть парков можно было только во время праздников. Одним из таких дней было 1 июля – день рождения императрицы Александры Федоровны, супруги Николая I. В этот день в Петергофе устраивались парады, гуляния, иллюминация.

воспоминания нам дороги, мы гордимся ими, они услаждают старость
прежнего кадета.

Кадет 1834–1842 г.

Воскресенье 2 декабря

Вчера в 5 часов вечера, ожидая обед – скончался внезапно сенатор генерал от артиллерии князь Алексей Васильевич *Оболенский*. Это был один из тех праведников, ради которых спасаются грады и веси. Глубокая и горячая вера его проникла всю его жизнь, все его помыслы и все его дела. По поводу этой кончины с князем Михаилом Александровичем Оболенским случился вчера комичный эпизод. В 6 часов вечера является гробовщик; лакей спрашивает: кого вам.

– А вот дозвоьте мерку снять с покойника.

– С какого покойника?

– А вот с вашего князя.

– Пошел к черту, князь наш слава Богу жив.

Гробовщик сует десять рублей лакею – прося войти, князь, услышав разговор, спрашивает, в чем дело. Лакей ему доносит, что вот мол гробовщик хочет его хоронить...

Видел сегодня трех помещиков из трех разных губерний, одного полтавского, другого харьковского, третьего тамбовского. Увы, невеселые вести они рассказывают. Самое невеселое из того, что они рассказывают, есть то, что помещики *консервативного* направления, не совсем разоренные или не бедные, продают свои имения за бесценок и уезжают жить за границу *совсем*.

Трудное, страшно трудное время переживается всеми теперь, и опасное. С тяжелыми годами и эпохами Россия знакома. Но такая эпоха, как нынешняя, совсем иного рода; она заключается в том, что быстрый и незаметный для глаза процесс разрушения государственных основ совершается *снизу*, и если не будет остановлен, готовит ужасы для будущего.

Покойный Государь сказал по поводу освобождения крестьян: *лучше сверху, чем снизу*¹¹⁴. Понятно, Он намекал на революцию или, вернее, на громадную социальную реформу! Теперь, увы, то, что думали предотвратить, начиная *сверху*, начинается *снизу*, в этом нет сомнения. Народ начинает *кое-где* хотеть *всю землю*, и этот же народ везде теперь голодает, или, вернее, бедствует, вследствие быстрого падения цен на землю и сокращения везде помещичьего хозяйства, и с другой стороны, вследствие общего застоя в торговле и промышленности, лишаящего его заработков. Таким образом то, что составляет самое худшее из усложнений – для государства, то именно теперь случается с Россией: экономическое безысходное положение соединяется с началом социализма в народе, разумея под социализмом требование себе *всей земли*...

Что же делать, спрашивают все с тревогой и тоской. Что? Прежде всего надо объединить правительство в отношении этого вопроса. Теперь каждый министр работает за себя, и никто с другими не сходитяся. Гр. [Д. А.] Толстой никого не видит, министр финансов¹¹⁵ никого не видит и т. д.: тогда как теперь надо чуть ли не ежедневно министрам сходитьяся для обсуждения сообща: что делать в виду общего застоя и общего сельскохозяйственного кризиса? Будь я на месте Государя, я бы теперь вот что сделал.

¹¹⁴ Мещерский имеет в виду известные слова Александра II, сказанные им 30 марта 1856 г. при приеме в Москве представителей дворянства Московской губернии. Упомянув о распространившихся слухах о скорой отмене крепостного права, император продолжил: «В отвращение разных неосновательных толков по предмету столь важному, я считаю нужным объявить всем вам, что я не имею намерения сделать это сейчас. Но, конечно, и сами вы понимаете, что существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным. Лучше начать уничтожать крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнет само собой уничтожаться снизу. Прошу вас, господа, обдумать, как бы привести все это в исполнение. Передайте слова мои дворянам, для соображения» (цит. по: *Татищев С.* Император Александр Второй. Его жизнь и царствование. М., 1996. Кн. 1. С. 331).

¹¹⁵ Н. Х. Бунге.

1) Я бы собрал Совет министров для обсуждения следующих вопросов: а) как немедленно положить конец своеволию, грабежам, поджогам, потравам, порубкам, нарушениям рабочими договоров относительно помещиков, словом, как сделать, чтобы ввести порядок и страх власти в крестьянском населении; затем по обсуждении вопроса я бы поручил министрам внутрен[них] дел, государствен[ных] имуществ¹¹⁶ и К. П. Победоносцеву сообща вырабатывать проект мер *безотлагательно*; б) следует ли, то есть нужно ли учреждение особого министерства торговли и промышленности? в) что сделать в виду застоя в промышленности внутри России?

2) Я бы собирал Совет министров каждые две недели для обсуждения вопросов в течение 2 недель являющихся и требующих общего обсуждения.

3) Проект устройства поземельного кредита для помещиков – ныне вырабатываемый в Министерстве финансов, я непременно велел передать на обсуждение тех членов Кахановской комиссии, которые приглашены из провинций.

Понедельник 3 декабря

Тяжелые впечатления и грустные размышления наводит Рыковский процесс¹¹⁷ на душу. Сколько лет этому гиганту мошеннику все воздавали почести, сколько лет Рыковский скопинский банк пользовался привилегиями своего положения и покровительством нашего финансового правительства; оно ему позволяло какими угодно рекламами заманивать к себе тысячи небогатых людей; оно проявляло к нему не только спокойное доверие, но как бы свое благорасположение; оно ни разу не подвергло строгой ревизии, когда можно было предвидеть крах и предупредить разорение тысяч людей. И вот свершается крах! По всей России раздаётся крик изумления и стон отчаяния... Все взоры устремляются на правительство с мыслию и с вопросом: неужели оно не поможет?

Нет, Министерство финансов отворачивается от ужасного зрелища и умывает себе все-народно руки, говоря: погибайте, это не мое дело!

Между тем оно могло и в последние минуты спасти банк, не [И. Г.] Рыкова ради, а тысячей жертв его ради, назначив временное заведыванье банком и снабдив его значительными капиталами для оборотов в виде ссуд. Это тем более печально, что то же Министерство финансов на глазах у всех не очень давно, когда крах Взаимного кредита в Петербурге был неминуем, через Государственный банк спасло Взаимный кредит и тысячи лиц от разорения денежными ссудами¹¹⁸. Но здесь был Петербург, интересы друзей [Е. И.] Ламанского и К^{ии}, а там вся Россия, тысячи темного люда, и на них махнули рукою, и их предали.

А между тем тут является вопрос политической мудрости и нравственности: может ли правительство не считать себя нравственно ответственным перед многими обманутыми жертвами за Рыковскую катастрофу, раз что оно ничего не сделало для предотвращения краха,

¹¹⁶ Министр внутренних дел – Д. А. Толстой, министр государственных имуществ – М. Н. Островский.

¹¹⁷ В ноябре – декабре 1884 г. в Московской судебной палате слушалось дело о злоупотреблениях в Скопинском городском общественном банке, во главе которого стоял коммерции советник И. Г. Рыков. Первые заявления о злоупотреблениях в этом банке относились к 1878 г., а его несостоятельность была обнаружена в августе 1882 г. 2 октября того же года было начато следствие, а 12 октября банк был объявлен банкротом. Приговором, вынесенным 12 декабря 1884 г., Рыков был лишен звания коммерции советника, орденов и всех прав состояния и сослан на поселение в Сибирь. Его подчиненные понесли более легкое наказание. Окончательно приговор был утвержден 2 января 1885 г. Отчеты о процессе см.: Московские ведомости. 1884. № 325–345. 23 нояб. – 13 дек.

¹¹⁸ Падение курса кредитного рубля вследствие Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. поставило в сложное положение русские кредитные учреждения, и в том числе Общество взаимного поземельного кредита. В 1884 г. оно обратилось к правительству за помощью, в результате чего Обществу было разрешено заключить облигационный заем, с тем чтобы вырученные суммы были обращены на облегчение положения заемщиков. При этом казна брала на себя обязательство выдавать Обществу авансы на уплату процентов по выпущенным облигациям; эти авансы выдавались без процентов на условиях их возврата только после того, когда Общество будет обладать свободными средствами (Полное собрание законов. Собр. 3. Т. 4. 1884. № 2253. 22 мая). Подробнее см.: Мигулин П. П. Наша банковская политика (1729–1903). Харьков, 1904. С. 188–189.

дозволяло Рыкову свои плутовские операции и молчанием своим ободряло и как бы поощряло верить в силу Скопинского банка.

Ведь все это происходило в монархическом самодержавном государстве, где нельзя ни одной строки, ни одного транспаранта напечатать без именно дозволения правительства! Не знаю, как смотрят на это финансисты теоретики, но прислушиваясь к говору людей, страдаешь за правительство, ибо его обвиняют, и чувствуешь, что эти обвинения наносят Самодержавию вред.

Чувствуешь и понимаешь тоже, что если бы правительство признало себя ответственным в деле Рыковского банка, то оно бы приобрело этим громадную нравственную силу. Что же? Дело еще не безвозвратно погибло. Отчего не остановиться на мысли, что по окончании судебного дела было бы возможно задать Министерству финансов вопрос: нельзя ли изыскать способов вознаграждения за убытки вкладчиков: например – выплачивая убытки в течение известного количества лет, ассигновав на то известную ежегодную сумму? Комиссия в Министерстве финансов могла бы этим заняться?

Так хочется, чтобы поводов благословлять Главу Правительства все было больше и больше! Во всяком случае вопрос: что *можно сделать* для несчастных жертв Скопинского банка, стоит быть поставленным.

Вторник 4 декабря

Курьезное и зловещее событие совершилось в германском парламенте. Большинство отказало кн. Бисмарку в ассигновании средств на учреждение должности директора при Министерстве иностранных дел!

Ясно, что дело не в директоре, а в том, что большинство в парламенте хочет воевать с имперским канцлером на жизнь или на смерть. Вероятно правительству придется распустить парламент; а потом что? *That is the question*¹¹⁹. Во всяком случае интересно, что в состав германского парламента нового выбора вошла по-видимому довольно организованная и сильная партия северо-германских адептов *народодержавия* или, что то же, анархистов под другим именем и хотящих анархии под другим соусом. Эта партия теперь уже обнародывает свою программу; она проста: царствование народа над правительством, свобода ассоциаций, свобода печати, освобождение рабочих от зависимости от правительства и полная ответственность министров перед народом. К этой программе есть дополнение: сокращение военной службы на год всего навсего, уничтожение милитаризма и отделение церкви от государства, то есть уничтожение церкви.

Вот к чему привели недавние заигрыванья князя Бисмарка с демократами. О, Боже, сколько раз в нынешнее время приходится вспоминать слова императ[ора] Николая Первого, по поводу народного возмущения сказанные Им двенадцатилетнему сыну¹²⁰ в 1830 году: *«Помни всегда, что Государь, получив от Бога скипетр и меч, не должен никогда убежать от возмущения, если суждено ему умереть, он должен умереть на ступенях трона»*.

В этих простых словах вся мудрость и тайна монархического завета. Бегать от возмущения значит заигрывать с толпою или бояться демократии; толпа всякая есть демократия; толпа есть сила – но сила разрушения. Монарх есть тоже сила, но сила порядка. Когда Монарх делает уступки толпе, он усиливает толпу и ослабляет Себя всегда, неизменно и везде; это аксиома; а усиление толпы есть шаг к разрушению монархии. Всякая толпа есть разрушительная стихия, даже самая благодушная, почему? Потому что толпою всегда руководят люди, желающие из зависти и из честолюбия занять место правительства и Монарха. Людовик XVI погиб только тогда, когда сделал последнюю уступку толпе для своего спасения. Людовик XVI давно уже не

¹¹⁹ Вот в чем вопрос (*англ.*).

¹²⁰ Александр Николаевич, в будущем Александр II.

стоял на ступенях трона с мечом и скипетром в руках; он уже боролся в толпе, на улице, он сам себя давно развенчал уступками толпе. Первое марта застигло уже русскую монархию на роковом пути уступок толпе. С нею заигрывали, с нею считались, ее называли общественным мнением, ее боялись!

Бисмарк под старость лет вздумал из толпы себе делать партию, союзников. И вот эта толпа, принявши формы многоголовой демократической гидры, является через несколько лет в парламенте его соперницею, его личным врагом!

Толпа есть прежде всего детское существо, и затем толпа есть холоп. Когда Монарх силен и не признает толпу, толпа его боится и безмолвствует пред ним; как только Монарх малейшим образом проявляет, что считает толпу за силу, толпа из ребенка, из раба, делается зверем и лезет разрушать трон. Это аксиома. Монарх должен все во имя народа и его блага сметь святого и благого, но никому Он не должен позволять сметь быть народною силою. Он один – народная сила!

№ 14

[Дневник 5–9 декабря 1884]

Среда 5 декабря По делу [И. И.] Мироновича

Четверг 6 дек[абря] О кн. Бисмарке

Пятница 7 дек[абря] Об Остзейск[ом] кр[ае]

Суббота 8 дек[абря] О кредите для помещиков

Воскресенье 9 дек[абря] О судебном вед[омстве]

Среда 5 декабря

Все толкуют о приговоре по делу [И. И.] Мироновича об убийстве Сарры Беккер¹²¹. Какая рознь во мнениях. Одни с восторгом говорят о справедливости суда, другие возмущены несправедливостью. Дело в том, что тут опять, как когда-то в деле [В. И.] Засулич¹²², слишком бесцеремонно и пристрастно сказались отношения разнузданного и дряблого общества к нашему суду. Семенова явилась какой-то героинею в ореоле *симпатичного* психического субъекта; а Мироновича суд закатал главным образом потому, что газеты его травили за год

¹²¹ Дело об убийстве еврейской девочки Сарры Беккер, дочери приказчика одной из петербургских ссудных касс, слушалось в Петербургском окружном суде с 27 ноября по 3 декабря 1884 г. Обвиняемым по этому делу выступал И. И. Миронович, владелец этой ссудной кассы. Дело осложнялось сбивчивыми показаниями Е. Н. Семеновой, которая видела девочку последней и то признавалась в убийстве, то отрицала свою вину. Освещение этого процесса см., например: Московские ведомости. 1884. № 330–334, 336–338, 340, 341. 28 нояб. – 2 дек., 4–6, 8, 9 дек. Миронович был признан виновным в убийстве, а Семенова – в укрывательстве преступления и разных других преступлениях, сожитель Семеновой отставной поручик Безак – в недонесении и принятии от Семеновой вещей, добытых преступлением. При этом присяжные признали, что Семенова действовала в состоянии невменяемости, и она была освобождена от наказания. Однако приговор в отношении Мироновича был отменен Сенатом, его судили вторично в С.-Петербургском окружном суде (Московские ведомости. 1885. № 264. 24 сент. С. 4). Заседания суда проходили с 23 сентября по 2 октября (об этом суде см., например: Московские ведомости. 1885. № 264–283. 24 сент. – 13 окт.). Миронович был признан невиновным, из материалов дела было ясно, что убийцей является Семенова, однако обвинить ее было нельзя, поскольку она уже была оправдана судом присяжных и, согласно судебным уставам, не могла быть судима за то же преступление (Москва, 7 октября // Московские ведомости. 1885. № 278. 8 окт. С. 1). Год спустя Миронович издал книгу, в которой описал все перипетии этого дела, а в качестве приложения поместил материалы следственной комиссии: *Миронович И. И. Кто убил Сарру Беккер?* СПб., 1886.

¹²² 24 января 1878 г. В. И. Засулич в Петербурге стреляла в градоначальника Ф. Ф. Трепова. Причиной покушения стало наказание розгами по приказу Трепова арестованного революционера Боголюбова (А. П. Емельянова) за «дерзость». Судебный процесс привлек большое внимание, причем симпатии публики оказались на стороне террористки, которая приговором суда присяжных 31 марта 1878 г. была оправдана.

до начала суда, а травили его газеты потому, что он был антипатичен, а антипатичен он был потому, что был прежде полицейским.

В деле этом сказались две особенности. Во-первых, полная несостоятельность нашей следственной части: предварительное следствие по этому делу было из рук вон плохо ведено, а во-вторых, несерьезность наших судов. Все эти 8 дней судебного производства были скорее похожи на разыгрывание в лицах одной из глав романа Достоевского, чем на серьезный уголовный процесс¹²³. И затем, когда дело окончилось, стало несомненным, увы, что отныне новый прецедент вводится в наш судебный мир: можно кого угодно схватить, посадить под следствие, отдать под суд без всякого повода серьезного, и когда окажется, что доказательств виновности нет, то пригласить психиатра или эксперта и основать приговор на догадках и мнении этого эксперта.

Четверг 6 декабря

Видел сегодня приехавшего из Берлина Солнцева; прожил он там без мала три года и вынес убеждение, что там дела идут не ладно. Пропаганда социализма, давшего руку анархии, идет очень быстро и главною вспомогательною силою имеет религиозный вопрос. Князь Бисмарк кажется на этом проигрывает свою шахматную партию, и его вчерашние друзья, социал-демократы, собираются ему сделать мат. Тайна этого печального положения очень по-видимому понятна. Бисмарк для борьбы с Римом и с клерикалами – вздумал искать себе поддержку в социал-демократах, то есть в партии безверия и атеизма, с одной стороны, а с другой – в партии разрушения того, на создание чего Бисмарк посвятил всю свою жизнь, то есть Империи. А теперь приходится расплачиваться с такими союзниками. Расплата это критический час для Германии. Вся католическая Германия, отброшенная Бисмарком от политического руля вследствие недоверия к ней, – держится в стороне, а католическая ведь Германия это монархическая Германия, и во всяком случае христианская и консервативная; Бисмарк лишился ее опоры навсегда. Вся лютеранская Германия разделилась на два лагеря: на христианский и атеистический. В данную минуту последний благодаря прежней ошибке Бисмарка, пожелавшего пококетничать с демократами, оказывается политически сильнее... Значит Бисмарку остается: за него часть лютеранской Германии и военная партия, больше ничего. При таких условиях далеко не уедешь в мирное время. Будь война, князь Бисмарк был бы спасен, но в мирное время ему приходится идти на политику авантюры и борьбы с парламентом, а чем она кончится – неизвестно! Распусшением парламента? Да, но будет ли лучше новый парламент, that is the question!

Про Россию Солнцев мне говорил следующее. В крайнем случае Бисмарк был бы, по мнению берлинских политиканов, не прочь от войны с Россиею, чтобы отвлечь от своего дела разрушения Империи партию социал-демократов, ежегодно усиливающуюся.

К этой войне с Россиею есть постоянно два сильные стимула: первый – военная или юнкерская партия, которой мир надоел; и партия социал-демократов в союзе с национал-либералами, это сильная партия. Она ненавидит Россию как представительницу антикультурной народной силы и как сильный христианский народ; это ненависть сатаны к Церкви. Упускать сие из виду нельзя. Война с Россиею может быть вызвана необходимостью выйти из политического кризиса.

Пятница 7 декабря

Виделся сегодня с [И. Е.] Шевичем, губернатором лифляндским. Он говорит, что положение его до нельзя трудное. И действительно трудное. Во-первых, ему приходится все молчать, чтобы не сказать такое слово, которое могло бы быть или перевернуто или принято в том

¹²³ Описание Ф. М. Достоевским судебного заседания см. в 4-й части «Братьев Карамазовых» (Книга двенадцатая. Судебная ошибка).

или другом смысле; во-вторых, ему невозможно, как русскому, не желать, чтобы достоинство всего русского серьезного было всегда оберегаемо и на первом плане; в-третьих, как губернатору всероссийского правительства, ему невозможно не признавать и не помнить, что вся сила земельная и вся сила общественная в руках немецкого общества; в-четвертых, ему нельзя не ведать, что все остзейское дворянство настолько же фанатично и преемственно предано Императорскому Дому, насколько оно в то же время не любит русский народ и ненавидит православие; в-пятых, как консерватор, он, Шевич, не может не сочувствовать консервативному строю Остзейского края, первенству в нем дворянства, и бояться, чтобы к идее борьбы за русскую силу не примешивалась идея борьбы демократического начала с аристократическим.

В виду всего этого Шевич, по-моему, очень мудро держится такой политики: 1) всеми силами стараться об усилении и прославлении главного русского начала, консервативного и животворного: *Православия*.

2) *Мелочи и подробности* жизни – дающие пищу сплетням и взаимному раздражению – *игнорировать* вовсе.

3) С дворянами стоять и быть на легальной и утонченно вежливой почве.

4) Требовать законного везде и ото всех.

5) Избегать всякой демонстративной политики в ту или другую сторону, когда она не в пользу Православия и не в пользу Самодержавия.

Трудность ведения дела в Остзейском крае обусловливается двумя причинами: 1) в русской интеллигентной партии есть партия демократическая и антиправославная; 2) в партии, поднимающей аграрный или земельный вопрос, есть сильная партия революционная. Что это так, доказывается тем, что у нас все нигилистические и антимонархические газеты стоят горюю за угнетаемый будто бы остзейский народ.

Очень дельна по-моему мысль о необходимости учредить в Риге *кадетский корпус*.

Суббота 8 декабря

Слышал сегодня следующее. Министр финансов будто бы совсем приготовился к тому, чтобы на желание Государя устроить для помещиков дешевый кредит отвечать отказом и мотивировать отказ этот тем, что невозможно получить уверенность в том, что деньги, которые станут занимать помещики, шли бы на имения, а не на пустяки. Но вдруг, рассказывал мне один чиновник Министерства фин[ансов], Бунге изменяет свое отношение к делу и начинает говорить о необходимости все-таки устроить кредит для помещиков. Перемену эту приписывают желанию Государя.

Во всяком случае, аргумент Бунге не заслуживает никакого внимания, ибо весьма не трудно устроить кредит для помещиков так, чтобы он пошел на хозяйство земли, а не на кутежи. Стоит только потребовать обеспечения за [2 слова нрзб.] для правительства проведенных ссуд посредством дворянских собраний уездных и губернских. Раз дворянство поручится коллективно, то оно же может отвечать за то, чтобы деньги, выдаваемые в ссуду, шли на имение, и сверх того не трудно было бы от помещиков, занимающих деньги на имения, требовать расписки или обязательства в том, что помещик будет или жить в деревне или заведывать имением через управляющего, но в аренду его отдавать не будет. Во всяком случае мысль о том, чтобы проект кредита для помещиков отдать на обсуждение *приезжих членов* Кахановской комиссии, признается многими практической мыслью.

Воскресенье 9 декабря

Какая гангрена умственная и духовная свирепствует в нашем судебном ведомстве. [Д. Н.] Набоков в своей речи в Москве¹²⁴ чуть ли не до небес восхвалял судебное ведомство! Но Боже мой, какое заблуждение. Если где-нибудь растление старого русского здравого смысла

¹²⁴ См.: Дневник за 12 ноября 1884 г. и примеч. 44 к этому году.

и старой монархической духовной жизни сильно и является сильным агентом революционной пропаганды, то это именно в судебном ведомстве. Оттуда фальшь, и вредная фальшь, идет в жизнь. Не только знаменитые процессы, как дело Засулич, а теперь дело Мироновича проявляют эту фальшь, но и в будничных делах она является. Например, один товарищ прокурора мне рассказывал, что в той самой Москве он обратился по одному делу к присяжным с такими словами: «Вы будете призваны, гг. присяжные, произнести приговор по совести; но помните, что права миловать преступника никто не имеет в России, кроме Царя! Или он виновен, или он невиновен!»

Что же оказывается?

Оказывается, что немедленно вслед за этим товарищем прокурора председатель суда обращается к тем же присяжным и говорит: «Товарищ прокурора вам напомнил, что вы не имеете права помилования, это верно, но я считаю нужным вам напомнить, что вы имеете право решать вопрос о невменении обвиняемому преступления». Присяжные обсудили дело и вынесли разумеется *оправдательный* приговор.

На суде Мироновича явился сумасшедший психиатр Балинский и сочинил новую причину освобождать преступников от наказания; и суд ее принял, не взирая на всю ее нелепость: *психопатия*!

Так идет сумасшествие в суде *crescendo*¹²⁵: прежде был: *рефлекс*, потом *аффект*, затем явилось *исступление*, а теперь *психопатия*!

№ 15

[Дневник 24 декабря 1884 – 6 января 1885]

Всемиловитейший Государь!

Пользуюсь сим, чтобы принести Вашему Величеству мой запоздалый привет с Новым годом. Как бы не нужен он ни был, этот привет, мне доставляет известную отраду сказать Вам: да благословит Бог Ваш год, Вашу жизнь, Ваш ум, Ваше сердце, Вашу Супругу, Вашего Первенца, Ваших детей¹²⁶, и в Вас и через Вас нашу бедную Россию.

Может быть осчастливите меня двумя строками! А если и этого не заслуживаю, то простите сию вырвавшуюся из сердца просьбу с тем же добрым снисхождением, с которым прощали не раз слабости и промахи человека Вам преданного, Государь, беспредельно и неллицимерно!

Вашего Величества

верноподданный К. В. М.

Понедельник 24 декабря О Киевск[ом] унив[ерситете] и Харьк[овском] технологич[еском] институте

Вторник 25 дек[абря] Об анархистах

¹²⁵ крещендо (*ит.*).

¹²⁶ Мещерский упоминает жену Александра III императрицу Марию Федоровну и их детей – Николая (1868–1918), Георгия (1871–1899), Ксению (1875–1960), Михаила (1878–1918) и Ольгу (1882–1960).

Среда 26 дек[абря] О моск[овском] генер[ал]-губ[ернаторе]
Четверг 27 дек[абря] Умная финансовая мысль
Пятница 28 дек[абря] О судах и взятках новых
Суббота 29 дек[абря] Петербург[ские] легенды
Воскресенье 30 дек[абря] Письмо от брата
Понедельник 31 дек[абря] Размышления
Вторник 1 января У [И. Д.] Делянова
Среда 2 января Пенз[енский] губернатор
Четверг 3 января О «Гражданине»
Пятница 4 января Умная мысль на счет дворянства
Суббота 5 января Обед у [Г. О.] Гинцбурга
Воскресенье 6 января [С. А.] Рачинский и нар[одная] школа

Понедельник 24 декабря

Киевский университет после погрома формируется¹²⁷. До закрытия в нем было 1600 студентов; теперь принято 1000; двести, говорят, улетучились, а 400-м двери пока не отворяются. 400 человек это много. Не доказывает ли эта крупная цифра неумение киевского начальства попасть в цель. Очевидно не все 400 – негодяи! Когда в Петербурге были последние студентские беспорядки, [П. А.] Грессер напал на 50 человек студентов, и, как оказалось, попал так метко, что после исключения этих 50 молодцов все затихло в среде студентов; беспокойные успокоились, оставшись без своих коноводов. К сожалению, киевский попечитель округа¹²⁸ не Грессер. У него нет ни нюха, ни твердости. А у добрейшего Ивана Давыдовича¹²⁹ подавно. Чуть ли не три года варили историю открытия в Харькове никому не нужного Технологического института, варили, варили, созвал Делянов свой Совет¹³⁰, судили, рассуждали и решили: Технологич[еского] института в Харькове вовсе не нужно. Казалось бы [И. Д.] Делянову на этом настоять! Нет, [Н. А.] Ермаков убедил Бунге, что Россия погибнет без Технологического инстит[ута] в Харькове, и вот Делянов представляет в Госуд[арственный] совет против собственного убеждения проект штата Харьковского технологического института!¹³¹

И что же? Годика через два заведется в Харькове гнездо нигилизма почище всех нынешних; начнутся истории, скандалы, а Делянов будет ссылаться на министра финансов. А между тем очевидно вся вина на нем.

Вторник 25 декабря

Получил от нахалов, именующих себя *обществом*, отчет за 4 месяца о приходе и расходе сумм на *политических ссыльных и заключенных*, по городской почте в конверте на мое имя. Оборот этого отчета до 2000 рублей, внесенных разными анонимами и кружками! Какие-то

¹²⁷ См. примеч. 55 к этому году.

¹²⁸ Попечитель Киевского учебного округа С. П. Голубцов.

¹²⁹ Министр народного просвещения И. Д. Делянов.

¹³⁰ Совет министра народного просвещения входил в структуру Министерства народного просвещения.

¹³¹ Мысль об открытии в Харькове второго (после Петербургского) технологического института возникла в 1871 г. в Министерстве финансов, к ведению которого относились тогда технические учебные заведения. Тогда же было заложено здание института, однако постройка его затянулась. В 1881 г. при обсуждении в Госсовете вопроса об открытии в Харькове технологического института было высказано мнение о несвоевременности открытия высшего технического учебного заведения в провинции, которая гораздо больше нуждается в специалистах со средним техническим образованием. Министерству народного просвещения, лишь недавно (в том же 1881 г.) принявшему от Министерства финансов заведование техническими учебными заведениями, было поручено пересмотреть проект. Второй раз вопрос об открытии в Харькове технологического института обсуждался в Госсовете три года спустя, в мае 1884 г., и был решен положительно. Еще через год, в апреле 1885-го, были утверждены Положение о Харьковском практическом технологическом институте и его штаты. Институт был торжественно открыт 15 сентября 1885 г.

рабочие артели, свободные ассоциации и т. п. Я сообщил про этот отчет [П. А.] Грессеру; он имел уже о нем понятие; по его словам, главные деятели ассоциации – студенты!

Всякий раз, когда побуду с Грессером, думаю про себя: как жаль, что Грессеров у нас так мало.

Кстати о надзоре. Что-то очень начинает слабеть надзор Мин[истерства] внутр[енних] дел за печатью. Одну за другую разрешают газеты с новыми программами. Разрешили в Москве газету «Светоч». И в какой грубый обман дает себя вовлекать Главное управление по делам печати. Был в Москве «Московский телеграф»; редактором был известный социалист [И. И.] Родзевич. Газету эту закрыли за явно противоправительственное направление. И что же? Этот Родзевич берет подставного редактора, подставного издателя, им разрешают издавать газету «Светоч», а этот мерзавец Родзевич затем публикует, что газета «Светоч» будет издаваться при *типографии Родзевича*, и о двух подставных именах издателя и редактора ни слова!¹³² Вообще, хорошо было бы обратить внимание гр. [Д. А.] Толстого на то, что чересчур много разрешается газет совсем неизвестного и ненадежного направления.

Среда 26 декабря

Был у Конст[антина] Петр[овича] Побед[оносцева]. Сегодня утром он вернулся из Москвы, куда ездил констатировать странную и курьезную распрю между митрополитом¹³³ и княз[ем] Влад[имиром] Анд[реевичем] Долгоруковым. Действительно, курьезная распря. Князю Долгорукову надо непременно, чтобы в большие праздники в Храме Спасителя происходило подобие Царского выхода, и народ имел самый крошечный доступ в Собор; митрополит настаивает на том, чтобы большая часть Храма отдавалась народу.

Курьезен этот московский магнат, под старость лет ставящий в такую непомерную цену свой внешний престиж. Надо надеяться, что митрополит в этом споре победит, ибо¹³⁴

Видел одного помещика, приехавшего с выборов в Саратовской и в Тамбовской губерниях¹³⁵. Он рассказывает, что в обеих губерниях нашел серьезное и хорошее настроение дворянства. Положение незавидное, но никто не падает духом; все полны надежд, что Царь в нынешнее трудное положение войдет в него близко и, не нарушая ничьих интересов, поможет дворянству подняться.

Четверг 27 декабря

Подписка на «Гражданина» дает знаменательные и утешительные результаты в нынешнем году. Усиливается подписка в рядах административных лиц в провинции и в рядах интеллигенции: губернаторы стали подписываться, между военными она усилилась, в гимназиях гораздо более подписываются. Это признак несомненный, что смелая речь «Гражданина» произвела свое действие, и пропаганда консервативных идей делается сама собою.

В «Гражд[анине]» помещена краткая статья с проектом финансовой меры одного умного русского человека, стоящим внимания¹³⁶.

¹³² «Московский телеграф» (Москва; 1881–1883) – ежедневная политическая и литературная газета (издатель и редактор – И. И. Родзевич), запрещена 19 марта 1883 г.; «Светоч» (Петербург; 1882–1885) – ежедневная петербургская политическая и литературная газета (издатель и редактор – В. Ярмонкин), запрещена 8 января 1885 г. Оба издания были прекращены решением совещания четырех министров (внутренних дел, народного просвещения, юстиции и обер-прокурора Святейшего Синода) как «безусловно вредные».

¹³³ Митрополит Московский и Коломенский Иоанникий (Руднев).

¹³⁴ Так в подлиннике: предложение не закончено.

¹³⁵ Речь идет о губернских дворянских собраниях. Дворянские собрания собирались раз в три года – губернские обычно в декабре или январе, уездные – на три месяца раньше (Свод законов. Т. 9. Кн. 1. Ст. 94, 97). В них участвовали все дворяне губернии или уезда. Дворянские собрания вели родословные книги, выдавали документы на дворянство и имели право принимать в ряды местных дворян и исключать из них; составляли путем добровольных взносов общественную дворянскую казну; избирали губернского и уездного предводителя дворянства.

¹³⁶ Читателям «Гражданина» Мещерский представил эту статью как полученное им письмо и опубликовал в Дневнике за

Настоящее крайне тяжелое положение финансов в России происходит от многих причин, но одна из них, и едва ли не главная, есть слишком дорогой кредит. Недвижимая собственность в России, находящаяся в залоге в разных банках и городских кредитных обществах в сумме одного миллиарда рублей, платит только от 5 до 10 проц. в год, не считая погашения. При таких тяжких условиях никакое хозяйство выдержать не может, и последствия – продажа тысяч имений и домов при отсутствии покупателей, а результат – всеобщее обеднение. Искони веков все полезное, хорошее в России исходило от правительства. Так и теперь, откуда ждать спасения? – от того же правительства, и вот путь для проявления этого нового благодеяния, от которого спасутся от разорения не сотни и тысячи, а сотни тысяч и миллионы соотечественников, причем и правительство и заемщики получат значительную пользу.

Денежные рынки наши переполнены разными бумажными знаками, так что выпуск новых каких бы ни было знаков кроме вреда ничего не принесет. Но если теперь существующие дорогие бумаги заменить более дешевыми, выгода несомненна. Правительство открывает *государственный банк для залога недвижимых имуществ в России* и выпускает знаки в 100, 1000 и 10 000 р. Знаки именные или безыменные. Знаки эти будут приносить владельцам их по одной копейке в день на сто рублей, что составит в год 3,60 проц[ентов], считая для удобства все месяцы по тридцати дней. Знаки эти не могут выпускаться иначе, как взамен других знаков банков и городских кредитных обществ, покупаемых вышеозначенным государственным банком. Заемщики будут платить 4 проц. в год и 1 проц. погашения, так что в сорок лет долг уплачивается. Имущества оцениваются оценщиками от банка по материальной ценности и доходу, причем меньшая принимается в оценку. Сгораемое обязательно страхуется в сумме, превышающей ссуду. При переходе в государственный банк имения, заложенного в другом банке или обществе, оценка производится вновь оценщиками банка.

Всякое имущество, оцененное и получившее ссуду в государственном банке, вносится в государственную ипотечную книгу и владельцу выдается ипотечный лист, выражающий ценность его имущества и определение границ будущего возможного кредита.

Заемщики платят два раза в год по 21/2 проц[ента] за каждое полугодие вперед, с четырехмесячною льготою и с платежом 1/2 проц[ента] пени за каждый месяц.

Неоплаченные имущества подвергаются продаже с публичного торга. Причем недополученная сумма ссуды взыскивается с виновных. Дальнейшие ссуды разрешаются, но не выше ипотечного листа и с преимуществом государственного банка. Остаток от 4 проц[ентов], по которым выдается 3,60 проц[ента], именно 0,40 проц[ента], равно как и пени за несвоевременный взнос, идут на содержание государственного банка и его отделений. Оценщики банку ничего не стоят, ибо при оценке взыскивается часть процента от владельца закладываемого и оцениваемого имущества. Остальные подробности должны быть разработаны по образцам прежнего государственного заемного банка, приказов общественного призрения, кредитных обществ и поземельных банков.

Выгоды приведения этого проекта в исполнение весьма значительны, и вот перечень более выдающихся:

1) Заемщики платят теперь от 5 до 10 проц[ентов] в год, на что миллиард долгу составляет, взяв средний процент платежа, т. е. $7\frac{1}{2}$ проц[ента], 75 000 000 р. Будут платить 4 проц[ента], составит 40 000 000 руб. Остаются в их пользу ежегодно 35 000 000 р. Понятно, что все заложенные имущества в других банках и городских кредитных обществах перейдут в государственный банк, и столь вредные частные банки и общества закроются. Операция эта совершится самым легальным путем, ибо и теперь всякий заемщик имеет право вносить сверх обязательных платежей, и таковые платежи идут ежегодно в тираж.

2) Государственный банк будет выпускать столько бумаг, сколько извлечет из обращения других бумаг и получит значительную пользу, ибо будет покупать бумаги ценою от 80–95 проц[ентов] за 100, что на миллиард составит 100 000 000. Бумаги частных банков и городских кредитных обществ упадут еще в цене, ибо, за переходом хороших имуществ в государственный банк у них останутся только обремененные невыносимыми долгами имущества, а по тем придется всем банкам приплачивать, а они этого сделать будут не в состоянии.

3) Так как теперь большинство капиталов приносит 5 % и более, а новые знаки будут выдавать только 3,60 %, то все государственные 5 %, восточные и другие правительственные бумаги возрастут в цене, т. е. те, которые уже выпущены правительством и могущие быть вновь выпущены.

4) Новые знаки банка 100 р., 1000 р. и 10 000 р., обеспеченные недвижимым имуществом, представляют ценность несомненную и заменят собою сторублевые билеты в обращении и правительство будет их принимать вместо кредитных билетов. Через это все сторублевые билеты выйдут из обращения и число выпущенных правительством сторублевых билетов убавится миллионов на 200 руб. Всякому удобно получать даже на необходимые деньги проценты, значит, все пожелают иметь новые билеты. Это мы видим теперь на сериях, только новые билеты будут удобнее к расчету.

5) Столь необходимая и так давно не осуществленная ипотечная система, наконец, получит прочное основание, и столь шаткий кредит в России станет на более твердую ногу.

6) Частные банки и городские кредитные общества, принесшие так много вреда, – закроются. Лица, которым будет поручена оценка и охрана, будут находиться на коронной службе, значит и злоупотребления будут наказаны, а это есть одна из гарантий надежности дела.

Весь проект этот есть ничто более как эскиз, он требует большой разработки; но если правительство примет его, много, много добра сделает оно. Много облегчит горя и беды, и спасет целые семьи от разоренья вследствие вовлечения их частными банками в самое тягостное, безвыходное положение.

В. Т.

К сожалению, голоса частных лиц не выслушиваются нашими финансистами!

Пятница 28 декабря

Был сегодня у пермского губернатора¹³⁷. Он рассказал мне характерный эпизод для определения отношений судов к администрации. Какой-то становой пристав Пермской губ. попал под суд за взятки. Судебный следователь, отчасти из личности, отчасти чтобы показать свою силу над полицией, взял да посадил в тюрьму этого пристава во время следствия, что было противозаконно, так как по наказанию, которое ожидало этого станового, ссылка в Сибирь, он мог быть во время следствия отдан на поруки. Арестант жалуется в окружной суд, и в суд[ебную] палату¹³⁸. Оба учреждения отвечают, что жалоба до них не касается. Наконец дело поступает в губернское правление, для предания станового суду. Губернатор, сообразуясь с законом, находит, что становой пристав может быть отдан на поруки, утверждает постановление губернского правления об освобождении из тюрьмы арестанта на поручительство. Тогда прокурорский надзор поднимает вой, как смела администрация вмешаться в дело судебного ведомства, и сейчас же жалобу в Сенат. Сенат, разумеется, отменяет распоряжение губернатора, и станового опять сажают в тюрьму до окончания дела. На днях суд состоялся и станового осудили на поселение в отдаленные губернии Сибири за взяточничество.

Но в той же Пермской губернии, и именно в Екатеринбурге, был прокурор Попов. Становой брал взятки по-старому, а прокурор Попов брал *по-новому*: он занимал деньги у всех, даже у полиции и у тяжущихся, и никому не платил; затем купил себе имение. Узнали судебные власти про его проделки. И что же? Предали суду как станового? Нет, попросили уехать и причислили к Министерству юстиции, держали так с годик и затем, невзирая на позор, назначают товарищем прокурора в Москву. Вот сильное доказательство, какую войну ведет с правительством судебное ведомство.

Суббота 29 декабря

К концу года по Петербургу гуляют легенды, героями которых являются те или другие государственные лица. Например, легенда о [А. А.] Половцове, который будто бы уходит, а уходит потому, что прогнал из дома [А. Л.] Штиглица судебного пристава, пришедшего опечатывать имущество, и потому что скрыл будто бы значительную часть полученных женою его капиталов¹³⁹. Легенда даже сочинила целый разговор Государя с министром юстиции¹⁴⁰ по этому поводу и услужливо назначила Половцеву преемника в лице [А. Н.] Куломзина. Откуда взялась эта чепухообразная легенда, не знаю. Другая легенда повествует о помолвке дочери князя [М. С.] Волконского с сыном Вел. Кн. Михаила Николаевича Георгием. Третья легенда – о какой-то ссоре [А. Я.] Гюбенетта с [К. Н.] Посьетом, и об уходе первого.

[Е. Н.] Семенова, знаменитая героиня дела об убийстве Сарры Беккер, как гласит молва, явилась снова к прокурору заявлять, что она убила Сарру Беккер.

Все жалуются на безденежье, а между тем в январе предвидится до 30 балов, и 200 рублей за платье барышни считают *дешевизною*.

Воскресенье 30 декабря

Получил от брата¹⁴¹ из Крыма очень встревоженное московскими толками письмо. По-видимому бестактность или, проще, глупая болтовня [А. А.] Киреева, сопровождавшего В[е-

¹³⁷ А. К. Анастасьев.

¹³⁸ По судебной реформе 1864 г. общий (коронный) суд включал окружные суды (низшая судебная инстанция) и судебные палаты (по одной на несколько судебных округов). Окружной суд рассматривал уголовные и гражданские дела, превышавшие подсудность мировых судей, апелляционной инстанцией для него была судебная палата (кроме тех случаев, когда решение принималось судом присяжных). Верховным и кассационным судом, а также высшим органом судебного надзора являлся Сенат, где существовало два кассационных департамента – гражданский и уголовный.

¹³⁹ А. А. Половцов был женат на Н. М. Июневой, воспитаннице барона А. Л. Штиглица, внебрачной дочери вел. кн. Михаила Павловича.

¹⁴⁰ Министр юстиции Д. Н. Набоков.

¹⁴¹ Н. П. Мещерский.

ликого] К[нязя] Конст[антина] Ник[олаевича] в Москву, в ее гостиных главная причина этой тревоги. Она характерна, и самое письмо брата характерно, ибо свидетельствует, как чутки горячо и честно преданные Престолу сердца к малейшему даже фантому опасности.

Вот что брат пишет: «Depuis quelques jours je suis dans de grandes angoisses; et ne sais, si je n'en deviendrai pas fou avec beaucoup d'autres. La visite du G. D. C. à Moscou m'a déjà plongé dans la désolation. L'histoire du conservatoire est naturelle; il en est le chef, et y va souvent. Mais cette fois il a fait tout cela avec *церемонии*; il est allé voir des écoles, des fabriques, (au moment où les ouvriers se remuent, ce qui du reste n'est pas étonnant, l'inspecteur des fabriques de Moscou, étant le professeur à l'université [И. И.] Янжул, un des plus rouges de la bande) et en outre le chef cette fabrique [Н. А.] Алексеев, qui est un des candidats aux fonctions de Голова. Plus mauvais signe encore – ce gueux de [В. А.] Dolgor[oukov], à son premier passage, s'est dit malade, qui a été cette fois fort aimable diner, etc., etc... Le général K[ireiev] a été chez les nôtres (у жены брата) et là très ouvertement a dit que Tolstoy branle dans le manche, et que si on le chasse, – [А. В.] Головин fera de suite chasser [И. Д.] Delianoff. Lui, le général K. se réserve dans le partage très modestement sa place de [К. П.] Победоносцев. Il est stupide, on le sais, mais qu'il parle de tout cela *si* ouvertement, c'est preuve *qu'ils*¹⁴² n'abandonnent pas ni la lutte, ni l'espoir d'une victoire. Est-ce vrai? Si – oui, c'est donc la mort de la Russie!»¹⁴³

В ответ на это испуганное письмо, я немедленно телеграфировал брату в Ялту: «*Reçu lettre, rien ni vrai, ni vraisemblable*»¹⁴⁴, желая его успокоить и дать встретить новый год с облегченной и успокоенною душою. Тем не менее это письмо доказывает, как велика еще нервная тревожность в честном русском обществе.

Понедельник 31 декабря

Кончаю год, как русский – с надеждою, как христианин с верою, как издатель с благодарностью к Богу, как Владимир Петрович – с глубокою грустью. Безусловное молчание Государя на мое письмо¹⁴⁵ явилось несомненным доказательством того, что я не стою той милости, которой просил при мысли о десятилетии моего издательства; а не стоять этой милости значит быть очень далеким от Его сердца, а кто от Его сердца так далек, тот меньше имеет сил и прав быть Ему полезным и пригодным, чем он желает, мечтает и просит о том Бога.

Мысленно прошу Государя простить мне мою просьбу; не вернусь к ней и, кончая в своем одиночестве год, рад, что без всякой горечи благодарю только Государя за *все*, за *все*, и грусти минуты не даю ни смущать себя, ни клонить к унынию.

Я бодро и твердо верю, и сильнее прежнего, что Бог не оставит Государя, ибо Он чист и честен и благолюбив перед Ним. Ложь и дурные замыслы разобьются об Него.

¹⁴² Подчеркнуто чернилами двумя чертами.

¹⁴³ «Последние несколько дней я нахожусь в большом беспокойстве и не знаю, не сойду ли я от этого с ума, вместе с многими другими. Приезд в Москву в[еликого] к[нязя] К[онстантина Николаевича] поверг меня в уныние. История консерватории подлинная; он ее глава и приезжает сюда часто. Но на *этот* раз все это было сделано с *церемониями*; он осмотрел школы, фабрики (во время работ, что не удивительно, т. к. фабричный инспектор Москвы, профессор университета [И. И.] Янжул, один из самых красных в этой компании) и кроме того владелец этой фабрики Алексеев один из кандидатов на пост головы. Еще худший знак – бедняга [Вл. А.] Долгоруков, в первый его проезд сказавшийся больным, который на этот раз дал чрезвычайно любезный обед и т. п. и т. п. Генерал [А. А.] К[иреев] был у наших (у жены брата) и там во всеуслышание говорил, что [Д. А.] Толстой шатается, и если его прогонят, [А. В.] Головин тотчас сгонит [И. Д.] Делянова. Он же, генерал К[иреев], чрезвычайно скромно оставляет за собой в этом дележе место [К. П.] Победоносцева. Он дурак, это известно, но то, что он говорил все это *столь* открыто, доказывает, что *они* не отказались ни от борьбы, ни от надежды на победу. Правда ли это? Если – да, это гибель России» (*фр.*).

¹⁴⁴ «Получил письмо, ничего ни истинного, ни правдоподобного» (*фр.*).

¹⁴⁵ Возможно, Мещерский имеет в виду письмо от 22 октября 1884 г. (№ 11 данной публикации). 1885

1885

Вторник 1 января

Сегодня узнал, что Государь подписал указ о присоединении к ведомству Мин[истерства] нар[одного] просвещения тех женских учебных заведений, которые вошли в состав Учреждений Импер[атрицы] Марии¹⁴⁶ случайно. Со всех сторон слышу одобрение этой меры и сочувствие к ней.

У [И. Д.] Делянова видел будущего попечителя Петерб[ургского] учебного округа, генерала [И. П.] Новикова. Признаюсь, не я один удивлен такому выбору Делянова. Про него можно сказать, что он странный человек, на которого в нормальное и в острое время вряд ли можно положиться спокойно и уверенно. Новиков мне и многим кажется из способных выкидывать штуки.

У Делянова застал [М. С.] Волконского, его товарища. В разговоре про то, про се, коснулись вопроса будущего государственного земельного банка. По этому поводу кн. Волконский рассказывал, что ему на днях пришлось с одним из дельцов в Министерстве финансов по этому вопросу иметь разговор и услышать от него характерное слово.

– Как это вы на себя берете такую трудную работу, – говорит Волконский этому финансисту, – и не приглашаете в вашу комиссию для сотрудничества никого из людей знакомых с земельным вопросом, хотя бы например некоторых членов Взаимного поземельного кредита.

– И без них *как-нибудь* дело *сморганим*, – ответил спокойно финансист чиновник.

Это «*как-нибудь сморганим*» выражает всю сущность чиновнических отношений к делу, к которому Государь относится с душою.

Повторяю: так бы легко было сказать министру финансов¹⁴⁷: пригласите в Комиссию вашу, разрабатывающую проект Госуд[арственного] Позем[ельного] банка, *приезжих* членов Кахановской комиссии, по указанию министра внутр[енних] дел, и несколько представителей Взаимного поземельного кредита. Как бы дело выиграло! Я бы на месте [Д. А.] Толстого непременно испросил бы разрешения предложить сие министру финансов, пока не поздно. А потом, как финансисты-чиновники сморганят дело, тогда уже поздно будет.

Среда 2 января

Сегодня в числе гостей вечером был у меня пензенский губернатор [А. А.] Татищев. Курьезно, я не раз в Петербурге слышал в чиновничьих сферах толки про простоту и чуть ли не глупость Татищева. Почему это? А потому именно, что у него бездна здравого практического смысла и отсутствие кабинетного, мертвого, чиновничьего ума. Он олицетворение практического рассудка того губернатора, какой нужен теперь России до зарезу, губернатора русского человека и губернатора-джентельмена, барина, но не заграничного, а чисто русского.

Пермский губ[ернатор А. К.] Анастасьев умнее Татищева; оба – практически умны и оба говорят буквально одно и то же, хотя друг друга не знали, пока не познакомились здесь: дотоле не будет ни порядка, ни спокойствия, ни доверия к правительству в России, дотоле не прекратится застой во всех отраслях жизни, пока не будет приступлено к радикальному подчинению земства правительственной власти, и второе, пока судебное ведомство не будет поставлено

¹⁴⁶ После смерти императрицы Марии Федоровны в 1828 г. благотворительные и учебные заведения, находившиеся под ее покровительством, были переданы в специально созданное IV отделение Собственной его императорского величества канцелярии, с октября 1854 г. именовавшееся также Ведомством учреждений императрицы Марии. 12 августа 1880 г. в связи с реорганизацией Собственной е. и. в. канцелярии ее IV отделение было преобразовано в Собственную е. и. в. канцелярию по учреждениям императрицы Марии.

¹⁴⁷ Н. Х. Бунге.

в другие отношения к правительству. Земство и судебное ведомство в их нынешнем виде – это постоянные источники анархии и разрушения монархической власти в России. Успехи этой пропаганды страшны, и страшны именно в России. Земство быстро идет к своему банкроту, это правда, но идя к банкроту, оно просто разоряет народ поборами и вооружает его не против себя, а против правительства, так как народ земства понять не может, а все земские сборы он считает правительственными сборами. Суд же, по словам Татищева, со времени последней поездки Набокова по России и обнародования его знаменитой речи в Москве – стал просто циничен в своей дерзости к администрации и в своем пренебрежении к высшему правительству.

Четверг 3 января

Выпустил сегодня первый № «Гражданина» в *новом* виде. Новость вида заключается в том, что журнал будет выходить *два раза* в неделю вместо одного. Для провинции это существенно важно в тех местностях, где почта получается два раза в неделю и где, следовательно, не нужно будет выписывающему «Гражданин» получать ежедневную газету.

Да и в Петербурге есть известный смысл издавать газету не 1 раз, а 2 раза в неделю. Вопросы нередко вспыхивают как порох; три дня спустя смотришь, вспыхнувший вопрос успел постареть и затухнуть. Все дело в том, чтобы сказать вовремя.

Подписка в Петербурге опять усилилась против прошлого года.

В провинции же статистика подписчиков по сословиям такая: больше всего: 1) духовенства, 2) дворянства. Менее всего: 1) земских управ и 2) судебного ведомства!

Пятница 4 января

[А. А.] Татищев пензенский явился ко мне сегодня с замечательно *меткою* и *тонкою* мыслию. Два дня назад нас было несколько человек у меня за чашкою чая. Мы обсуждали вопрос о дворянстве или, вернее, вопрос: что всего нужнее для дворянства. Все мы единогласно пришли к мысли, что *всего нужнее* и *одинаково* нужнее: кредит для хозяйства и воспитание дворянского юношества. Для последней цели нужны в каждом городе, где есть гимназия – общежитие или пансион для дворянских детей, где бы родители могли воспитывать своих детей на дворянские средства, пансионерами. Вопрос остался открытым: откуда брать эти нужные деньги? Ясно, что с одной стороны в некоторых губерниях потребуется помощь от казны, а именно там, где дворянских сумм к тому не имеется, а в других местах эти пансионы могут быть учреждаемы дворянскими средствами.

Сегодня по этому поводу Татищев высказал мысль, простую до нельзя, но на которую никто доселе не обращал внимания. Мысль такая: вот более 20 лет, как земство в каждой губернии ассигновывает большие суммы ежегодно на народное образование.

Кто главная платежная сила в земстве?

Дворяне!

На кого идут деньги, собираемые земством на народное образование?

Только на крестьян!

Вся меткость мысли Татищева основана на вопросе: справедливо ли, чтобы земские суммы на народное образование вообще в губернии, в которых половина – дворянские деньги – шли исключитель[но] на крестьянские школы?

Не будет ли гораздо справедливее половину земской суммы, собираемой на народное образование, и именно дворянские деньги, обратить на содержание дворянского приюта или пансиона при гимназии, а крестьянские деньги на крестьянскую школу?

Суббота 5 января

Вчера был характерный обед у обер-жида [Г. О.] Гинцбурга. Гинцбург есть в России глава еврейской партии: в этом никто не сомневается. Он и очень богат, и очень умен. Но вот что

грустно, его богатство все становится обширнее по мере того, как его ум изощряется в приобретении все большего влияния. Кроме того характерно и интересно, что Гинцбург действует с удивительным цинизмом и нахальством. Он не церемонится проявлять свое презрение к русским людям, когда они ему нужны. Едва назначение [А. П.] Игнатьева в Сибирь стало известным, как Гинцбург появился с визитом к нему. Причина понятна. Гинцбург приобрел множество золотых приисков в Сибири и развел там большие еврейские колонии. И вот после визитов Гинцбург зовет Игнатьева обедать. Игнатьев едет и застаёт Лукулловский обед¹⁴⁸. В числе гостей разные генералы-тузы; en tête¹⁴⁹ гр. Пав[ел] Шувалов, затем Бобриков¹⁵⁰, [Д. Г.] Анучин; последние два оказались amis de la maison¹⁵¹; [Н. О.] Адельсон, а с другой стороны гинцбурята и главноуправляющий золотыми приисками Гинцбурга в Сибири¹⁵². Гинцбург угощает, но сам не ест, чтобы не поганиться с русскими. Подают шампанское, и что же? Бобриков предлагает разные тосты и между прочим такой тост: за здоровье хозяина, как благороднейшего человека, твердо и неуклонно идущего по своей дороге, доблестного труженика, доказавшего нам, что несмотря на различие в религии, он не делает различия в национальностях и т. д.

Омерзение берет от таких бокальных речей. Гинцбург их слушает с улыбкою, выражающею: хвалите, холопы, я изволю вас слушать...

А рядом с этим интересно припомнить, что еврейская комиссия графа [К. И.] Палена¹⁵³ за два года еще не начинала своей законодательной деятельности... Она издержала 37 тысяч на издание исторических трудов, и затем стоп машина!

Воскресенье 6 января

Видел счастливого человека сегодня у [К. П.] Победоносцева, это С. А. Рачинский. До него не касаются никакие политические злобы дня! Он живет себе в своей деревне, в своей школе¹⁵⁴, как в мирной, любящей семье, и все остальное для него не существует. В его жизни

¹⁴⁸ Древнеримский полководец и государственный деятель Лукулл был известен своим богатством и щедростью; он часто устраивал роскошные пиры и праздники, поражая гостей обильным застольем и гастрономическими изысками.

¹⁴⁹ во главе (*фр.*).

¹⁵⁰ Кого из братьев Бобриковых, Георгия Ивановича или Николая Ивановича, имел в виду Мещерский, установить не удалось.

¹⁵¹ друзья дома (*фр.*).

¹⁵² Семья Гинцбург имела паи целого ряда сибирских золотопромышленных предприятий. Постоянным представителем и доверенным лицом Гинцбургов в Сибири был Исаак Давидович Красносельский (см.: *Ананьич Б. В.* Банкирские дома в России, 1860–1914: Очерки истории частного предпринимательства. М., 2006. С. 74–75). Возможно, именно его имеет в виду Мещерский.

¹⁵³ Высшая комиссия для пересмотра всех действующих о евреях в империи законов и составления предположений о необходимых в них изменениях была учреждена по докладу министра внутренних дел Д. А. Толстого 4 февраля 1883 г. Ее председателем был Л. С. Маков, а после его смерти, с 21 апреля 1883 г., гр. К. И. Пален. Комиссия начала свою деятельность со сбора материалов и изучения проблемы. Уже в 1884 г. ею были опубликованы материалы, собранные губернскими комиссиями по еврейскому вопросу (созданы в августе 1881 г.): Труды губернских комиссий по еврейскому вопросу. СПб., 1884. Ч. 1–2. В том же году вышли: Избранные статьи из заседаний Минской комиссии по еврейскому вопросу, состоявшихся в 1881 году. Минск, 1884; Сборник узаконений о евреях, заключающий в себе извлечение из Свода законов всех действующих о евреях постановлений, составленный В. В. Вашкевичем. СПб., 1884; Еврейское население и землевладение в юго-западных губерниях Европейской России, входящих в черту еврейской оседлости, обработанные ред. Центрального статистического комитета В. Аленициным. СПб., 1884, и др. работы. Публикация документов и исследований и позже оставалась основным делом Комиссии. Разногласия в ее среде по вопросу о ключевых принципах законодательства о евреях сделали невозможной выработку конкретных законопроектов. «Общая записка Высшей Комиссии для пересмотра действующих о евреях в Империи законов (1883–1888)» (СПб., 1889) осталась единственным опубликованным итоговым результатом работы комиссии. Она носила рекомендательный характер и была подписана лишь восемью из 13 членов комиссии. 24 мая 1888 г. комиссия закончила свою работу. Ее материалы были переданы в Министерство внутренних дел, где под председательством В. К. Плеве было создано Совещание о пересмотре изданных 3 мая 1882 г. ограничительных постановлений о евреях. Подробнее см.: *Миндлин А. Б.* Правительственные комитеты и совещания по еврейскому вопросу в России в XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2000. № 8. С. 56–57; *Витенберг М. В.* Власть, общество и еврейский вопрос в 80-е годы XIX века в России. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. С. 174–178.

¹⁵⁴ Речь идет о народной школе, организованной С. А. Рачинским в своем имении в селе Татеве Бельского уезда Смоленской губернии в 1868 г., где он сам преподавал. С 1875 г. Рачинский полностью посвятил себя своим ученикам и пересе-

школьного отшельника, впрочем, случилось важное событие. Событие это появление нового товарища в лице молодого [Н. М.] Горбова. Горбов, кончивший курс университета, страстно полюбил дело Рачинского и поехал к нему, приглядываться к его сельской школе. Результатом было то, что он основал возле Рачинского, в своем имении, другую сельскую школу и поселился между детьми жить с ними и учить их, и теперь, как говорит Рачинский, обе школы до того полны, что уже принимать новых учеников нет возможности. Народ буквально обожает эти школы, и дети льнут к ним, как пчелы к меду. Мед же заключается в церковности этих школ.

Рачинский говорит, что он может теперь умереть спокойно, найдя себе преемника. Ведь у него ревностные ученики в том же деле, например, один князь Николай Николаевич Мещерский начал такое же школьное дело в Могилевской губернии.

Но увы, все это капля в море! Делянов большой грех несет на душе. Он совсем не помогает делу развития церковно-приходской школы, не поощряет, не ободряет, не направляет дело. Что хорошая, что дурная народная школа, ему все равно, и хороший священник, и хороший учитель не видят от министерства проявлений к ним участия и поощрения!

№ 16

*Пятница 8 марта*¹⁵⁵

Истекшая неделя имела главным предметом разговоров и толков Высочайшее повеление на счет Кахановской комиссии. Надо сказать, что это распоряжение пришло как раз *вовремя*. Трудно исчислить как много эта злосчастная комиссия наделала вреда внутри России, заволновав умы и возбудив тревожные вопросы щекотливо политического свойства в среде помещиков, только что начинавшей успокаиваться. Я ежедневно получаю по несколько писем из провинции с вопросами: правда ли это, правда ли то на счет Кахановской комиссии, и при этом плач и сетования.

Но нет худа без добра. Существование и дебаты Кахановской комиссии дали несомненное мерило того, что может правительство ожидать от так называемых деятелей и своих, сановных, и общественных в либеральной сфере. Ясно, что ничего не умерло еще в головах наших петербургских сановников из того, что так губительно извратило прекрасные намерения прошлого царствования; та же страсть либеральничать, в угоду каким-то стриженным и нигилистам, на счет правительственной власти и правительственного обаяния, та же легкомысленность в обращении с серьезными вопросами порядка и народной нужды; то же заигрывание с дурными страстями и инстинктами толпы еле-еле грамотной и кроме всего этого – то же незнание жизненной правды и провинциальной России.

Одним из поразительных эпизодов в этом отношении в Кахановской ком[иссии] за последнее время был эпизод с [Н. А.] Вагановым, заседающим в виде представителя Министерства двора и Ведомства уделов. Как такой заядлый красный попал в доверенное лицо у [И. И.] Воронцова[-Дашкова] – это Бог один знает, но после эпизода в Кахановск[ой] ком[иссии], будь я на месте Воронцова, я бы не потерял его и суток при себе.

Шел вопрос о том, кому председательствовать в проектированном комиссией уездном управлении. Большинство высказалось за то, что председателем должен быть уездный предводитель дворянства. [М. С.] Каханов заключает дебаты и спрашивает: значит, вопрос исчерпан, особых мнений нет. Все молчат.

лился из господского дома в школу. При школе было устроено общежитие для учеников из соседних деревень, велась подготовка учителей из крестьян. Опыт своей преподавательской деятельности Рачинский обобщил в нескольких книгах: Народное искусство и сельская школа. М., 1882; Заметки о сельских школах. СПб., 1883; Из записок сельского учителя. СПб., 1889.

¹⁵⁵ Составляющие этот блок листы имеют отдельную авторскую нумерацию.

Вдруг встает *Ваганов*.

– У меня особое мнение. Я прошу его записать и приложить.

– Какое?

– Председатель уездного управления должен быть избираем земством.

– А утверждаем?

– *Никем!* – нагло ответил Ваганов.

Все переглянулись. Никто не ожидал такой дерзкой противоправительственной выходки. Затем, когда стали расспрашивать и усовещивать Ваганова, он отбросил всех возражавших оппонентов и сказал: «Это мое убеждение, и я от него не отступлюсь!» К мнению Ваганова никто не присоединился.

Но Кахановская комиссия имела еще ту пользу, что она резко обнаружила разлад между Петербургом и его бюрократическим миром, и провинциею. Приезжие члены из провинции ни с чем не могли согласиться из того, что выработала Кахан[овская] комиссия в виде основных положений реформы в провинции, начиная с сельского общества и кончая губернатором. Все предлагавшееся они нашли дутым и народу не пригодным.

Наоборот, все, что приезжие из провинции члены Кахан[овской] комиссии предлагали, ссылаясь на нужды жизни, все то петербургские члены комиссии отрицали или как слишком отсталое, или несогласное как будто с духом бывших реформ.

Самым видным из приезжих членов Кахан[овской] ком[иссии] был несомненно симбирский [А. Д.] Пазухин. Это молодой человек, умный, даровитый и, главное, неувлекающийся. Он практически знаком с нуждами русской жизни и не с луны хватает мысли для реформы, а прямо из прозаической правды.

По его мнению, предпринимать теперь какую-нибудь многосложную уездную реформу неосторожно, неразумно и бесполезно, так как не хватает главного, людей для нового какого-нибудь строя жизни в уезде. По его мнению, надо сделать лишь то, что крайне нужно и на что хватит людей в провинции.

Мысли Пазухина сводятся к трем главным вопросам: 1) к вопросу об изменении порядка земских выборов, 2) к вопросу об подчинении крестьянского мира и управления власти и контролю и 3) к вопросу о замене учреждения выборного мировых судей учреждением по назначению от правительства мировых посредников.

Цель этих легко осуществимых изменений двояка: 1) подчинить крестьян власти и 2) дать возможность помещикам жить в уезде безопасно и спокойно. Цель эта однако в зависимости от весьма существенного вопроса: как отнесется к вопросу об упразднении института мирового судьи и о замене его мировым посредником – Министерство юстиции?

Из разговоров с Дурново И. Н. я мог заключить, что мысль Пазухина весьма сочувственно ценится и Министерством внутренних дел. По мнению И. Н. Дурново, когда Кахановская комиссия окончит свои заседания, и весь ворох ее законоположений поступит к министру внутрен[них] дел¹⁵⁶, следовало бы немедленно приступить к осуществлению самого нужного: к правильному устройству полицейской власти в уезде, к кое-каким улучшениям в крестьянском самоуправлении и, главное, к восстановлению мировых посредников, как они были в 1861 году, с двойною властью, судебною и полицейскою. Разумеется, от Набокова и всей компании красных Госуд[арственного] совета следует ждать самого отчаянного сопротивления к осуществлению этой нужнейшей реформы, но надо верить и надеяться, что Государь прикажет Набокову согласиться или уволит его, но мысли о мировых посредниках вместо мировых судей даст осуществиться.

Вторым интересом дня – отъезд графа [Д. А.] Толстого, подавший повод высказываться разным толкам и мнениям. Но оставляя в стороне эти толки, интересно остановиться на том,

¹⁵⁶ Министр внутренних дел Д. А. Толстой.

что происходило по случаю отъезда графа Толстого в близком мире, его окружающем. Опять явился острый и роковой вопрос: как быть с [П. В.] Оржевским? Вопрос этот действительно роковой. Оржевский относительно себя и госуд[арственной] полиции отнял у графа Толстого совсем его личность. Для Оржевского графа Толстого нет, а есть игрушка и орудие в его руках. Оржевский отнял у гр. Толстого не только энергию, не только волю, но даже самоличность. Он действовал постепенно и исподволь, наводя страх на бедного Толстого, и довел его до мысли и даже до убеждения, что малейшее со стороны Толстого неподчинение его, Оржевского, воле, повлечет на него, гр. Толстого, немилость Оржевского, а немилость эта в свою очередь повлечет за собою предоставление гр. Толстого на произвол анархистов. Как ни невероятно и ни смешно это, но к сожалению это несомненная истина. И вот когда зашла речь об отъезде гр. Толстого, и он сообщил об этом Дурново, последний более чем основательно сказал гр. Т[олстому], что при таком продолжительном отсутствии его весьма неудобно делить управление министерством на две части, между им и Оржевским, так как нелегко, чтобы ответственный перед Государем за министерство управляющий им не знал, что делается в области государственной полиции; мало того, постоянно может быть опасность от такого *qui pro quo*¹⁵⁷. По общей полиции, напр[имер], в случае где-либо открывшихся беспорядков управляющий министерством предписывает одно, а Оржевский может предписать другое, даже совсем противоположное. Бедный Толстой согласился с этими доводами, но все-таки не решился изменить прежний порядок. Почти слезно, с нервной дрожью он упрашивал Дурново не настаивать на чем бы то ни было, что могло бы быть неприятным Оржевскому.

Грешный человек, я не мог не посоветовать Дурново просто откровенно доложить Государю об этом затруднительном состоянии, коего вредные последствия нельзя даже приблизительно рассчитать, в случае, не дай Бог, малейших беспорядков.

Вообще этот частный факт еще раз наводит на размышления о том, как неудачно при уничтожении III Отдел[ения] и шефа жандармов был оставлен пост полуминистра и полушефа жандармов – в связи с должностью товарища министра внутренних дел. Прежде всего является вопрос: на что такой полушеф жандармов с политической ролью, раз есть министр внутренних дел, и есть Департамент полиции государственной с его директором? Политическая роль такого полушефа прежде всего смутна и неопределенна; а вследствие этого для человека самолюбивого, честолюбивого и властолюбивого – является областью самых темных интриг, самых необузданных захватов власти, самых невообразимых фальшивых положений и недоразумений, от которых в конце концов страдают прямые интересы власти и порядка, да и самые интересы охраны и полиции.

Отчего страдают?

А вот отчего! 1) Государь едет куда-нибудь; министр его сопровождает; и полушеф жандармов хочет ехать. Его не берут. Не берут, он сердится и дуется, и что же? Дайте столько-то жандармов и полиции для усиления надзора, говорит ему министр; не могу, отвечает полушеф, у меня здесь не хватит, и не дает. Не дает потому, что дуется.

2) Министр дает приказания и инструкции губернаторам; положим, руководствуясь ими, губернатор нуждается в помощи жандармского штаб-офицера в губернии; тот ему на это отвечает: я ничего не могу, я получил приказание от *своего* начальника слушаться только его, и конец.

3) Петербургский градоначальник признает нужным принять экстерную меру; он хочет ее принять; министр согласен; но полушеф объявляет свое *veto*¹⁵⁸, и конец.

4) Губернатор сообщает важное донесение министру *в собственные руки* или, когда еще важнее, Государю; полушеф его призывает или пишет ему бумагу и самым дерзким образом

¹⁵⁷ недоразумение, путаница (лат.).

¹⁵⁸ запрет (лат.).

его выругивает за то, что он, губернатор, *смел* написать министру в собственные руки, минуя его! Мало этого, он является к министру и под угрозой требует, чтобы министр сделал такому губернатору выговор за то, что он написал министру, а не ему, полушефу, и министр подчиняется.

Словом, трудно исчислить, какой существенный вред приносит и может приносить такое совершенно фальшивое и даже не безопасное положение министра и Министерства внутренних дел при полушефе жандармов, имеющем в руках всю полицию в империи.

А между тем легко было бы устранить эти неудобства, упразднив вовсе эту должность полушефа и оставив директора Департ[амента] госуд[арственной] полиции в непосредственном подчинении у министра, а губернаторам в свою очередь подчинить губернский жандармский состав в полицейском отношении, а градоначальнику в Петербурге предоставить более широкие права в области государственной полиции и розыска, при непосредственной зависимости от министра внутренних дел. Так думают опытные люди, увидевшие на деле все неудобство ставить государственную полицию в зависимость от личных интриг, вопросов самолюбия и невольных стремлений играть роль в ущерб единству власти и объединению дела. В личном же управлении как отдельной частью жандармы могли бы быть заведомы начальником штаба жандармского управления.

—

Много говорят, а в Москве в особенности, о банкротствах крупных домов, одно за другим раздающихся, как роковые выстрелы¹⁵⁹.

А рядом с этим повсеместные стоны и жалобы на отсутствие кредитных билетов. Невеоятные творятся вещи: платежи принимаются в Москве коммерческими домами не деньгами – их нет в обращении – а купонами на пять лет вперед, на *1890 год*!

А Министерство финансов продолжает все жечь и жечь кредитные билеты.

Везде просят иного взгляда на наши финансовые дела. Ухудшение идет все *crescendo* и с страшною быстротою. А между тем Министерство финансов как будто ничего не видит и не слышит из того, что на Руси делается, и ни на чьи стоны и вопли не обращает внимания.

Вот почему куда ни пойдешь и с кем ни заговоришь, везде слышишь толки о том, как настоятельно нужно министерство торговли и промышленности именно теперь. Мне кажется, что это далеко не так трудно, так как бесспорно человек, как [И. А.] Вышнеградский, совершенно подходит к этому делу и дорос до него. Это было бы громадное по своим последствиям благотворное событие. Надо полагать, что Бунге был бы очень рад отделить от себя эту часть, тем более, что она не при нем, а при Н. А. Ермакове, который в данную минуту представляет собою дряхлость замершей рутины, и больше ничего. А между тем в его одряхлевших руках вся мануфактура и торговля России, шутка сказать. Беда еще та, что дряхлые люди бывают упрямы и капризны, как нервные бабенки. Так и Ермаков. На днях слышал от Делянова плач над судьбою прекрасного проекта, Вышнеградским составленного и Деляновым представленного, на счет устройства профессиональных или технических школ в России. Делянов торопит осуществление этого столь нужного дела, а Ермаков возьми весь этот проект и положи его под сукно, под предлогом обсуждения, и всякому встречному говорит: не хочу мол давать ходу этому делу, и кончено. Делянову хочется настаивать у министра финансов на скорейшем рас-

¹⁵⁹ Только в начале марта 1885 г. были опубликованы объявления о банкротстве московских торговых домов «Иван Макаров Клейн», «И. Удалов и братья С. и А. Рогожины», «И. и П. братья Васильковы», купцов М. П. Муравьева и П. П. Бухова (Московские ведомости. 1885. № 60–63, 66. 2–5, 8 марта). Консервативными кругами эти банкротства рассматривались как результат денежной политики Министерства финансов, направленной на сокращение количества бумажных денег в стране ([Катков М. Н.] Москва, 8 марта // Московские ведомости. 1886. № 67. 9 марта. С. 2). Сторонником этой точки зрения был и Мещерский; см. выше Дневник за 25 ноября 1884 г. (№ 13 данной публикации).

смотрении проекта, хочется, но колется: начнешь настаивать или пожалуешься на него, пожалуй, рассердится и начнет отказывать в деньгах!

—

Всякий раз, когда я с К. П. Победон[осцевым] говорю с сокрушением об ужасном вреде нынешнего Министерства юстиции для интересов Самодержавия прежде всего, К. П. во всем соглашается со мною, но с тою лишь разницею, что поднимая руки *горé*, он прибавляет: что прикажете делать, а кого вы назначите на место Набокова, никого не придумаешь.

Не раз, а сто раз я думал об этом вопросе. Он кажется заколдованным кругом, но только кажется. На деле он вовсе не заколдован. Будь я на месте Государя, я бы ни минуты не колеблясь, упросил бы принять управление Министерством юстиции никого другого, как того же К. П. Побед[оносцева], не отрывая от Святейшего Синода. Если гр. [Д. А.] Толстой мог соединять в себе Минист[ерство] нар[одного] просвещения с Синодом, то легче еще соединять в лице К. П. тот же Синод с Минист[ерством] юстиции. Назначение его имело бы громадный смысл, такой же, как имело назначение гр. Толстого после [Н. П.] Игнатьева. Это было бы эпохою в анналах суд[ебного] ведомства и переворотом. Его имя высказало бы программу. Девять десятых лиц суд[ебного] ведомства сразу бы переменялись. Новый дух сразу бы облетел всю Россию. Сенат бы изменился. И с Божиею помощью в два, в три года судебный мир был бы преобразован. Нужно ли прибавить, что К. П. один из первых, если не первый юрист в России. Разумеется К. П. начал бы с отказа принять это место. Но при настоянии разумеется патриотизм и преданность возьмут верх. Но главное не отрывать его в то же время от Синода, где его деятельность дала уже плоды замечательно богатые и отрадные.

Это мечта, но Боже, как хорошо было бы ее осуществление!

Из всех толков о дворянстве и о том, что сделать было бы нужнее в интересах дворянства, и с тем вместе в интересах самодержавия, без сомнения вопрос о дворянских детях заслуживает главного внимания. Без забот об этом юношестве нет и не может быть речи о будущности русской монархии.

А между тем об этих дворянских детях всего меньше думают. Их бросили на произвол судьбы, и притом ужаснейшей судьбы. Выйдет ли из дворянского ребенка верный слуга престола или цареубийца-заговорщик, государству все равно.

План военной и военно-учебной реформы [Д. А.] Милютина носит в своей удаче печать проклятия. Это был план ума, захотевшего в близком будущем отнять у Престола его исторически прочные силы. [А. В.] Головнин с одной стороны, Милютин с другой, оба разрушили до основания здание воспитания дворянских детей, столь мудро и предусмотрительно воздвигнутое Николаем I.

Гражданские гимназии были все с пансионами в провинции, и поставлены в близкие отношения к дворянству. Дети в них не учились только, а воспитывались только в дворянском духе. Головнин разрушил пансионы при гимназиях немедленно. Дворянские дети стали жить, то есть воспитываться, на улицах, в читальнях, в подвалах, в мещанских притонах и в публичных домах.

Милютин разрушает кадетские корпуса и создает окружные юнкерские училища, где сын дворника готовится в офицеры наравне с сыном потомственного дворянина, и в военных гимназиях вводит в виде воспитательного элемента штатский нигилизм.

Результаты не дали себя ждать. Гимназии сделались рассадниками анархизма самого бесшабашного, а в военном быту не много осталось армейских полков, где бы нельзя было указать на группу молодых офицеров, порвавших связи и общение с преданиями старого военного мира, и только для вида сходящиеся на службе с старыми офицерами или с молодыми офицерами, не испортившимися в пройденной ими школе.

Это уже начало разложения военного духа. Несомненно, что если к воспитанию дворянской молодежи не будут приложены заботы и усилия особенные, этот дух растления быстро пойдет свершать свое роковое дело.

Между тем помочь делу не трудно. В военном мире стоит только закрыть окружные юнкерские училища немедленно, а в кадетских корпусах допустить прием не дворян на известный процент.

Что же касается гражданских гимназий и реальных училищ, то казалось бы возможным именно теперь, в виду юбилея Дворянской грамоты¹⁶⁰ поручить министру народного просвещения сообща с министром внутренних [дел] безотлагательно разработать вопрос об устройстве во всех губернских и гимназических городах дворянских общежитий или пансионов, имея в виду согласовать материальное в этом деле участие дворянства с правительственной помощью.

Осуществление такого дела не миф и не мечта; оно возможно. Для него есть данные.

Во 1) В иных губерниях есть оставшиеся пансионы дворянские.

Во 2) В иных городах есть казенные здания, которые быть может могли бы быть приспособлены к цели.

В 3) Большая часть дворян все же платит в год известную сумму в год на содержание гимназистов сыновей где-нибудь в частных квартирах. Через губернаторов и губ[ернских] предводителей дворянства легко было бы привести в известность приблизительно в каждой губернии, что ассигнуется родителями на содержание детей гимназистов, и сумму эту принять за норму для определения платы за казенного пансионера.

В 4) Во всяком случае приобщение к обсуждению этого вопроса местных губернаторов и предводителей дворянства значительно ускорило и облегчило [бы] осуществление этого дела.

—

Тон английских газет, задорный и воинственный, как будто задает себе задачу нас запугать¹⁶¹. А послушаешь наших дипломатов, оказывается, что нам следует держаться тона умеренного по той же причине, что мы к войне не готовы. Вот уж жевание все той же роковой нелепости, завещанной нам кн. [А. М.] Горчаковым. В 1870 году я отлично помню, как кн. Горчаков с ужасом и страхом говорил об опасностях войны с Англией по поводу нашей декларации относительно Парижского трактата¹⁶²; понижение тона, почтительных фраз вот чего про-

¹⁶⁰ Жалованная грамота дворянству (полное название – Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства) была дана Екатериной II 21 апреля 1785 г. В 1885 г. праздновалось ее столетие.

¹⁶¹ Мещерский имеет в виду кризис в русско-английских отношениях, вызванный стремлением России и Великобритании к расширению сферы своего влияния в Средней Азии. Кризис 1885 г. был вызван продвижением русских войск в Туркмении. Это привело к обострению отношений России и с Афганистаном, на политику которого Великобритания имела большое влияние. К весне 1885 г. афганский кризис достиг своего апогея. В марте 1885 г. снабженные английским оружием афганские войска перешли р. Кушку и заняли несколько высот. 18 марта русский отряд под командованием генерала А. В. Комарова разбил афганские части, что значительно осложнило русско-английские отношения. В Англии была даже объявлена частичная мобилизация. Однако твердая позиция Александра III и его готовность к войне способствовали мирному разрешению конфликта. 10 сентября 1885 г. было подписано соглашение, устанавливающее русско-афганскую границу, причем Россия повторила свое обещание не вмешиваться в афганские дела.

¹⁶² Парижский трактат – мирный договор, подписанный 18 (30) марта 1856 г. на Парижском конгрессе по итогам Крымской войны 1853–1856 гг. Его наиболее тяжелой для России статьей была нейтрализация Черного моря – запрет всем черноморским державам иметь на Черном море флот, арсеналы и крепости. 19 (31) октября 1870 г. через русских послов за границей правительствам всех государств, подписавших Парижский трактат, был разослан циркуляр канцлера А. М. Горчакова (опубликован в «Правительственном вестнике» 3 ноября), который содержал решение России об отказе от соблюдения ею ограничительных статей Парижского трактата, относящихся к Черному морю. Эта декларация русского правительства была очень недоброжелательно встречена европейскими государствами, настоявшими на созыве конференции держав, участвовавших в подписании трактата 1856 г. Россия согласилась на участие в этой конференции лишь с условием, что отмена нейтрализации Черного моря будет принята как свершившийся факт и не станет предметом обсуждения. Конференция собралась

сил канцлер наш от покойного Государя. Но покойный Государь не послушался ни канцлера, ни Милютина, говорившего о невозможности войны, и велел отправить категорическую декларацию в Лондон. Горчаков не ел, не спал и все бредил про войну с Англией, как результат нашей телеграммы. И что же? Приходит ответ Англии, *с сожалением* преклонившейся перед совершившимся фактом.

Но тогда у Англии не было Судана. А теперь у нее Судан¹⁶³.

Разумеется ей решиться на войну сто раз труднее теперь, чем прежде...

Понятно, что и нам скверно идти на войну, но все же именно вследствие этого чем тверже и категоричнее наш тон, тем сильнее шанс избежать войны; чем слабее наш тон, тем ближе мы к войне.

Войны и потому желать не следует, что об ней страстно мечтает кн. Бисмарк; втавив нас в войну с Англией, он разом достигает трех целей: *вреда для Англии, простора для германских дел в колониях и ослабления России*, не говоря уже о 4 цели, о блокаде наших портов, в явный выигрыш берлинской торговли.

Вот почему так желательно, чтобы наши дипломаты не дали бы нашему тону с английским кабинетом понизиться.

№ 17

23 мая¹⁶⁴

Всемиловейший Государь!

При сем осмеливаюсь представить некоторые выдержки из Дневника.

Засим осмеливаюсь тоже умолять Ваше Величество в доставляемом Вам 2 раза в неделю «Гражданине», если сие возможно, удаивать пробегания в конце каждого № Дневника. Не знаю, почему, но убежден, что в связи с этими нецензурными выдержками, Вы изволите найти кое-что интересное.

От всей души Ваш верноподданный К. В. М

23 мая

[Дневник 19 апреля – 22 мая 1885]

19 апреля Легенды о Царе.

21 апреля Дворянский юбилей. Промахи гр. [А. А.] Бобринского.

в Лондоне в январе 1871 г., а 1 (13) марта 1871 г. завершила свою работу подписанием Лондонского протокола, признавшего отмену нейтрализации Черного моря, но подтвердившего другие неблагоприятные для России статьи Парижского трактата.

¹⁶³ Формально входивший в состав Османской империи, Судан с 1820-х гг. был фактически владением Египта. В конце 1860-х – начале 1870-х гг. в Судане усилилось влияние Великобритании, которая в 1877 г. добила от Египта назначения генерал-губернатором Судана англичанина Чарлза Джорджа Гордона. Губернаторами крупных провинций также были назначены европейцы. Однако в 1881 г. вспыхнуло мощное антиколониальное движение, получившее в истории название восстание махдистов (по имени его лидера Махди). В 1885 г. восставшие овладели столицей Судана г. Хартумом. Гордон был убит, европейцы изгнаны из страны. Созданное независимое махдистское государство просуществовало до 1898 г., когда его войска были разбиты англо-египетской армией. Это привело к превращению Судана в английскую колонию.

¹⁶⁴ Год написания записки установлен по упоминанию юбилея Жалованной грамоты дворянству, праздновавшегося 21 апреля 1885 г.

23 апреля Слухи и толки по пов. преемства гр. [Д. А.] Толстого.
29 апреля О самодержавии.
1 мая Пермь о Пермской губ.
9 мая Статья [В. В.] Крестовского об Афганской границе.
10 мая О дворянском банке.
12 мая Два предводителя после приема у Государя.
15 мая У К. П. П[обедоносце]ва.
16 мая Между морями.
20 мая Несчастный.
22 мая Честный старик.

19 апреля

Замечательно, что со всех сторон и во всех домах говорят об отъезде Государя в Москву, точно это факт решенный. По Невскому потянулся ряд придворных карет, в чехлах. Куда едут? В Москву, решают все. Даже в таких серьезных кружках, как Английский клуб, говорят о поездке Царя как о событии несомненном¹⁶⁵. Цель поездки двоякая: объявить Манифест о войне¹⁶⁶ и праздновать Дворянский юбилей¹⁶⁷. В Москве, говорят мне, ждут Государя тоже. За последние дни настроение к войне обострилось. По мнению москвича одного, между купечеством идет толк такой: приезжай, Государь, и скажи нам, что на войну денег мало, мы бы показали нашему Царю, мало ли у Него денег! Поворот от сонливого равнодушия к патриотическому настроению несомненен.

Легенд уже много ходит. Главные вертятся все около [Н. К.] Гирса и рисуют его страшно испуганным и запуганным – перед Государем, твердым, спокойным и неустрашимым. Такая легенда, например: Гирс приносит Государю проект ответной депеши на имя [Е. Е.] Стааля. Государь ее взял, прочел, потом взял карандаш и все зачеркнул, сказав: «Завтра я вам пришлю другой проект, вы его подпишите и отправите». Действительно, на другой день Гирс получает другой проект, читает и восклицает: «Comme c'est bien écrit!»¹⁶⁸

Вторая легенда уверяет, что Государь совсем устранил Гирса на эти дни, а сносится прямо с [И. А.] Зиновьевым.

Третья легенда о разговоре с министром финансов по поводу войны. Денег нет, будто бы сказал Бунге.

– У меня 70 миллионов, и у моего сына есть несколько миллионов, – будто бы ответил Государь, – на эти деньги можно начать войну, и я уверен, что таких, как мы, найдется в России несколько!

Легенда эта ходит в бельэтажах, в клубах и в народе.

21 апреля

Не могу сказать, чтобы впечатления сегодняшних торжеств были особенно удовлетворительны. Они – петербургские – эти впечатления, а Петербург никогда не дает того, что может желать русское чувство. Открытие выставки мизерное, жалкое¹⁶⁹. Какого-то архиерейчика засунули с двумя попиками в маленькую комнату Соляного городка, с дурными в добавок певчими, наехали гости, толкотня, давка, и больше ничего. Самая выставка, что за мизер-

¹⁶⁵ В печати Мещерский и сам заявлял, что кареты отправились именно в Москву (Дневник за 16 апреля // Гражданин. 1885. № 30. 18 апр. С. 16). Но уже в следующем номере он разъяснил своим читателям, что кареты отправились не в Москву, а на стоянку в новые сараи (Дневник за 17 апреля // Там же. № 31. 21 апр. С. 13).

¹⁶⁶ Речь идет о предполагавшейся войне с Англией после инцидента на Кушке.

¹⁶⁷ Столетний юбилей Жалованной грамоты дворянству (21 апреля 1885 г.).

¹⁶⁸ «Как прекрасно это написано!» (*фр.*).

¹⁶⁹ Выставка к 100-летию ремесленных цехов, открытая в небольшом помещении Соляного городка, получила такую же негативную оценку и в опубликованном варианте Дневника (Гражданин. 1884. № 32. 25 апр. Дневник за 12 апреля. С. 12, 13).

ность! Неужто не нашлось места в Петербурге более удобного и поместительного! К 2 часам мы съехались в Дворянском Собрании. Зал наполовину пустой. На галереях масса дам в роскошных туалетах. Царская ложа полна. В публике шел толк, что ждут Императрицу. Проповедь Арсения перед молебном – казенная и пошлая. Пение Исаакиевского и митрополичьего хоров: «Тебе Бога хвалим» изумительно прекрасное. После многолетия произошло нечто, смутившее многих. Винават предводитель [А. А.] Бобринский. Он везде и всегда мальчишка. По общему мнению, ему следовало перед началом молебна попросить всех членов Царской фамилии сойти из ложи в залу и стать впереди молящихся. Тогда бы этой смутившей всех неурядицы не было бы. Архиерей поцеловал крест, повернулся, дал его митрополиту Московскому¹⁷⁰ поцеловать, затем стоит, все оглядываются на Царскую ложу; тут опять Бобринский дал промах; ему бы пойти и попросить великих князей сойти и приложиться к кресту, нет, он идет к архиерею и отправляет его в ложу; архиерей через залу с крестом в руках идет и по ступеням взбирается в ложу. Все смутились, ибо вышло, что члены императорской фамилии как будто не удостоили сами пойти к Кресту, а потребовали, чтобы Символ Спасителя пришел к ним. Словом, вышло проявление неуважения к Святыне, которого, очевидно, не хотели сделать никто из членов Императ[орской] фамилии. А случилось благодаря бестактности и ненаходчивости Бобринского.

Он и мальчишка, и глуп, и очень самодоволен.

– Будут речи, – спрашивает его кто-то.

– Разумеется нет.

– Отчего разумеется?

– Оттого, что то, что надо сказать, не позволят сказать, а что можно сказать, мы не хотим сказать, – ответил этот глупый и пошлый мальчишка.

Затем опять какофония.

Рескрипт¹⁷¹ с его прекрасными мыслями совсем пропал, как чтение и как эффект. Очевидно, читать его должен был или губернатор¹⁷² или И. Н. Дурново! Вдруг поднимается на 2 ступени близ Царской ложи мальчишка предводитель и читает рескрипт скверно, не громко, без чувства и каким-то нерусским акцентом!

Одним словом, досада взяла, и только! Да вдобавок он забыл пригласить петербургских дворян специальным приглашением, этот мальчишка! Рескрипт, как слышу, все хвалят. Но жаль, что в нем помещено было о банке; впечатление высокого настроения сейчас же портится: выходит, как будто банк есть награда дворянству за преданность, и как будто в банке спасение дворянства! Жаль, очень жаль, что по случаю юбилея ничего не сделано для воспитания дворянских детей. Это главная, существеннейшая из всех нужд. Я говорил об этом с И. Н. Дурново.

– Денег нет, – отвечал он, ссылаясь на Бунге.

– Грешно это говорить и грешно с этим мириться, – упрекнул я Дурново. – Русскому Царю нужны прежде всего *преданные* дворяне, а не богатые; деньги должны быть, чтобы помочь дворянству устроить судьбу своих детей в учебных заведениях так, чтобы они не были в обстановке нищих и мещан и семинаристов.

– Я с вами согласен, – ответил И. Н. Дурново, – но убедите в этом Бунге.

23 апреля

Нехорошие известия о здоровье графа [Д. А.] Толстого снова наводят на вопрос: кому быть его преемником? Об этом говорят чуть ли не во всех гостиных. Называют [А. А.] Полов-

¹⁷⁰ Митрополит Московский и Коломенский Иоанникий.

¹⁷¹ Речь идет о рескрипте, данном дворянству 21 апреля 1885 г., в связи со столетней годовщиной Жалованной грамоты дворянству. См. также примеч. 52 к 1884 г.

¹⁷² Губернатор Санкт-Петербургской губернии И. В. Лутковский.

цева, называют [А. М.] Дондукова[-Корсакова]; называют [М. Н.] Островского. А сегодня к великой радости моей слышал в чиновничьих толках имя [Ф. Ф.] Трепова. Я говорю: к радости, ибо если кто назвал Трепова, то значит поворот умов должен был в эти последние годы быть весьма значительным. Имя Трепова означает с одной стороны энергию и строго консервативное направление; а с другой стороны Трепова предали и от Трепова отреклись, когда произошёл знаменитый скандал Засуличского процесса. В этом-то смысле, совсем независимо от вопроса: сколько вероятия в назначении Трепова министром внутренних дел, я радуюсь тому, что в чиновничьих кружках его называют кандидатом. На мой взгляд это историческое знамение времени, означающее, что умы настолько отошли от недавнего прошлого, что не ужасаются такого резкого проявления антилиберализма.

Всех более «ахов» и «охов» вызывают толки про кандидатуру *Половцова*. Он лично собою ничего не представляет: когда-то ловкий человек, теперь мешок с деньгами, и больше ничего. Не дай Бог никогда такому человеку стать в положение, от которого будет зависеть судьба многих, а благо России подавно. Он представляет собою, во-первых, Шуваловскую партию, то есть все *не русские* инстинкты, во-вторых избалованную и, следовательно, необузданную денежную силу. Сила эта растлевающая и вредная, ибо с одной стороны она заключается в связи его денег с известным количеством влиятельных лиц, занявших у него деньги, а с другой стороны в связи со всеми денежными тузами и воротилами, не исключая, разумеется, и жидовских. Затем, как государственная личность, он успел уже достаточно проявить себя весьма узким, личным и нередко мелочным в своих взглядах и чувствах. Слух, пущенный о Половцове, обратно слуху, пущенному о Трепове, – есть печальное знамение времени, как зловеющий признак перешедшего к нам из растленного и гнилого Парижа поклонения деньгам. Без Штиглицевских миллионов кто бы произнес имя этого человека!

Про М. Н. Островского вот что говорят. Он государственный человек надежный и способный, это бесспорно; но против него три выставляют пункта: 1) он болезнен и вряд ли справится с работою; 2) он никого и ничего не знает в М[инистерст]ве внутренних дел, так что ему пришлось бы начинать с азбуки в такую минуту, когда на очереди стоят в М[инистерст]ве внутр[енних] дел неотложные важнейшие вопросы, требующие решения, в 3) и это чуть ли не важнейшее, Островский слишком воспитанник бюрократического мира, чтобы справиться с таким трудным, прежде всего живым делом. В М[инистерст]ве государственных имуществ, по отзывам его сослуживцев и подчиненных, – это отсутствие в Островском государственной самобытности и личной инициативы сказывается необыкновенно сильно и наглядно. Не только ни одно назначение, но и ни одно решение по самому маленькому вопросу Островский на себя не принимает без предварительного подчинения себя директору департамента или другому чиновнику. В этих условиях Островский при всей своей высокой честности и даровитости к сожалению не человек борьбы, а между тем пост министра внутренних дел теперь более чем когда-либо требует борьбы с лагерем либеральной оппозиции, и сильной борьбы, для проведения нужных реформ во имя усиления власти и порядка в провинции.

Но кого же тогда желать на место министра внутр[енних] дел? По-моему, опять-таки единственный подходящий к уровню задач его есть К. П. Победоносцев!

Если не суждено ему быть министром юстиции, то отчего не думать о нем как о преемнике графа Толстого. Лишь бы сохранялось за ним и обер-прокурорство Святейшего Синода, которое ни в чьих руках не могло бы быть лучше.

29 апреля

Четыре года назад все честно преданные люди были обрадованы Манифестом о Самодержавии¹⁷³, положившим конец всем шатаниям и стремлениям в область либеральной авантюры.

¹⁷³ В опубликованном 29 апреля 1881 г. манифесте Александр III заявил о незыблемости самодержавия и отказе от политических реформ: «Глас Божий повелевает Нам стать бодро на дело Правления в уповании на Божественный Промысел,

Четыре года спустя сам собою является вопрос: достаточно ли сделано для укрепления Самодержавия?

К сожалению, прошедшее так расшатало весь строй государственной жизни, так все и всех сбilo с толку, так извратило все мысли и понятия о главном и важном, что теперь еще далеко до полного торжества принципа Самодержавия во многих сферах государственной жизни.

Кто не приедет из провинции, тот непременно жалуется на недостаток порядка в провинции, а недостаток порядка происходит, по мнению всякого провинциала, от недостатка власти.

И с каждым днем ощущение этого недостатка власти становится сильнее. Сильнее становится потребность в Самодержавии на месте, в провинции.

Там его нет, там царствует полное разновластие.

Губернатор доселе – ничего своею властью не может.

Нет начальника в губернии, и еще менее есть начальник в уезде. Отсюда два последствия: крестьянский быт все сильнее разрушается; помещикам все труднее жить.

Что надо для применения идеи Манифеста 29 апреля к провинции – успело очень ясно высказаться, и в этом отношении приезд из провинции людей с практическим опытом в состав покойной Кахановской комиссии – много помог уяснению вопроса: что надо?

1. Надо усилить власть губернатора и сообразно с этим увеличить его содержание.

Примечание. Одна практическая мера, маленькая по существу, могла бы иметь громадное значение как средство усилить значение губернатора в провинции: постановить, что представление к наградам *по всем ведомствам* лиц, служащих в провинции, *не исключая и судебного* (это главное!), должно происходить через губернатора и с присоединением его отзыва. Губернатор тогда возвысится волшебю.

2) Надо назначить начальников уезда, и

3) Надо восстановить старых мировых посредников с предоставлением им дел мировых судей и с подчинением их ведению Министерства внутренних дел.

Все это до зареза нужно, а между тем с болезнью гр. [Д. А.] Толстого все это кануло в море забвения.

Казалось бы, хорошо было бы, если на управляющего Министерством внутренних дел¹⁷⁴ возложено было к осенней сессии нынешнего еще года внести по этим пунктам проект в Госуд[арственный] совет, и предоставить ему для разработки такого проекта пригласить дельнейших губернаторов и людей, как [А. Д.] Пазухин симбирский.

Еще пример: как замедляется вследствие болезни гр. Толстого удовлетворение страшно жгучих нужд внутри России. Вопли и стоны со всех сторон о невозможности вести хозяйство при нынешних отношениях между нанимателем и рабочими побудили гр. Толстого поторопиться составлением проекта положения о найме рабочих¹⁷⁵. Зимой он должен был быть выработан и весной представлен в нынешнем же году в Госуд[арственный] совет. И что же? Проект готов, но в Государст[венный] совет не внесен потому, что его хотел внести и отстаивать сам министр внутр[енних] дел. Таким образом одно из самых горячих дел отложено опять на год, и нынешнее лето принесет опять нескончаемый ряд бед и драм в сфере хозяйских предприятий в России, и в помещичьем быту в особенности.

1 мая

с верою в силу и истину Самодержавной Власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений».

¹⁷⁴ В связи с отъездом министра внутренних дел гр. Д. А. Толстого с 4 марта по 22 октября 1885 г. министерством управлял товарищ министра И. Н. Дурново.

¹⁷⁵ Положение о найме на сельские работы было утверждено только 12 июня 1886 г. (Полное собрание законов. Собр. 3. Т. 6. 1886. № 3803).

Сегодня был у меня один пермяк и много рассказывал интересного про свою Пермскую губернию.

Это интересное главным образом относилось к земскому положению губернии и как нельзя вернее дополняет и подтверждает то, что рассказывал мне так печально красноречиво бывший губернатор [А. К.] Анастасьев. По мнению этого пермяка, весьма образованного молодого человека, Пермской губернии, считающейся и доселе одною из богатейших губерний России, в близком будущем грозит полное и страшное разорение с одной стороны, и целая эпоха серьезных беспорядков с другой стороны, так как начало смут и социальных междоусобий деятельно уже теперь полагается пропагандою посредством земских школ. В настоящую минуту Пермская губерния представляет интересную и угрожающую картину. Все бывшие помещичьи заводы, где никто из владельцев не живет, и все крестьянские громадные и богатые села находятся в полной эксплуатации земских собраний и управ по уездам. Каждые три года эти собрания, по большей части составленные из кабачников и писарей, избирают в члены уездных земских управ известное количество членов, где 3, где и больше. В иных уездах кандидаты на эти должности члены управ платят даже взятки избирателям, чтобы быть выбранными. Почти всегда выбор падает на самых смелых и предприимчивых плутов. Избранный член земской управы пробывает 3 года на своей должности и после трехлетия уходит, но как уходит? Уходит с более или менее круглым или округленным состоянием. И так каждые 3 года! Кто бы поверил таким ужасающим цифрам?! Пока в большей части уездов других губерний норма всех земских сборов по уездной смете не превышает 100 тысяч, 150 000 рублей, в иных уездах Пермской губернии она доходит до 1 миллиона! И этим миллионом распоряжаются кабачники и пьяные, выгнанные с должностей волостные писаря!!! Любимым предметом расходов является народное образование, но Боже мой, что за насмешка, и с тем вместе, постоянная угроза правительственным интересам, и что за лафа нигилистам и социалистам. Школы строят, подбирают сельских учителей те же кабачники, и затем начинается то в одном училище, то в другом очень скверное обучение народа посредством никуда не годных учителей. Правительственный надзор почти отсутствует, так как инспектору¹⁷⁶ при громадных расстояниях очень трудно чаще одного раза в год заглядывать в школу, много два раза, а для инспекции со стороны земства назначаются полуграмотные купчики или те же кабачники.

Из всего этого вытекает, и по мнению переведенного в Чернигов Анастасьева, и по мнению такого простого жителя, что правительство сделало большую ошибку, введши земские учреждения в Пермскую губернию.

Но затем что, раз эта ошибка сделана?

Затем, следовало бы, ввиду особенных условий Пермской губернии, и именно для ограждения населения от тягостей постоянно возрастающих земских сборов, предоставить губернатору в виде временной меры, в изменение статей Земского положения право:

- 1) назначать председателя и членов управ по уездам, и
- 2) утверждать сметы уездных земских собраний по всем статьям расхода.

Это было бы великим благодеянием.

9 мая

Смею полагать, что даровито и ясно составленная статья Вс. Крестовского *о русско-афганской границе* достойна быть занесенною в *Дневник*. Сегодня она появилась в «Гражданине»¹⁷⁷.

¹⁷⁶ В каждом учебном округе было несколько (обычно три) окружных инспектора учебных заведений, в функции которых входило наблюдение за ходом преподавания в учебных заведениях.

¹⁷⁷ Ниже Мещерский вклеил вырезку из «Гражданина» (1885. № 36. 9 мая. С. 1–4).

По поводу русско-афганской границы

В течение последних двух-трех недель, среди разного рода сенсационных известий в печати по поводу англо-русских дел, проскользнули, между прочим, слухи, идущие из английских источников, о том, будто бы жители территорий Бадахшана и Шугнана посылают к нам своих уполномоченных с просьбою о принятии их под русское покровительство, а также и о том, будто Россия отказывается от своих притязаний на Зюльфагар, взамен чего Англия уступает ей Пендждехский оазис. При этом были и такого рода комментарии, что Зюльфагарский проход не имеет для нас никакого стратегического значения, так как его будто бы весьма легко обойти в брод на Герируде, чем, конечно, в случае надобности, русские войска и воспользуются, а потому-де лучше сделать англичанам эту чисто фиктивную уступку взамен Пендждехского оазиса, имеющего для нас действительно стратегическое значение.

Для человека, не посвященного в тайны дипломатических сношений, конечно, весьма трудно судить насколько подобные известия справедливы. Но если допустить, что они имеют свою долю основательности, хотя бы только потому, что о них заявляют такие солидные органы английской и германской печати, как «Daily News», «Times», «Крестовая» и «Кельнская» газеты¹⁷⁸, то оставить их без рассмотрения с нашей стороны было бы едва ли уместно.

Внимание обеих заинтересованных сторон, по-видимому, сосредоточено только на крайнем западном участке будущей русско-афганской границы, между Герирудом и Мургабом, на протяжении около 120 верст от запада к востоку, тогда как все протяжение русско-афганской границы, включая сюда и бухарские владения, тянется на расстоянии около 1200 верст, а Зюльфагар на западе и Шугнан на востоке составляют ее конечные пределы. С Шугнаном уже и теперь русские владения соприкасаются непосредственно, от Топчатынского до Узбельского перевалов, на протяжении около 65-ти верст.

Что касается до Зюльфагара, то очень может быть, что уступка его, при обладании Ак-рабатом и Пендждехским оазисом, не имеет для России серьезного значения собственно в стратегическом смысле. Но для человека, хотя несколько знакомого с азиатами, дело это представляется совсем в другом свете, если взглянуть на него со стороны политической.

Какое дело сопредельным азиатам до того, что уступка эта, в сущности, фиктивная, что сделана она из любезности, лишь в угоду национальному самолюбию англичан, дабы позолотить им горькую пилюлю и доставить министерству Гладстона сколько-нибудь приличный выход из того фальшивого положения, в какое оно само себя поставило! Азиаты всех этих тонкостей европейской политики не знают и не понимают, да никогда и не поймут, – не их простого ума это дело! Но за то они будут знать и воочию видеть тот факт, что вот русские заняли было Зюльфагарский проход, а потом взяли и ушли, очистили его и отдали афганцам, не смотря даже

¹⁷⁸ «Daily News» (Лондон; 1846–1912) – ежедневная газета либеральной направленности; «Times» (Лондон; выходит с 1785 г. по наши дни) – ежедневная консервативная газета; «Крестовая газета» («Kreuz-Zeitung») – распространенное название «Neue Preussische Zeitung» (Берлин; 1848–1938), в названии которой присутствовало изображение большого черно-белого креста; «Кельнская газета» («Kölnische Zeitung»; Кельн; 1802–1945) – ежедневная национал-либеральная газета; в 1870–1890-е гг. обе эти газеты поддерживали имперскую политику О. Бисмарка.

на свое победоносное дело при Таш-кепри. Почему русские сделали так? – По понятию азиатов, на этот вопрос ответ может быть только один: «Потому что хотя Аллах, за грехи наши, и допустил уруса побить афганов на Кушке; но все же афганы с инглизами настолько сильны, что урус их побаивается и предпочел сам уйти из Зюльфагара, когда узнал, что афганы готовы идти на него с большими силами». Кто действительно силен и прав, тот, по понятию азиатов, никогда ничего добровольно не уступает: уступка есть первый признак неправоты или слабости. Таково их простое убеждение. И нет сомнения, что не только англо-индийские газеты, но и английские негласные агенты, в которых у англичан никогда нет недостатка, изо всех сил постараются объяснить нашу уступку именно в таком смысле, что необходимо им для поддержания своего поколебленного ныне престижа. Поползновения английской печати придать делу именно такой оборот начались уже и теперь, когда мы сделали только тень уступки требованиям английского кабинета. А что же будет, когда уступка Зюльфагара станет совершившимся фактом! На страницах англо-индийских газет и в устах туземных английских агентов она разрастется в акт блестящего торжества англичан над Россией, которую-де принудили дать формальное обязательство никогда и ни в каком случае не занимать Герата.

Но это еще не важно, в виду условий дальнейшей русско-афганской границы, к рассмотрению которых я и позволю себе теперь обратиться, начиная со второго участка оной, от Мургаба до Амударьи. Здесь крайне важным является вопрос: по каким именно местам пройдет пограничная линия этого участка?

По сообщениям английских газет, а также и на картах, недавно появившихся в витринах книжного магазина Ильина (что в здании Главного Штаба), линия эта проложена от Меручака по открытой степи на Келиф, минуя целый ряд оседлых, культивированных территорий, каковы Маймене, Андхой, Шибирхан, Ахча, Балх и проч., оставляемых во владении афганцев, хотя непрерывность прав этих последних на означенные территории еще весьма сомнительна, ибо не только отец нынешнего эмира бухарского, но и сам Музаффар-Эддин¹⁷⁹ до 1867 года пользовался над Балхом, Хулмом, Андхоем и проч. сюзеренною властью, и эти территории, в числе двенадцати вассальных ханств, лежащих между левым берегом Аму и Гиндукушем, «охотно платили ему ежегодно небольшую дань, чтобы под его защитой быть обеспеченными против афганских и других нападений»¹⁸⁰. Так говорит историк Бухары, известный Армений Вамбери.

Если пограничная линия мургабо-келифского участка действительно пройдет по пустыням совершенно открытой, песчаной почти безводной степи, то это будет граница не только фиктивная, но и крайне дорого стоящая. Чтобы доставить ей действительную охрану от набегов и прорывов зарубежных аламанщиков¹⁸¹ и от контрабандного ввоза английских товаров, необходимо

¹⁷⁹ Эмир Бухарский в 1860–1885 гг. – Музаффар ад-Дин Бахадур-хан, его отец и предшественник – эмир Насрулла Бахадур Хан.

¹⁸⁰ Маймене, Андхой, Ахча, Шибирхан, Сарыпул, Бадахшан, Балх и Бамиан впервые были отняты афганцами у Бухары в 1752 году; но 36 лет спустя (в 1788 году) отвоеваны бухарцами обратно, причем Тимур-шах, правитель афганский, формальным договором предоставил Маассуму, эмиру Бухарскому, дальнейшее обладание сими городами и землями, которые, под управлением своих ханов и беков, опять стали к Бухаре в вассальные отношения. Афганцы вторично распространили свою власть на эти территории не раньше 1866–1867 года, воспользовавшись для сего затруднительным положением, в какое был поставлен тогда эмир бухарский войною с русскими.

¹⁸¹ Аламанщики – грабители. Аламан – набег с целью грабежа – был заметным явлением в туркменском обществе,

будет держать на линии целый ряд пограничных, достаточно сильных постов, для которых все снабжения, продовольствие, фураж и топливо придется доставлять из Пендждеха с одной и Келифа с другой стороны, или же закупать все это на наличные металлические деньги в противулежащих оазисах, то есть, другими словами, становиться относительно первейших статей насущной необходимости в зависимости от доброй воли или от каприза нашего соседа. В обоих случаях это ляжет постоянным и весьма обременительным расходом на государственное казначейство при отсутствии взамен того каких бы то ни было выгод, не говоря уже о прочих неудобствах. Будучи в зависимости от редких пресноводных колодцев, посты эти не могут быть расположены на столько близко один к другому, чтобы служить действительною охраной пограничной линии и быстро подавать друг другу, в случае надобности, взаимную помощь. История терско-кубанской линии достаточно убеждает, что даже на хорошо обселенных и защищенных кордонах, при отлично выработанной системе пограничной охраны и при громадной практической опытности в этом деле боевого казачьего населения, взаимная поддержка, в случаях прорыва кавказских горцев на русскую степь, далеко не всегда являлась своевременною. А что же будет здесь, в пустыне, и в особенности когда почти параллельно границе, отступая от нее в глубь страны всего на какие-нибудь сто с небольшим верст, пройдет линия среднеазиатской железной дороги! Каким вечным соблазном для аламанщиков будет эта дорога, более чем слабо защищенная от возможности устраивать на ней крушения поездов, с целью грабежа товаров и пассажиров. Не говорю уже о контрабандном ввозе произведений английской промышленности, в подрыв нашим торгово-промышленным силам. Известно, например, что в настоящее время английский индийский чай (так называемый ак-чай) совершенно вытеснил со всех среднеазиатских рынков наши кирпичные чаи¹⁸². То же, по всей вероятности, вскоре будет и с нашими котонадами¹⁸³, если граница осуществится так, как проектируют ее карта Ильина и английские газеты. А что англичане при первой же возможности устроят в Герате и Мазар-и-Шерифе склады своих товаров, в этом, конечно, не может быть никакого сомнения.

Для устойчивости пограничной линии, ее необходимо следует ввести в район культивированных оазисов, каковы на протяжении данного участка суть: Меручак, Маймене, Андхой, Ахча, Шибирхан, Балх, Мазар-и-Шериф и Таш-курбан, которые собственно и должны быть нашими пограничными пунктами, где содержание гарнизонов будет в значительной мере облегчено нам средствами местной производительности и тою податною суммой, какая придется с населения сих оазисов. Тогда нам нечего опасаться ни прорывов через границу, ни грабительских покушений на крушение железнодорожных поездов, так как собственный наш исторический опыт в Средней Азии уже достаточно показал нам, что кочевое население степи умиротворяется тотчас же, как только мы выносим линию своих фортов вперед, за пределы его

просуществовавшим вплоть до первой четверти XX в. Подробнее см.: *Ботяков Ю. М.* Аламан: Социально-экономические аспекты института набега у туркмен (середина XIX – первая половина XX века). СПб., 2002.

¹⁸² Кирпичный чай – чай, спрессованный в форме кирпичиков, производился из второсортного сырья (грубых или огрубевших побегов, старых листьев) в северных провинциях Китая; доставлялся русскими купцами сухим путем через Сибирь.

¹⁸³ От *фр.* *cotonnade* – хлопчатобумажная ткань.

обычных кочевков. Так и в данном случае: если граница будет проведена по оазисам, то кочевое племя туркмен Алиели войдет в состав нашей территории и поневоле будет жить спокойно, так как Андхой, Маймене, Шибирхан, Ахча, Балх и Мазар-и-Шериф, к коим оно тяготеет экономически, будут заняты русскими гарнизонами. В противном же случае Алиели останутся, как и теперь, независимым племенем и, примыкая непосредственно к нашей степной границе, будут, во-первых, вечно пробавляться прорывами через линию для покушения на железную дорогу, а во-вторых, сделаются весьма удобным материалом для всяких враждебных нам подстрекательств со стороны наших противников, и нам, волей-неволей, все-таки придется вскоре двинуться вперед, для занятия вышесказанных оазисов, хотя бы и вопреки англо-русскому договору, если таковой состоится. Такова сила вещей, которая рано ли, поздно ли, но *неизбежно* вынудит нас к подобному шагу. А потому не лучше ли не связывать себя заранее обязательствами, которые не могут быть исполняемы нами без постоянного ущерба не только казне и частным интересам, но и своему государственному достоинству.

Что до населения этих оазисов, то оно все такое же, с каким мы и теперь имеем дело у себя в Средней Азии, то есть: сарты (в смысле оседлых жителей, представляющих собою помесь тюркской расы с арийскою), туркмены, узбеки и таджики, которые всегда смотрели на господство афганцев как на иго и, без сомнения, с удовольствием променяют его на твердую и справедливую власть России. Если они уже Бухаре платили дань за защиту их от афганцев, то мы можем встретить в них только союзников, а никак не противников, и тем более теперь, когда престиж Русской Державы столь высоко стал во всей Азии.

Перехожу к третьему участку русско-афганской границы.

В межиречьи Вахша и Пянджа, образующих своим слиянием Амударью, лежит обширная страна, изрезанная множеством высоких горных хребтов с их скалистыми отрогами, страна возвышенных нагорных равнин и глубоких долин, орошаемых горными реками и ручьями, сполна принадлежащими к бассейну Аму. Рельеф страны, постепенно повышаясь к востоку, образует наконец «крышу мира», – метафорическое название, данное народами Востока Памиру. В пределах этого межиречья лежат территории: Куляб, Бальджуан, Дарваз и Шугнан. Северо-западная часть последнего, примыкающая к Дарвазу и, частью, к русским владениям, называется Рушаном, а южная, простирающаяся до гребня Гиндукуша, – Ваханом. С запада к Шугнану примыкает территория Бадахшан, ограниченная с юга Гиндукушем, а с севера – течением реки Пянджа (левым берегом оно). Куляб, Бальджуан и Дарваз входят в состав бухарских владений и управляются беками, частью наследственными (Куляб), а частью по назначению бухарского эмира. Бадахшан подпал под владычество Афганистана вместе с прочими территориями левого берега Амударьи в половине 60-х годов текущего столетия, а в независимом Шугнани появились афганцы только с лета 1883 года. Осенью того же года они проникли на бесспорную бухарскую территорию и заняли Куляб, а оттуда вторглись и в Бальджуан, при чем перерезали до двухсот человек жителей, осмелившихся защищать свое имущество^{184, 185}. Тогда эмир Бухарский, чрез особое посольство, обратился

¹⁸⁴ Предлогом для вторжения послужили некоторые притязания бывшего наследственного бека Бальджуанского. За сопротивление распоряжениям центральной власти и разные противозаконные поступки он подвергся гневу эмира и, будучи

в Ташкент, с извещением об этом обстоятельстве, а равно и о том, что отряды афганских войск все лето делали постоянные рекогносцировки на левом берегу Аму и промеры в реке, при чем иногда позволяли себе переправляться и на правый берег. Указывая на это в своем письме, эмир, между прочим, заметил, что если бы он был по-прежнему самостоятельным государем, то сумел бы, при Божьей помощи, управиться и собственными силами с нарушителями неприкосновенности его владений, но теперь, как покорный союзник Российской Империи, прежде чем предпринять какие-либо меры, считает долгом обратиться за советом и помощью к представителю русской власти в Ташкенте. В конце 1883 года разрешено было оказать эмиру помощь в виде отсылки в Бухару одной тысячи старых ружей; отправка же трех или четырех инструкторов для бухарских войск и инженера для укрепления горных проходов против Афганистана была признана неудобною. Между тем, кто знает, что такое бухарские войска, для того нет сомнения, что, предоставленные самим себе, они никогда не будут в состоянии серьезно бороться, даже и в горной войне, с войсками афганцев, превосходящими их и количеством, и качеством, и вооружением, и степенью военной подготовки, в смысле войск регулярного строя. Кроме того, политическая связь горных бекств с Бухарою довольно слаба и держится только на старых условиях защиты их от афганских и прочих нападений, а потому, вынужденные обстоятельствами, эти бекства легко могут подчиниться влиянию более сильного Афганистана. Свойства же самой страны Вахшо-Пянджинского межиречья таковы, что могут представить нашему противнику все выгоды для ведения продолжительной горной войны. Там, по характерному выражению наших казаков, ходивших туда в конвое с несколькими учеными экспедициями, – «сам черт глину месил и горы ворочал». Опираясь тылом на Афганистан и подняв горное население, всегда более воинственное чем жители равнин, да вооружив его усовершенствованными винтовками, наш противник, скрываясь за спиною афганцев и местных горцев, может, при случае, устроить нам нечто в роде повторения Кавказской войны, тем более, что Дарваз и Шугнан примыкают непосредственно к южной границе нашей Ферганской области, представляющей в данном районе страну точно такого же горного характера.

В настоящее время связь Шугнана с Афганистаном еще очень слаба и обуславливается только насильственным захватом афганцами Шугнанской территории, а потому, если Шугнан действительно просит о принятии его под русское покровительство, то этим не мешало бы нам воспользоваться теперь же, ради собственного спокойствия в будущем. Если Шугнан с Бадахшаном и не доставят нам пока особенной выгоды, хотя и обладают некоторыми горными богатствами¹⁸⁶, то несомненно, что в руках нашего

вызван для объяснений в Шагрисебс, предпочел бежать с дороги в Афганистан. После его бегства эмир упразднил в Бальджуане наследственность бекского звания и стал посылать туда беков по своему назначению. Афганцы появились в Бальджуане с беглым беком во главе, якобы для восстановления его наследственных прав.

¹⁸⁵ На протяжении 35 лет наследственным правителем Куляба и Бальджуана, находившихся на востоке Бухарского эмирата, был Сары-бек. Он неоднократно пытался отделиться от эмирата. После окончательного покорения этих районов к 1870 г. бухарским эмиром Музаффаром ад-Дином Сары-бек бежал в Афганистан, а наследственных беков заменили назначаемые эмиром. Подробнее см: *Варыгин М. А.* Опыт описания Кулябского бекства. Краткий исторический очерк // *Известия Императорского Русского географического общества.* 1916. Т. 52. Вып. 10. С. 740–743; *Кисляков Н. А.* Очерки по истории Каратегина. К истории Таджикистана. Сталинабад; Л., 1941. С. 102–104.

¹⁸⁶ В настоящее время разрабатываются: в Шугнани – ломки горной соли, на севере, близ урочища Баманын-сай,

противника они могут сделаться самым удобным поприщем для нанесения нам большого и продолжительного вреда горною войною и внесением постоянных подстрекательств и смуты в среду наших подданных, соседних горцев Ферганской области, которые и без того не совсем еще умиротворились.

С добровольным присоединением к нам Шугнана и Бадахшана мы подошли бы к Гиндукушу, то есть к единственной нашей естественной и потому спокойной границе в Средней Азии. В этом случае основным принципом нашего будущего разграничения смогло бы быть следующее положение:

Все что лежит к северу от Гиндукуша и его западного продолжения, Сиаг-Куха, то наше, а все что к югу от этого хребта, то английское.

Таким образом, в наши пределы вошли бы все те земли, которые с некоторого времени получили название Северного Афганистана, – название произвольное, так как между коренным населением этих земель афганцев нет, кроме гарнизонов и нескольких административных чиновников, об утрате которых местное коренное население не пожалеет. Опасаться же неприязни афганцев нам нечего, ибо, помимо превосходства наших военных сил, самый Гиндукуш будет стоять между ими и нами достаточно надежную преграду.

Гиндукуш, несомненно, был бы не только самою выгодною в оборонительном и политическом смысле границею, но и самою дешевою, так как нам пришлось бы содержать пограничные военные посты только при нескольких доступных перевалах, которые все наперечет и более или менее нам известны¹⁸⁷. С этою пограничною стражей весьма удобно могла бы соединиться и таможенная служба, которая при этих условиях могла бы представлять нам действительную гарантию против ввоза англо-индийской контрабанды.

Редко когда политические обстоятельства слагались столь благоприятным для нас образом, как в настоящую минуту. Если когда мы могли бы покончить с этим вопросом без войны, но радикально, то это именно теперь, когда англичане по необходимости должны уступить нашим требованиям. Всякая другая граница, кроме Гиндукуша, не может считаться прочною и окончательною. Повторяю: естественная сила обстоятельств, рано или поздно, заставит нас двигаться к этому неизбежному пределу. Но есть все основания опасаться, что это движение произойдет уже далеко не при таких счастливых условиях, как могло бы быть ныне. Часть кредитов полученных ныне министерством Гладстона, как слышно по газетам, предполагается употребить в помощь Абдуррахман-хану на укрепление, согласно требованиям современной фортификации, и на вооружение Герата, Маймене, Андхоя, и проч.

Таким образом, года через два-три против нашей открытой, на песке лежащей границы создастся целый пояс крепостей, сооруженных по планам английских инженеров (которые, как слышно, уже и командированы на место)

и рубиновые копи, на юго-западе, у реки Аб-и-Пендж, при кишлаке Гармчишма; в Бадахшане – медные рудники, на северо-востоке, при кишлаке Азрет-Шашт и копи ляпис-лазури, у Гиндукуша, к югу от города Джарм; в Дарвазе – железные рудники на реке Вандж.

¹⁸⁷ От перевала Карамбар, на крайне восточной границе Кафиристана с Ваханом, и до перевала Хаджи-Как, в Бамианском проходе, на всем протяжении Гиндукуша (около 575 верст) насчитывается всего 22 перевала; а на хребтах Кух-и-баба и Сиаг-Кух, от Бамианского прохода до Персидской границы (около 680 верст) всего только 9. В действительности, быть может, их несколько больше; я говорю только о тех, которые значатся на 40-ка-верстной карте Туркестанского военного округа, изданной Туркестанским военно-топографическим отделом.

и вооруженных английскою артиллериею. А если Абдуррахман допустит в свои войска английских инструкторов (чего также домогаются англичане), то к тому времени они, может быть, обратятся в более серьезную силу, чем та, с какою пришлось иметь дело на берегах Кушка генералу Комарову. Кроме того, подчинение Герата английскому влиянию откроет широкий и легкий путь английским мануфактурным произведениям в наши степи, в полный ущерб нашей торговле с ними, а со временем, при возникновении каких-либо особенно благоприятных обстоятельств (например, в случае нашей войны в Европе), если английский гарнизон займет Гератскую цитадель, то прямым последствием такого шага будет подчинение Персии английскому протекторату, и тогда появление английского флага в персидских портах Каспийского моря едва ли долго заставит ожидать себя, а вместе с этим все наше дело в Средней Азии, и даже самое пребывание наше там, потеряет для нас всякий смысл и значение.

В виду всего этого, мы должны наконец твердо убедиться теперь же, что для нас в Средней Азии нет иной нормальной границы, кроме Гиндукуша, если только мы дорожим там своими задачами, своим спокойствием, своим карманом и своим достоинством, как великая держава.

10 мая

Ни единого, увы, слова неправды или преувеличенного нет в том, что писал не раз о дурных замыслах воротил в М[инистерст]ве финансов насчет Дворянского банка. Даже самые беспристрастные люди, как [Н. В.] Исаков, даже самые благожелатели [Н. Х.] Бунге, как [А. А.] Абаза, громко говорят о тенденциозном и антидворянском характере проекта Дворянского банка, составленного по воле Государя, желавшего этим банком дать средство дворянам помещикам выпутаться из сетей и безвыходного положения. Проект банка явился в Госуд[арственный] совет с характером как будто неточного исполнения воли Государя. Почти все это сознают, и все это говорят Бунге, но бедный Бунге, увы, совсем в руках [Ю. Г.] Жуковского, [Е. Е.] Картавцева и К^{ии} самых ярых красных, посаженных в М[инистерст]ве финансов, и ничего не может...

Главное, в чем воля Государя не исполнена, заключается в том, что Бунге по настоянию этих красных воротил ни за что не хочет допустить мысли соединения операций и устава Дворянского банка с Взаимным поземельным банком, и хочет предоставить и этот банк, и его массу заемщиков их собственной судьбе, тогда как именно из-за этих-то заемщиков, разоренных в конец, все дворянские ходатайства и просили правительство о помощи. Затем, как совершенно основательно говорят «Московские ведомости», невольно возникает вопрос: зачем по проекту Бунге предполагается выдавать ссуду облигациями, а не кредитными билетами? Ясно, что цена облигации будет зависеть от биржевой спекуляции и что заемщик вместо 100 рублей может получить по курсу 98, 96 рублей, за что же?

Затем, наконец, нельзя скрыть, что в сущности своей все-таки весь проект Дворянского банка проникнут затаенною мыслью, которую, впрочем, составители его, гг. Картавцевы и Жуковские не скрывают, *как можно менее помогать дворянству!*

В виду этого, так как проект Дворянского банка не менее важен в государственном смысле чем, например, был проект Университетского устава, невольно ссылаясь на мудрый прецедент, введенный Государем, было бы возможно допустить такую комбинацию: положим, проект банка поступает из Государственного совета на Высочайшее утверждение. К нему будут приложены возражения весьма дельные, сделанные в департаментах Госуд[арственного] совета, и между прочим очень дельные мнения [М. Н.] Островского... На все эти мнения и возражения Бунге почти не обратил внимание. В виду этого казалось бы, что если последовала Высочайшая воля: согласовать проект Двор[янского] банка с интересами заемщиков Взаим-

ного поземельного кредита и возражениями, в департаменте Госуд[арственного] совета высказанными – все дело было бы спасено. Оно замедлилось бы, но что значит несколько месяцев летних сравнительно с пользой дела!

12 мая

От Делянова слышал такой рассказ. Был у него саратовский предводитель дворянства¹⁸⁸ и рассказывал ему, что он представлялся Государю вместе с петербургским предводителем гр. [А. А.] Бобринским. При представлении будто саратовский предводитель сказал Государю, что с 29 апреля 1881 года Россия живет в сравнительно успокоенном состоянии, так как получила уверенность, что отныне строй Самодержавного управления поколеблен реформами не будет. Когда оба предводителя возвращались на железную дорогу, в одной карете, мальчишка Бобринский обращается к саратовскому предводителю с вопросом.

– Скажите, – говорит он, – неужели то, что вы сказали Государю, есть ваше убеждение?

– Ваш вопрос, граф, меня изумляет, – ответил саратовский предводитель, – если бы это не было мое убеждение, разве я бы сказал Государю... Я не торгую своими убеждениями.

Этот эпизод очень характерен – как обрисовка глупого либерального фанфаронства Бобринского.

Либералов à la Бобринский в известном кругу немало. Они себя выдают за консерваторов; но консерваторы эти – это Шуваловская партия! Они сегодня за поляков, завтра за евреев, после завтра за немцев, но никогда ни за Россию, ни за Царя! Их страсть трипотаж¹⁸⁹ и интриги.

Когда гр. [Д. А.] Толстой прибыл в Москву совсем обескураженный от хода болезни и хотел просить отставки, [Петр А.] Шувалов поехал к нему умолять его не выходить в отставку и подождать во всяком случае до октября.

– Jusque là, – сказал он, – nous chercherons un remplaçant...¹⁹⁰

Le remplaçant est tout trouvé¹⁹¹, это все тот же [А. А.] Половцов, друг Шувалова, и весь расчет основан на мысли в эти 4 месяца как-нибудь *подготовить* кандидатуру их *remplaçant*!

15 мая

Застал К. П. Победоносцева согревающимся после прохлады и дождя поездки на открытие канала¹⁹², съездившимся и хилым. Стал его уговаривать летом отдыхать, а он руки поднимает и говорит: «Где тут отдыхать, некогда, разве вот в августе, а тут все архиереи мрут, и не дай Бог как тяжело!»

В разговоре коснулись графа [Д. А.] Толстого и неизбежного вопроса его преемника.

К[онстантин] П[етрович] совсем обескуражен, уверяя, что положительно не на ком бедному Государю остановиться. Нет, и нет, что хочешь делай!

Из слов его выходит, что пока как будто всего лучше оставаться на положении *statu quo*¹⁹³, с [И. Н.] Дурново управляющим Мин[истерством] вн[утренних] дел, а там может что и выяснится.

Дай то Бог! Во всяком случае лучше действительно *statu quo*, чем неизвестность в нынешнее время. Дурново, по крайней мере, во всем может действовать сообща с К. П., у него опыт и знание дела!

¹⁸⁸ П. А. Кривский.

¹⁸⁹ От *фр.* tripotage – сплетни.

¹⁹⁰ Пока мы не найдем заместителя... (*фр.*).

¹⁹¹ Заместитель уже найден (*фр.*).

¹⁹² 15 мая 1885 г. состоялось открытие Морского канала в Петербурге.

¹⁹³ в прежнем состоянии (*лат.*).

Узнал от К. П., что в области Мин[истерства] нар[одного] просвещения все перессорились из-за введения Университетского устава. Предсказания К. П. сбываются. [М. Н.] Катков здесь днюет и ночует, и хочет все вершать по своему, запрягшись в корень и пристегнув [А. И.] Георгиевского справа, а [Н. А.] Любимова влево; Делянов не поддается, он с профессорами составляет другой лагерь; Катков ругает Делянова, Делянов подсмеивается и говорит Каткову: «Ну уж вы *чересчур*», и в итоге очень туго подвигается дело. На главном споткнулись, на применении дела.

А давно ли страстный и личный Катков, ругая Победон[осцева], говорил громко, что Делянов человек с характером, да еще с твердым, а теперь его ругает бабою и на него жалуется тому же Побед[онос]цеву!

16 мая

Сейчас был с моряками. Разумеется, предметами разговоров были эпизод с «Державой» и миноноски¹⁹⁴.

Моряки осуждают [И. А.] Шестакова за то, что он из-за ценза¹⁹⁵ ставит в общую очередь Государеву яхту, не принимая в соображение, что командиров яхты Государя нельзя сменять, не подвергая до известной степени самую яхту и Государя на ней зависимости от неопытности и незнания судна командира.

Строго судили тоже офицера, отдавшего канат не во время. Все офицеры и вся команда «Державы» чуть не плачут от досады и горя, что этот эпизод случился.

Много толковали о миноносках. Выбрали 17 для конвоирования «Александрии», а между тем оказалось, что могли только конвоировать три; остальные все должны были или отстать или остановиться. У всех механизмы более или менее неисправны, и ни одна не дает даже 14 узлов¹⁹⁶, а на пробе так каждая давала 15; теперь большая их часть дает 10, 11 узлов.

20 мая

Узнаю сегодня, что граф [Д. А.] Толстой настолько поправляется, что думает в начале июня приехать сюда, *faire acte de présence*¹⁹⁷, представиться и затем снова для лечения про-
сидеться до октября.

Таким образом бедному [И. Н.] Дурново придется снова сидеть без отпуска.

¹⁹⁴ Речь идет об открытии Морского канала в Петербурге 15 мая 1885 г. После молебна царская семья взойшла на яхту «Держава», чтобы следовать на Кронштадтский рейд, где Александр III намеревался провести смотр флота. Однако снятие с якоря и отдание канатов произошли не одновременно, вследствие чего яхту немного развернуло, и потребовалось несколько минут, чтобы с помощью трех буксиров повернуть ее. После смотра император пересел на яхту «Александрия» и, конвоируемый миноносками, отправился в Петергоф. При этом выяснилось, что миноноски, которые по своему боевому назначению должны быть быстрее всех других кораблей, уступают яхте в скорости (см.: Гражданин. 1885. № 39. 19 мая. С. 13–14. Дневники за 15 и 16 мая).

¹⁹⁵ Мещерский имеет в виду Положение о морском цензе, высочайше утвержденное 25 февраля 1885 г. (Полное собрание законов. Собр. 3. Т. 5. 1885. № 2769). Целью этого положения было уменьшить сверхкомплект флотских офицеров, который состоял главным образом из лиц давно не плававших и фактически не несших строевой службы. Морской ценз приобретался плаванием на военных судах и командованием отдельными судами, отрядами и эскадрами, причем для каждого офицера морской ценз исчислялся отдельно, вплоть до дней, проведенных в плаваньи. Согласно Положению, для получения очередного чина (от мичмана до вице-адмирала) необходимо было иметь определенный ценз: для производства в капитаны 1-го ранга, например, проплавать 12 месяцев в должности старшего офицера и прокомандовать не менее 12 месяцев судном 2-го ранга в плаваньи. Для соблюдения справедливости было предусмотрено очередное назначение офицеров на суда заграничного плаванья, а также периодическая смена командиров судов и начальников отрядов и эскадр. Положение о морском цензе дополнялось правилами о предельном возрасте: для каждого чина был установлен особый возрастной срок, по достижении которого не выполнившие ценз увольнялись со службы, а выполнившие, но не получившие повышения за неимением вакансий зачислялись по флоту до достижения предельного возраста следующего высшего чина.

¹⁹⁶ Узел в навигации – единица измерения скорости судна. Один узел равен одной морской миле в час, или 1,852 км/ч. Следовательно, скорость в 15 узлов примерно равна 27,8 км/ч, в 14 узлов – 25,9 км/ч, в 11 узлов – 20,4 км/ч и т. д.

¹⁹⁷ явиться из вежливости, по обязанности (*фр.*).

Видел сегодня несчастнейшего человека и слезы самые непритворные на глазах его. Человек этот [К. Д.] Далматов, устроивший выставку кружев и шитья, собранных им по всей России. Из Министерства госуд[арственных] имущ[еств] его от штатной должности уволили; устроил он выставку в музее [А. Л.] Штиглица¹⁹⁸, издержал до 500 рублей, а публики всего было 400 с чем-то человек, то есть до 200 рублей; семья, дети, ни гроша, лишение места, равнодушие всех и пренебрежение к его труду, вот что получил несчастный за свои 2летние труды! Даже министр финансов не удостоил заглянуть на его выставку. 2000 рублей ему пособия сделали бы этого несчастного счастливым и спасли бы его буквально от нищеты и разорения. Жаль его видеть и слышать бедного! Малейшее внимание к нему *свыше* могло бы поднять его упавший дух, вернуть бодрость, а главное вернуть ему место на службе с жалованьем.

22 мая

Видел сегодня старика [А. П.] Озерова. Много говорили о прошлом и нынешнем. Вот носитель чистейшей и теплейшей преданности преданиям и Трону. Он мне, между прочим, рассказывал, что как-то на днях виделся с [К. П.] Победоносц[евым], и тот ему говорит: «Что вы, Александр Петрович, ничего не делаете?» Бедный старик с грустью ответил: «Господи, как я был бы счастлив чем-нибудь быть полезным». Пока он не дряхл, действительно, этот прекрасный старик является как бы созданным для воспитательной части, и именно женской; в нем столько сердца и теплоты. После ледяного [К. К.] Грота все остыло в ведомстве женских учебн[ых] и благотворит[ельных] заведений. [Н. Н.] Герард – золотой человек, но он холодный. А. П. Озеров – наоборот – это источник теплого света.

№ 18

[27 августа]

Всемиловейший Государь!

Предполагая, что письмо сие дойдет до Вашего Величества около 30 августа, прежде всего приношу из глубины любящего Вас сердца мои смиренные поздравления с днем Вашего и Нашего Ангела и желания Вам лучшего из благ: осуществления желаний *Вашего* сердца!

Смел бы сказать: завидую Вам, Государь, думая, как теперь, после стольких официальных передвижений, Вы находитесь в приюте мирной семейной улады, где все дышит покоем и миром, вдали от людского шума и громкой суеты.

Воображаю себе и другое: что теперь у Вас более досуга, а потому осмеливаюсь послать Вашему Величеству несколько пакетов.

Первый в переплете – это собранные мною письма о России, печатавшиеся за этот год в «Гражданине». При последнем свидании Вы изволили разрешить мне собрать эти письма воедино и доставить оные Вам для просмотра ввиду вопроса: может быть, они окажутся интересными для прочтения Цесаревичу.

Вторая и третья тетради суть доклады или записки, представленные тем самым лицом, которое ездило по России и писало письма в «Гражданине»¹⁹⁹, графу [Д. А.] Толстому. Может

¹⁹⁸ Финансист и банкир А. Л. Штиглиц широко занимался благотворительностью. В частности, на его средства в Петербурге было учреждено центральное училище технического рисования, а при нем – библиотека и художественно-промышленный музей. Об этом музее идет в данном случае речь. Первая выставка Далматова прошла еще в декабре 1883 г. и удостоилась внимания императора (см.: Московские ведомости. 1884. № 286. 15 окт.).

¹⁹⁹ Мещерский имеет в виду И. И. Колышко.

быть, Вы удостоите пробежать эти записки, как картины местной жизни, живо и не без таланта изложенные.

Поездка двух лиц по России, с Вашего милостивого разрешения предпринятая в прошлом году на 3 года для собирания сведений о настоящем моменте жизни в провинции – дала половинные только результаты. [В. В.] Крестовский, отличный и талантливый романист, оказался, к сожалению, именно к этой работе исследования на месте и описания с натуры совсем неподходящий. Зато помощник его, молодой [И. И.] Колышко, начинающий службу в М[инистерств]е вн[утренних] дел, проявил и несомненный талант, и умение работать и передавать наблюдения языком дельным и ясным. Ему принадлежат и письма, печатавшиеся в «Гражд[анине]», и записки, представленные графу Толстому по двум губерниям²⁰⁰, и имеется в виду еще записки по Костромской, Казанской и Пермской губерниям.

Могу похвастаться этим, ибо он мой ученик, и я нюхом угадал в нем талант. Однажды он написал мне письмо. В этом письме я увидел зачатки таланта и затем стал руководить его чтениями, занятиями, убеждениями, словом, воспитанием, и Бог дал мне радость увидеть в нем не только даровитого человека, но главное честного, трудолюбивого и правомыслящего труженика и гражданина. Но и то сказать надо: на одном утешаешься, а на девяти, ох, как жутко обжигаешься и обманываешься.

Посмею еще поделиться отрадною вестью. В нынешнем году «Гражданин» шагнул гигантским шагом: он проник с одной стороны во все высшие сферы государственных людей, а с другой стороны он стал выписываться в известных трактирах, что служит прямым доказательством, что его спрашивает публика и им интересуется. Затем все газеты делают из него выписки, и орган кн. Бисмарка «Nord-Deutsch[e] Allg[emeine] Zeit[ung]»²⁰¹ не редко им, то есть «Гражд[анином]» и моими Дневниками, занимается. Словом, заговор молчания побежден и разрушен. С «Гражданином» стали считаться. Значит, Бог дал, что три года усилий не пропали даром.

Но не легко все это дается, должен сознаться. Во-первых, нельзя никуда уезжать, ибо есть много сотрудников, но, увы, такого, который бы думал тождественно как редактор, не имеется, а между тем в иную пору малейшее изменение в оттенке мысли может повредить журналу, так чувствительны читатели этого журнала к малейшему слову, выражающему оттенок мысли. Подчас и 46 лет сказываются. Во-вторых, стараясь стоять за правду, то есть за средину между двумя крайностями, ух, сколько врагов наживаешь. Характерные в этом отношении эпизоды осмелюсь Вам прислать на днях в давно прерванной посылке листов Дневника. Уверен, что Вас это заинтересует и позабавит. Хоть теперь, например: по вопросу об остз[ейских] распрях из-за языка²⁰²: я написал две статейки в смысле указаний необходимости немцам не только начинаться новой правительственной программе, но идти ей навстречу и помогать правительству, и что же? От немцев получаю анонимные колкости, и от русских, что будто бы слишком деликатничаю с немцами, и все это потому только, что считаю нужным в интересах правительственного дела писать тоном, не возбуждающим страсти, которые всегда всякое дело портят. Есть другое толкование: может быть то, что я писал – глупо, но не решаюсь это думать, так

²⁰⁰ И. И. Колышко был причислен к Министерству внутренних дел в сентябре 1882 г. Обе упомянутые записки сохранились в фонде Александра III в ГАРФ (Ф. 677. Оп. 1): «Записка Колышко с критикой деятельности земских учреждений Тверской губернии» (Д. 609) и «Записка чиновника министерства внутренних дел Колышко об экономическом состоянии и политических настроениях населения Ярославской губернии» (Д. 616). См. также примеч. 9 к 1884 г.

²⁰¹ «Северо-германская общенемецкая газета» («Norddeutsche Allgemeine Zeitung») издавалась в Берлине в 1861–1918 гг.

²⁰² «Правила о производстве дел и ведении переписки на русском языке присутственными местами и должностными лицами Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерний» обсуждались в Комитете министров и предполагали ведение всей документации в Остзейском крае на русском языке. В ряде случаев допускалось составление бумаг на двух языках. Вторым языком мог выступать немецкий, эстонский или латышский. Заседания присутственных мест (за редким исключением) также должны были происходить на русском языке. 14 сентября 1885 г. эти правила были утверждены императором (Полное собрание законов. Собр. 3. Т. 5. № 3194).

как люди серьезные мне дали аттестат одобрительный. Во всяком случае, смею вырезать эту мою последнюю статейку и приложить к письму²⁰³, с вопросом: одобряете ли Вы, ибо сие для меня главное.

Что делается в Питере, спросите Вы? Ничего ровно: чинят мостовые, мерзнут и готовятся к открытию осеннего сезона. Общее состояние – апатия, и больше ничего!

Приехал сюда наш новый посол в Берлине, гр. [Пав. А.] Шувалов. Мне кажется, что его политический взгляд верен, хотя он расходится со взглядами многих. Сущность его взгляда есть мысль о серьезном для нас значении союза с Англиею как единственной нацией, которая может быть нам пригодна и нами куплена известными умелыми уступками...

И в самом деле, нам, непосвященным в тайны дипломатии, сдается, что Бисмарк сильнее всех желает нас втравить в войну с Англиею, убивая одним выстрелом двух зайцев: парализуя Англию на море для завоевательных целей германского флота и ослабляя Россию на суше. Быстрое развитие герм[анского] флота и дерзкая политика Германии относительно колоний только и может быть успешным под условием держания Англии в полуспокойном состоянии и под угрозою войны с Россиею. Теперь в эпизоде с Испаниею²⁰⁴ мы видим это ясно, как день. Будь Англия в спокойном состоянии и в мире с нами, разве посмел бы Бисмарк так нагло действовать относительно Испании и вообще вводить принцип *захвата и насилия* в нравы государственного международного права.

Вот почему так как усиление германского флота есть прежде *всего* ближайшая угроза нам, то казалось бы в наших интересах все возможное делать, чтобы выходило наперекор планам Бисмарка, и Англия могла бы поскорее стать в положение соперницы Германии и союзницы нашей, в виде угрозы Германии, в виде помехи ее замыслам на море.

Все это приходит в голову назойливо и невольно, глядя на ход развертывающихся событий, и должен чистосердечно признаться, чем более живу и вникаю в смысл так называемых европейских событий, тем более убеждаюсь, что нашей исторической роли во всем стоит преградю нами же созданная объединенная Германия. Оттого всякий раз, когда задаешь себе вопрос: в чем же должна заключаться наша политика, ответ обрисовывается так: бережно блюсти мир со всеми, но в то же время зорко следить за событиями с одною целью: уловить минуту, когда будет удобнее нанести удар Германии.

Во всяком случае, одно несомненно, если нам суждена война, одна война для России желательна, это война с Германиею – но в удобный момент. Весь ее рост, все ее развитие неизбежно и роковым образом происходят на счет России, во всех отношениях и в особенности в экономическом. Но вся мудрость политики должна заключаться в том, чтобы всего менее Германия могла бы догадываться о замысле России: более чем когда-либо нужно в ней поддерживать убеждение в миролюбии России, и затем ждать момента. А пока есть один вопрос, требующий, как кажется, внимания: это заселение нашей западной границы германскими подданными сплошь по всей линии. Казалось бы возможным дать 5-летний срок для выселения всех германских подданных на расстоянии 50 верст от границы, и сделать это втихомолку, без малейшего шума, в силу секретного предписания.

²⁰³ Этой статьи в архивном фонде нет. Очевидно, Мещерский имеет в виду опубликованный в «Гражданине» Дневник за 15 августа (Гражданин. 1885. № 65. 18 авг. С. 14), в котором он писал, что «руководители общественного настроения и жизни в Остзейском крае» должны пойти навстречу правительственной политике.

²⁰⁴ Речь идет о захвате Германией в 1885 г. Каролингских островов, принадлежавших Испании. Для Испании, в этом году сильно пострадавшей от землетрясений в Андалузии и холеры, это было неприятной неожиданностью, тем более что король Испании Альфонс XII придерживался прусской политики. Поэтому реакция Испании на захват последовала только тогда, когда Германия стала оспаривать у нее права на эти острова. Международный скандал грозил вылиться в войну, тогда спорящие стороны обратились к арбитражу папы Льва XIII. Папа предпочел компромиссное решение: признав суверенитет Испании, он в то же время предоставил Германии морскую гавань в архипелаге и широкие коммерческие льготы. Это предопределило отказ Испании от островов, проданных ею Германии в 1889 г. заодно с Марианскими островами за 25 миллионов песет (см.: Лависс Э., Рамбо А. История XIX в. М., 1939. Т. 7. С. 365).

Затем что сказать о себе, смея надеяться, что Вас хотя немного моя крошечная жизнь интересует. Я вступил в страшный мир театра, *et suis dans la gueule du lion*²⁰⁵, по поводу моей комедии «*Болезни сердца*», которую хотят ставить в ноябре в Алекс[андринском] театре. Le lion это великий [А. А.] Потехин, режиссер театра. Они изволили меня милостиво принять и осыпать любезностями, комплиментами и обещаниями на счет великолепия постановки. Что будет из сих любезностей, не знаю: сбудутся ли они, или это только кошачьи ласки, и суждено горе родить мышь, любопытно будет узнать. А мне грешному очень бы хотелось поставить эту пьесу безукоризненно. Затруднение пока в букете артисток найти прелестную княжну, как гений добра, и нахальную кокотку с голосом, как гений зла... Excusez du peu!²⁰⁶

За сим прошу прощения за то, что смел на трех листах изложить мою беседу с Вами, добрый Государь!

Да хранит Вас Бог! Еще раз дерзаю поздравить Вас и от глубины души пожелать Вам благ и отрады, много, много и много. Да будет с Вами во всем Бог, и да даст Он Вам непреклонно веровать в Его об Вас Промысл. Осмеливаюсь поздравить и Государыню – и если сие не превосходит меры дерзновения, просил бы, умолял хоть о двух, трех строчках от Вас! Не откажите умоляющему Вас беспредельно Вам преданному и благоговейно почитающему Вас, верноподданному

К. В. М

Караванная 18
27 августа 85 г.

№ 19

*13/14 сентября*²⁰⁷

Всемиловейший Государь!

Позволяю себе при сем препроводить несколько отрывков из *Дневника* за последние дни.

В них один день, понедельник 9 сентября, отмечен для меня трауром. Это день, когда я почуял и понял связь между объявленным мне выговором и тем мучительным для меня состоянием, в котором нахожусь перед совокупностью признаков Вашего недовольствия! Повидимому оно не сразу явилось, ибо с января, увы, не осчастливлен ни одним откликом даже общения. Я все жил в уверенности, что если иногда прорываются из-под пера проступки, то иногда заслуживаю ободрения и одобрения.

Но увы, 7 месяцев молчания, и надежды после 30 августа иметь радость получить хоть два слова привета, разразились для меня великою печалью. Смысл этой печали я поясню в Дневнике. В нем душа писала. Простите мне, Государь, мою вину. Обещаюсь впредь употреблять все усилия к тому, чтобы не вызывать поводы к недовольствию и бороться с охватывающими меня порывами.

Простите, Всемиловейший Государь, а если простили, то, умоляю Вас, когда-нибудь, в свободную, случайно, минуту, не откажите как-нибудь проявить, что Вы иногда хоть признаете меня годным... Вы не поверите, как мучительны бывают минуты, когда вдруг западает

²⁰⁵ и очутился в пасти льва (*фр.*).

²⁰⁶ Не взыщите! (*фр.*).

²⁰⁷ Год написания письма установлен по дню недели: упоминанию понедельника 9 сентября.

сомнение, и не знаешь, что делать, где искать хоть луча просвета. Ни звука в ободрение, в разъяснение, ни улыбки, ни взгляда... Давно назад я начал службу Вам моими первыми силами. Теперь служу как могу, как Бог помогает, последними силами, не отказывайте, Бога ради, иногда, изредка мне в замечании, в мысли, в слове... Достаточно намека Вашей мысли, чтобы мне всецело ей подчиняться и ею руководиться, а когда неудовольствие приходит таким ударом... никакое слово не может передать, как оно мучительно!

Да хранит Вас Бог, Государь добрый и милостивый, и да положит Он Вам на сердце поверить моим словам горя и преданности и простить мне мои вины вольные и невольные!

Вашего Величества верноподданный от глубины души К. В. М

Р. S. Может быть, если даст Бог, Вы мне простили, и улягутся события, выдастся минута свободная, Вы мне черкнете, во избежание официального мира, письмо могло бы просто быть закинуто в почтовый ящик, так как передаточной инстанции нет здесь²⁰⁸.

Караванная 18

13/14 сентября

[Дневник 29 августа – 13 сентября 1885]

Четверг 29 августа

Есть вопрос, которым, сколько кажется доселе по старой рутине, у нас очень пренебрегают, несмотря на то, что он для правительственных интересов один из важнейших вопросов, это назначение *губернаторов*. Графу [Д. А.] Толстому в особенности в этом отношении не везло. Как известно, рука у него на выбор людей более чем тяжелая, прямо несчастливая. Кто-нибудь ему порекомендует приятеля или протекже, он немедленно его представляет. Так например случилось с Пермскою губерниею. Губерния эта по своим особенностям чуть ли не одна из труднейших губерний. Был в ней губернатором [А. К.] Анастасьев, человек умный, крутой и энергичный. Он начал борьбу с злейшим врагом Пермской губернии, с ее земством, составленным, как известно, из кабачников, разжившихся волостных писарей и *интеллигентных* (какая насмешка!) *мещан*! Анастасьева переводят в Чернигов. Казалось бы, необходимо было особенно усердно отыскать человека, который мог бы продолжать начатое Анастасьевым дело, с умом, энергиею и опытностью. Но нет; Тимашев рекомендует *en passant*²⁰⁹ своего оренбургского родного человечка, некоего [В. В.] *Лукошкова*, и вот он приезжает в Пермскую губернию. Приезжает, и что же он решает. Решает он так: объехать Пермскую губернию (ее размеры ведь 1/4 всей Европы) в 1 месяц и 10 дней; но объехать для чего? Для того, чтобы познакомиться с нею? Ничуть! Для того, чтобы везде, где можно, отменить Анастасьевские распоряжения, и 2) для того, чтобы составить проект реформ, нужных в Пермской губернии, и привезти их в Петербург! Другими словами, ничего не зная о губернии, на изучение которой нужно по крайней мере год или два, так сложны и своеобразны местные вопросы, он задается двумя задачами: 1) взбаламутить всю губернию, и 2) ввести в заблуждение правительство. И вот образчики того, что происходит во время объезда губернатора Лукошкова в виде картинок с натуры. В *Тагиле*: крестьяне как везде в Пермск[ой] губ. ждут *каких-то земель от Царя*, между ними волнения. Собрался сход. Губернатор готовится говорить им речь. Главноуправляющий заводами спрашивает его: что он намерен сказать мужикам?

²⁰⁸ В это время Мещерский передавал свои послания через К. П. Победоносцева.

²⁰⁹ мимоходом (*фр.*).

– А я вот что им скажу: я скажу, что я начальник губернии, представитель Царской власти, что они с... дети должны меня слушаться, что они должны быть спокойны и терпеливо ждать, пока приедут чиновники и дадут им земли...

Все ахнули...

– Бога ради, ни слова об этом, умоляет главноуправл[яющий]; ведь они все получили, им никакой земли не следует, вы подымите этими словами всю губернию; крестьяне поймут, что вы им обещаете новые земли.

С трудом уговорил губернатора.

В другом месте: Анастасьев издал очень дельный циркуляр, на основании которого он строжайше внушал непременно членам крестьянских присутствий не вмешиваться в вопросы выборов волостных старшин и назначения волостных писарей, так как большая часть постоянных членов тоже из бывших волостных писарей и страшные взяточники, и за каждое назначение старшиною или писарем брали взятку. И вот один из смельчаков постоянных членов жалуется Лукошкову на этот Анастасьевский циркуляр. Лукошков не только выслушивает, но и верит этой жалобе, и трах, одним почерком пера велит отменить циркуляр Анастасьева.

В другом месте: жалобы крестьян, спор с заводовладельцами: сложное дело, касающееся более 3000 рабочих.

– Ну, это сложно, – решает мудрый Лукошков и, обращаясь к своему чиновнику особых поручений, поручает ему расследовать дело, составить записку, изложить свое мнение, а сам уезжает...

Все это слышал сегодня от двух пермяков, совсем испуганных Лукошковым. И едет он сюда с массою записок и проектов.

30 августа. Пятница

Между двумя ведомствами, гражданским и военным, сегодня явилось разногласие. В «Правительственном вестнике» появился приказ наград гражданских чинов, а военного приказа в «[Русском] инвалиде»²¹⁰ не появилось, к большому разочарованию многих.

Погода, дождливая на первую половину дня, стала веселою на вторую, и народное гулянье удалось вполне. Слышал сегодня чудеса про знаменитого [О. С.] Костовича, отставного сербского офицера, долго слывшего за сумасшедшего, но теперь входящего уже из мрака, где 13 лет он терпел лишения и насмешки, в яркую область славы и осуществления своей *idée fixe*²¹¹. *Idée fixe* эта – аэростат. Поселенный благодаря военному министру²¹² в хорошее помещение близ Смольного, он теперь счастлив и весел, как ребенок. Близится час, как он говорит, когда весь мир увидит плод его долголетних усилий – воздушный полет столь же спокойный и безопасный, как поезд железной дороги. Он открыл два секрета: первый – искусство управления шаром – безусловно, и второй: состав, именуемый искусственным деревом, который оказывается легче картона и прочнее железа. По поводу этих двух открытий он говорит, что когда узнают его секреты, всякий рассмеется при мысли, как просто то, что он первый нашел!²¹³

²¹⁰ «Русский инвалид» (Петербург, 1813–1917) – официальная газета Военного министерства.

²¹¹ навязчивой идеи (*фр.*).

²¹² П. С. Ванновский.

²¹³ Капитан О. С. Костович после знакомства с Д. И. Менделеевым, в 1871–1875 гг. занимавшимся исследованием упругости и расширения газов, и с проектами его воздухоплавательных аппаратов увлекся воздухоплаванием. Он быстро получил широкую известность и в декабре 1879 г. был избран председателем вновь учрежденного Русского общества воздухоплавания. Описываемый Мещерским аэростат носил название «Россия» и представлял собой полужесткий дирижабль объемом в пять тысяч кубических метров. Для этого дирижабля Костович и изобрел «арборит» (фанера высокой прочности) и бензиновый карбюраторный двигатель внутреннего сгорания. Костович организовал в России товарищество по постройке воздушного корабля «Россия». К началу 1889 г. все детали аэростата и двигатель были готовы. Однако к этому времени собранные путем подписки средства иссякли, не было финансирования и со стороны правительства. В результате постройка не была закончена. Западноевропейские аппараты этого типа появились позднее: через 15 лет к идее создания дирижабля жесткой системы при-

Пока этот секрет он открыл только одному генералу. По его словам, он надеется в будущем году совершить первую большую поездку на шаре, вмещающем 6 персон с багажом. Курьезно, что каждый фунт и полунфунт лишнего веса требует больших и сложных математических расчетов, но, говорит он, со временем каждый лишний пассажир, каждый лишний багаж будут требовать такой только расчет, который в состоянии будут делать всякий кондуктор или артельщик. Чтобы судить о качестве работы этого гениального сумасшедшего, можно остановиться на следующем факте; чтобы сшить свой шар, объема Михайловского манежа, ему нужны были особенная иголка и особенные шелковые нитки. То и другое он искал по всему свету, выписал все образцы, и только после года розысков нашел нужную иголку в Америке, кажется, и нужный шелк в Болонье, куда он специально для заказа ездил. Материя шелковая, из которой шар сделан, до того прочна, что ее и кипятком, и кислотою поливают, и ничего; состав, им открытый для труб, проходящих через весь шар и служащих к управлению и движению шара, при всей легкости до того прочен, что его можно бить молотками сколько угодно, и ничего...

Все это прекрасно, все это несомненно предвещает в скором времени осуществление полета на воздухе правильного и человеку подчиненного. Но, увы, это же гениальное открытие наводит на мысль: не для зла ли больше, чем для добра, осуществится оно на сем свете? Страшно подумать, какую силу могут на воздухе приобрести разрушители... и во всяком случае еще один будет сделан страшный шаг к разрушению общества!

2 сентября. Понедельник

Видел сегодня приехавшего из Нижнего и побывавшего несколько дней на ярмарке. Его отзывы о ходе ярмарки скорее утешительны. Распродажа шла довольно оживленно, платежи в сравнении с прошлым годом были лучше, несостоятельств меньше, но одно очень плохо шло – это железо. Цены низкие – и заводчики поставлены в печальную необходимость или продавать в убыток или везти обратно железо в склады.

От него слышал, что Вел. Кн. Владимир Александрович всех собою обворожил в Нижнем, так он был любезен.

Про [Н. М.] Баранова он говорил мне так: Баранов как губернатор для нас не существует; мы, нижегородцы, его знаем только как проектера и как любителя экстраординарных событий; Баранов живет для каких-либо событий; нормальное, тихое управление для него не существует; оно делается возле него другими людьми. К этому вседневному, будничному делопроизводству Баранов слеп и глух; ему докладывают об каком-либо текущем вопросе, а он в это время думает, как бы устроить то или это; мы знаем Барановские проекты, но мы не знаем его решений по нашим делам губернской и уездной жизни.

Характеристика довольно интересная и кажется верная.

Курьезное явление. В «Нов[ом] времени» читаю известие о том, что граф [Д. А.] Толстой занимается в деревне вопросами местного самоуправления и вообще изучает уездную жизнь. Je suis allé aux renseignements²¹⁴ и узнал, что известие это попало в газету не без ведома самого графа Толстого. Дай Бог, чтобы его здоровье настолько исправилось, чтобы он мог действительно заниматься уездом, но пока он далек от этих занятий. Один мой знакомый, рязанский помещик, на днях обедал у графа Толстого в деревне и нашел его сравнительно лучше, но все-таки не прочным на вид. В министерстве его ждут все-таки в октябре, а в Английском клубе уже давно назначили на место бедного графа Толстого [М. Н.] Островского, а [П. А.] Черевина на место [П. В.] Оржевского, с правами шефа жандармов.

Не лишен интереса слышанный мною сегодня вечером рассказ о Сибири относительно поляков. Долгое время разных поляков преступников и замешанных в политиче-

шел граф Ф. Цеппелин, который и считается автором этого изобретения.

²¹⁴ я предпринял изыскания (фр.).

ских] делах ссылали в Сибирь. Теперь приходится считаться с этими поляками. Они буквально завоевали Сибирь, особливо Западную, и запленили собою все сферы жизни, начиная с заводской и кончая учительскою должностью. В Западной Сибири, например, есть царек, поляк [А. Ф.] Поклевский[-Казелло]. Он прибыл туда маленьким чиновником, а теперь один из сильнейших богачей и воротил края, распоряжающийся всем водочным производством и водочною торговлею без конкурентов и без ограничений своей власти. Губернатор Тобольска²¹⁵ его покорный слуга, а русский кто бы смел подумать только тягаться с Поклевским – немедленно топится и изгоняется. Господин, рассказывавший про Сибирь, между прочим очень забавно описывал свой разговор с одним евреем на пароходе на Волге, ехавшим в Петербург добывать деньги для разработки золота. Жид этот ехал из Сибири. Разговор зашел о взятках.

– Все у нас берут, сказал жид, и подлец тот, кто скажет, что он не берет; потому нет такого человека на земле, которого назначили бы в Сибирь, и не брал бы... В Сибири брать так же необходимо, как воду пить, как хлеб есть. Самое большое, когда приезжий чиновник три месяца не берет, на четвертый берет.

7 сентября

Был у меня сегодня египетский наш дипломат [М. А.] Хитрово с важным известием о присоединении Восточной Румелии к Болгарии путем удавшегося восстания²¹⁶. Из его слов видно, что это известие явилось в Мин[истер]стве иностр[анных] дел неожиданностью. Что-то не верится. Чьих это рук дело – вопрос интересный. Хитрово гадает также неопределенно, как и я. Может быть австрийское, в связи с присоединением Боснии и Герцеговины к Австрии: *une compensation pour les slaves en générale*²¹⁷! Во всяком случае жаль, что это дело приходится признавать успехом для антипатичного князя Болгарского. Болгария пусть увеличится, но князю Александру возвеличиваться – досадно давать. Отчего бы, раз Берлинский трактат попирается и нарушается совершившимися фактами, с одной стороны Австриею, с другой Болгариею, и России не нарушить своих обязательств и не добиться низвержения этого князя Болгарского, мотивируя сие новыми политическими осложнениями, и, устроивши временное русское управление, назначить русского великого князя? Во всяком случае, если и низвержение кн[язя] Александра невозможно, то казалось бы возможным немедленно под предлогом сохранения порядка отправить целый состав военно-русского управления²¹⁸.

Узнал от Хитрово новость, что самый горячий славянофил – это наш парижский посол [А. П.] Моренгейм. Вот человек, сказал он, которым следовало бы воспользоваться для нынеш-

²¹⁵ В. А. Лысогорский.

²¹⁶ По завершившему Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Сан-Стефанскому мирному договору (19 февраля 1878 г.) было создано государство Болгария, включавшее в себя южную Болгарию (Восточную Румелию) и Македонию. Однако условия этого договора вызвали недовольство европейских держав, главным образом Англии и Австро-Венгрии, потребовавших его обсуждения на европейской конференции. Эта последняя проходила с 1 июня по 1 июля 1878 г. в Берлине и завершилась Берлинским трактатом, существенно изменившим условия Сан-Стефанского договора. В частности, Восточная Румелия со столицей в Филиппополе становилась автономной провинцией Османской империи, а Македония возвращалась под власть султана. 18 (6 по ст. ст.) сентября 1885 г. в главном городе Восточной Румелии Филиппополе сторонники независимости Болгарии совершили переворот: изгнав поставленного султаном губернатора области, они провозгласили объединение Восточной Румелии с Болгарским княжеством. Александр Баттенберг поддержал заговорщиков и согласился распространить свою власть и на Восточную Румелию. Россия, несмотря на то что в 1878 г. выступала за единую Болгарию, отнеслась к перевороту резко отрицательно, как к нелегитимному, революционному, нарушающему международные соглашения (Берлинский трактат).

²¹⁷ компенсация славянам вообще (*фр.*).

²¹⁸ В ходе войны 1877–1878 гг. и в первые годы после нее управление Болгарией производилось русской администрацией. С помощью русских специалистов была создана гражданская администрация и армия. Тогда же была разработана и введена так называемая Тырновская конституция (1879). С точки зрения русской дипломатии Болгария находилась в сфере интересов России. Однако уже первый болгарский князь, Александр Баттенберг, несмотря на то что занял престол с согласия России, ориентировался в своей политике на Австро-Венгрию и Германию. Мещерский в данном случае выражает распространенное мнение о необходимости силой восстановить русское влияние в Болгарии.

него болгаро-румелийского усложнения. От Хитрово узнал еще, что в краткую бытность теперь в Москве он много слышал о популярности Государя в Москве и о восторженных толках по поводу политики правительства в Остзейском крае. Подтверждение этого слышал от Чайковского, брата музыканта²¹⁹, на днях прибывшего из Москвы и говорившего с купцами тузами ее, [К. Т.] Солдатенковым, [Н. Н.] Коншиным, Третьяковым²²⁰ и К^{ею}. Нельзя не радоваться этому, хотя в то же время строго консервативные интересы правительства требуют мудрого сочетания самой твердой политики русской с уважением к тем основам в Остзейском крае, которые обещать для правительства выгодно и полезно. В том, что новая политика правительства начала свое действие с введения русского языка, видна мудрость и прозорливость. Дальнейшие действия этой политики пусть будут учреждение правительственной полиции, новых правительственных судов (но дай Бог – без присяжных) и введение земских учреждений, – но Боже сохрани касаться земельного вопроса. Это обоюдоострый меч, всегда отражающийся вредом для интересов Самодержавного правительства. В Остзейском крае два элемента, совершенно отличные один от другого; дворянский – остзейский, и остзейский недворянский. Дворянский элемент есть скорее русский элемент, потому что он прежде всего *антигерманский*; остзейский же недворянский элемент – прежде всего не русский, потому что он германский и склонен к Германии. Это элемент городской, ученый, чиновный и интеллигентный. Мне кажется, что первый элемент, дворянский, было бы мудро в правительственных интересах привлекать к себе, не давая ему соединяться в оппозиции со вторым элементом, литтератским. Для этого казалось бы политичным для разработки всех реформ, признанных нужными в Остз[ейском] крае, пригласить, например, в совещание с правит[ельственными] лицами несколько лучших из дворян, как это делалось в Кахановской комиссии. А затем, что всего нужнее – это усиление торжественности и внешней силы нашей Православной Церкви в Остз[ейском] крае. Снаружи она слишком убога и смиренна.

Понедельник 9 сент[ября]

Сегодня для меня по тяжести впечатления настоящий понедельник. [И. Н.] Дурново меня призвал и объявил мне строгое внушение за статейку мою о дипломатах, помещенную в Дневнике две недели назад²²¹. Глубоко взволнован этим, ибо вероятно это произошло по приказанию свыше, и значит Государь мною недоволен. Я как обухом треснут. Ясно, что основанием к обвинению меня послужило уверение, что я выдумал то, что написал, тогда как наоборот, я потому и написал строки, вызвавшие неудовольствие, что речи этого дипломатика, увы, не вымышлены, были сказаны, и вызвали во мне, как вызвали бы во всяком русском, негодование. Много дум мучительных и тяжелых вызывает во мне этот эпизод. Он не так мал и не так случаен, как может это казаться. Ясно, если принять в соображение долготу времени, истекшего между написанием статейки и разразившеюся надо мною бурей, что она вызвана по неудовольствию и по жалобе на меня [Н. К.] Гирса. Гирс вероятно признал ложью мной приведенный разговор, и кончено. Я бесповоротно виноват и не могу с ним спорить, как не могу пред ним оправдываться. Значит всякий раз, когда я буду говорить об области дипломатической с укором нашим дипломатам, или прибегать к шутке, или писать против его убеждений, он будет на меня жаловаться и, что еще для меня хуже, отождествлять нападки на дипломатию с нападками

²¹⁹ Мещерский имеет в виду одного из младших братьев-близнецов П. И. Чайковского – Модеста или Анатолия. Поскольку А. И. Чайковский служил в это время на Кавказе, можно предположить, что речь идет о М. И. Чайковском.

²²⁰ Кого из братьев купцов Третьяковых – Павла Михайловича или Сергея Михайловича – имеет в виду Мещерский, установить не удалось.

²²¹ Мещерский имеет в виду Дневник за 19 августа (Гражданин. 1885. № 66. 22 авг. С. 14–15), в котором он приводил утверждение собеседника-дипломата, что суть дела никогда не бывает предметом дипломатических бесед, ибо призвание дипломатов заключается именно в ее (то есть сути дела) устранении. По этому поводу Мещерский, иронизируя, делал вывод о чисто внешних, надуманных причинах всех войн и удивлялся, как при таком убеждении дипломатов Россия не может одновременно энергично действовать на афганской границе и дружить с Англией.

на высшую будто бы правительственную политику и утруждать из-за этих маленьких эпизодов печати самого Государя, представляя мои проступки в том виде, в каком он захочет.

В данном случае, например, по совокупности признаков я чую и предчувствую неудовольствие на меня Государя, но что я могу сделать, сопоставляя свою ничтожную личность с личностью министра, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить над собою гнет этого неудовольствия. Поверят ли мне? А между тем, если бы Государю случилось услышать те подобострастные и гадкие речи, которые я записал в Дневник, в которых, как всегда, маленький дипломатик без малейшего достоинства к своему, к русскому, к родному, пресмыкался перед австрийцами в каком-то приниженном восторге от их любезности, к кому же? к нашему Государю... точно для Него это была милость, то клянусь честью, Государь испытал бы то же, что я, та же краска бросилась бы в лицо, то же негодование Им бы завладело. Увы, не тайна для меня – причина этой скрытой злобы русских дипломатов против «Гражданина». Она та же, что злоба [Д. Н.] Набокова. Я высказал без обиняков и без маски свой политический образ веры. Со времен Александра I русскую дипломатию, воспитанную в духе страха и поклонения перед Европою с одной стороны, и в разобщении с русскою народною жизнью с другой, я признавал и признаю виновницею всех бед России. Они виновники всех недоделанных и только разорявших нас войн, они производят те ужасные минуты застоя и нравственного цепенения, которые государству вреднее войн и поражений. Они нам дали Парижский трактат. Они создали громадную Германию. Они из войны 1877 года сделали позор и плач России. Они создали Берлинский трактат. Они, и только они, роковые виновники того духовного смрада и мрака, который предшествовал ужаснейшему 1 марту²²². Они враги народного чувства, слитого в одно дыхание с чувством Царя. Вот что я говорил не обинуясь, а затем в нынешнем году я стал говорить еще яснее, и относительно внешней нашей политики сказал, что только один Государь, а не дипломаты, чувствует и мыслит за Россию, и тогда перед тою Европою, которая дипломатов наших пугает, восстает величественный образ страшного по силе народа, готового за честь и достоинство своего Государя идти на смертный бой во всякое время! Народное чутье и чувство Царя одно и то же, а дипломаты наши ничего общего с этим чутьем не имеют. И когда я сказал в нынешнем году, что Государь один ведет переговоры с Англиею, а дипломаты только мешают и портят всякое дело, тогда злоба их, понятно, стала еще сильнее! Вот почему теперь так трудно мое положение. Я совершенно отличаю и отделяю Государя, как главу, как вожда, как дух, как гений нашей политики, от дипломатов; я верую твердо в Цареву правду, в Цареву мудрость, в Царево бесстрашие и, увы, верую в ложь, кривду и малодушие наших дипломатов; а дипломаты, обвиняя меня, рассуждают так: нападающий на дипломатов нападает и на Высшее правительство!

Тяжело испытывать это недоразумение, да и мучительно, ибо, увы, вижу уже на себе последствия Царского неудовольствия. Ни звука от Государя. Мучусь в этом безмолвном сомнении, и тяжело, страшно тяжело.

Вторник 10 сент[ября]

Везде только толки о Филиппопольском *coup d'état*²²³. Мнения не резко расходятся. Одни говорят, что следует преклониться перед *fait accompli*²²⁴. Другие говорят, что роль Рос-

²²² О Парижском трактате (1856) см. выше примеч. 17 к этому году. В 1871 г. тесные связи России и Пруссии обеспечили последней благожелательную позицию России при образовании Германской империи. Берлинский трактат 1878 г. скорректировал многие пункты Сан-Стефанского мирного договора, заключенного Россией и Турцией после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., и в значительной степени обесценил успехи русской армии. Протестные настроения в русском обществе на рубеже 1870–1880-х гг. тогда многими воспринимались как следствие всеобщего разочарования результатами войны (см. об этом, например: Градовский А. Д. 1856 и 1879 годы // Градовский А. Д. Трудные годы (1876–1880). М., 2007. С. 287–295). Это мнение еще более усилилось после убийства Александра II 1 марта 1881 г.

²²³ государственном перевороте (фр.).

²²⁴ свершившемся факте (фр.).

сии – отвернуться. Третьи – говорят, что нужно созвать снова Берлинскую конференцию. Затем есть и воинствующие толки. Одни говорят о том, что если Турция двинется против Болгарии, то наша роль – защищать Болгарию. Другие говорят: вот бы теперь послать три дивизии в Болгарию и поставить там русского великого князя; и так далее! Все это слышишь в гостиных. Я, грешный, дерзаю думать по-своему. Мне бы хотелось отделить в этом событии князя Болгарского²²⁵ от судеб Болгарии. Счастливый поворот в судьбах этой страны становится антипатичным потому, что тут так деятельно замешан князь Болгарский. Мне он гадок и ненавистен, как двоедушный и коварный князь Болгарский. Он мне представляется и врагом и изменником России. Отсюда – беспредельное желание ему зла. Его надменный и напыщенный манифест²²⁶ есть глумление над теми, кому он обязан за себя и за свой народ всем! Под перо просится мысль о том, как было бы хорошо, если можно было бы в наказание за его проступки сместить и низвергнуть. И тогда сам собою явился бы вопрос: раз Берлинский трактат нарушен, и в виду нового положения Болгарии не хорошо ли было бы Болгарским князем сделать русского великого князя. Во всяком случае сочувствовать перевороту, без нас сделанному в Болгарии, нами освобожденной и нами устроенной, вряд ли должно. Здесь говорят, что Австрия сильно подозревает тут тайную руку России. Если так, то не следует ли из такого подозрения вывести, что Австрия, именно она, тут при чем-нибудь. Другие хотят тут видеть английскую штуку. Темна вода во облацех!

Вторник 10 сентября²²⁷

Говорят о болгарских офицерах, будто бы призываемых отсюда в Болгарию. Шутовской манифест князя Болгарского читается с невыразимою досадою. Неужели, думается, ему эта штука сойдет? А [М. А.] Кантакузен, спрашивают здесь многие в недоумении. Одно из двух: если он ничего не знал, значит он дал себя одурачить на всю Болгарию; если он знал, значит он виновен перед русским правительством в том, что не предупредил его, и очень и серьезно виновен.

Странно и непостижимо! А из Константинополя ни звука, точно все пришли в оцепенение.

А курс тем временем упал, придравшись к случаю.

Здесь начинает выясняться разногласие в толках о событии. Одни говорят: самое лучшее нам не вмешиваться, пусть будет, что будет! Другие говорят, что теперь удобная минута свергнуть князя Болгарского в наказание, сообщая с державами, и, устроив правительство в Болгарии в русском духе, добиться сообщая от султана соединения обеих Болгарий, чтобы таким образом это соединение совершилось по инициативе России, а не в силу переворота. Смел бы думать, что второе мнение более в наших интересах, чем первое. Предоставить Болгарию собственной участи не значило бы дать ей сделаться против нас второю Сербиею?²²⁸

Курьезно, что все наши радикальные газеты, «Русский курьер» en tête²²⁹, восторженно приветствуют Филиппопольский переворот! Еще бы... Им симпатично это событие как блестяще удавшаяся революция!

Сегодня обедал у меня [М. А.] Хитрово египетский. Сильнее, чем когда-либо мы все обедавшие, нас было четверо, испытали, какой это даровитый, приятный и умный человек. Как жаль, что такому человеку его начальство дает стареть, когда на избыток людей способ-

²²⁵ Имеется в виду болгарский князь Александр Баттенберг.

²²⁶ 8 сентября 1885 г. болгарский князь Александр Батенберг специальным манифестом утвердил присоединение Восточной Румелии к Болгарии.

²²⁷ Так в подлиннике: эта и предыдущая записи датированы одним числом.

²²⁸ После окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. русская дипломатия не противодействовала все большему втягиванию Сербии в сферу австрийских интересов.

²²⁹ во главе (фр.). «Русский курьер» (Москва; 1879–1889, 1891) – ежедневная либеральная газета.

ных жаловаться трудно, особенно между людьми знающими Восток и его дела. Теперь, именно теперь, в этих усложнениях на Балканском полуострове, думали мы, как бы он мог пригодиться. В Египте наши интересы дальние, а на Балк[анском] полуострове они – ближайшие, и нет сомнения, что такой человек как Хитрово в самостоятельном положении и с его преданностью Государю, преданностью старого завета, мог бы оказать правительству громадные услуги. Но сколько слышал, кроме [И. А.] Зиновьева, никто из тузов Министерства иностр[ан-ных] дел к нему не благоволит.

Пятница 13 сентября

Довольно ясно обнаружилось теперь в нашей газетной печати оттенки и различия в оценке Филиппопольского события. Газеты красного направления и вся так называемая мелкая печать высказались безусловно за переворот и за его последствия и смело требуют признания совершившегося факта. Посредине, как всегда, стало «*Новое время*», а безусловно *против*, как будто сговорившись, высказались два органа печати: в Москве *Катков*, в Петербурге «*Гражданин*».

В государственных сферах говорят так: пускай присоединение останется, но князя Болгарского следовало бы прогнать.

Долго беседовал сегодня с Деляновым. Он признает мысли мои правильными.

Мне кажется, что в этом вопросе главное: принцип. Россия не может санкционировать порядка вещей нового где бы то ни было, происходящего из революции, когда государство, где революция торжествует, находится в такой близкой зависимости от России. Согласиться на признание всего случившегося историческою необходимостью и узаконить революцию своим безмолвием, не значит ли признать силу и право за революцией. Сегодня Румелия, завтра Македония и так далее, и затем невольно этот же принцип революции должен подкрасться и в Россию во имя каких-то фантастических прав каких-то народностей.

Делянов основательно говорит: развязать бы Турции руки, пусть вздует болгар, и прогнать князя Александра; тогда болгары поймут, что значит предпринимать революции без согласия России.

Трудно с этим не согласиться. К тому же надо принять в соображение, что теперь еще время удобное для расправы с болгарской революционной сволочью, так как народ еще там в детстве и не причастен к этой революционной агитации. Но через несколько лет, если теперь не расправиться с революционерами энергично, растление проникнет и в народ болгарский, и нынешние враги России в лице разных Каравеловых могут уже перейти в народ.

О том, что это за люди, нынешние воротилы Болгарии, можно судить по следующему эпизоду, рассказанному мне Деляновым.

Была там в Софии русская начальница училища, Дьячкова, почтенная и хорошая женщина. К ней попала в учительницы болгарка. Вслед за тем Дьячкова узнает, что эта болгарка пишет в газетах самые скверные против России статьи. Она немедленно сообщает о том русскому резиденту, который после неоднократных усилий добивается наконец, что эту болгарку сместили.

Но что же затем?

Затем через две недели [П.] Каравелов объявляет Дьячковой, что она может убраться²³⁰.

Увы, увy, сегодня уже через городских друзей узнал, что не ошибся в предположении на счет жалобы на меня со стороны мин[истра] ин[остранных] дел²³¹. Один из секретарей канцелярии м[инистерст]ва передавал вчера одному моему знакомому такие слова: «On est

²³⁰ См. об этом также в «Гражданине»: Дневник за 12 сентября // Гражданин. 1885. № 73. 15 сент. С. 14.

²³¹ Н. К. Гирс.

mécontent du “Гражданин” en haut lieux»²³². А мне знакомый или приятель сообщил об этом на Невском. Веселая была прогулка.

№ 20

[24 сентября]

Всемилоштивейший Государь!

При сем осмеливаюсь препроводить еще несколько отрывков из Дневника.

Да благословит Бог Ваше путешествие обратно на родину²³³. Итак, увы, не дождусь ни слова! Грустно так, что и сказать не могу.

Вашего Величества с беспредельною и благоговейною преданностью

верноподданный К. В. М.

24 сент[ября] 1885 года

[Дневник 17–24 сентября 1885]

Вторник 17 сентября

В «*Руси*» [И. С.] Аксакова появилась очень умная статья, приписываемая теологу философу Влад. Соловьеву²³⁴ по поводу опубликованной Министерством народного просвещ[ения] экзаменационной программы для университетов и специально для юридического факультета. Тут пришлось коснуться вопроса о Самодержавии. Эта часть программы написана Катковым. А в pendant²³⁵ к этому вопросу в той же программе, но по церковному вопросу, помещены не совсем ловкие строки о Церкви. Все это вместе дало повод автору статьи «*Руси*» направить несколько стрел по адресу Каткова – хотя о нем не упомянуто, – и возбудить вопрос: насколько нынешнее устройство нашей Православной Церкви соответствует своему идеалу, и затем другой вопрос: насколько уважение к Самодержавию обязывает признавать неприкосновенными и авторитетными действия и деятельность подчиненного Государю правительства?

Во всяком случае, статья эта заслуживает прочтения. Она не из дюженных!

Суббота 21 сентября

В «Моск[овских] вед[омостях]» появилась в высшей степени замечательная статья, посвященная рассказу о том, какой участи подверглись крестьяне одной волости (кажется, Тверской губ.) за то, что 10 лет боролись с анархистами, засевшими в их местности и свившими гнездо, из которого вышли цареубийцы. Дело это печально кончилось для крестьян. Привожу выдержки из этой статьи в том виде, в каком они были помещены в «*Гражданине*». Но тут интересен факт: как относились к этой борьбе губернаторы и судебное ведомство? Вот что грустно. Администрация давала руку судебному ведомству, чтобы прямо и косвенно мешать крестьянам торжествовать в борьбе с крамольниками.

²³² «“Гражданином” недовольны в высоких сферах» (*фр.*).

²³³ Александр III с семьей в это время отдыхал в Дании и вернулся в Петербург только 9 октября. См.: Придворная хроника // Московские ведомости. 1885. № 282. 12 окт.

²³⁴ Мещерский имеет в виду статью «Государственная философия в программе Министерства народного просвещения» (Русь. 1885. № 11. 14 сент. С. 5–8), подписанную П. Б. Д. и действительно принадлежавшую перу Вл. Соловьева.

²³⁵ в продолжение (*фр.*).

Мне бы казалось, что такое дело, или обещающее на суде разоблачений имеющих волновать умы, или свидетельствовать компрометирующе об администрации, в интересах престижа власти, и в особенности для предупреждения новых волнений между крестьянами, – следовало бы немедленно *прекратить*, и если бы это сделано было по Высочайшей воле, оно бы имело сильное и благотворное действие.

Привожу эту статью²³⁶.

Ужасное дело

(Из «Москов[ских] вед[омостей]»)

Делаем выдержки из замечательного сообщения «М[осковских] вед[омостей]» от 17-го сентября:

«Заговор против жизни Государя употреблял в дело весь арсенал революционных идей, вербуя ими своих агентов и исполнителей. В ход были пущены и доморощенный нигилизм, и привозной социализм, и новоизобретенный анархизм. Казалось, можно было ожидать с часу на час взрыва.

Всем памятно, как едва заметными переходами сливалось у нас не только нелегальное с легальным, но изменническое с официальным. В это время твердым и вполне здравомыслящим человеком был русский мужик. Пропаганда смущала нашу интеллигенцию, вербовала студентов, гимназистов и гимназисток; но все ее усилия проникнуть в толщу народа оставались напрасными. Бог знает, что было бы, если бы не здравомыслие мужика. Он вынес на себе всю эту страшную суматоху. Только надолго ли хватит его, если бы, чего Боже упаси, продолжались наши нестроения? Иной раз *очень нелегко доставалось тем добрым людям в наших весях, которые, в простоте своего сердца, принимали вправду долг присяги* и, не ограничиваясь простым отпором преступной пропаганде, возмущались духом и вступали в борьбу с ней.

Вот сущность дела крестьян Б-ской волости.

Как в этой волости, так и в соседних, около 1877 и 1878 гг. одно лицо, бывшее до того адвокатом в одном из губернских городов, сделалось уездным *предводителем дворянства* и поселилось в своем имении, верстах в шести от села Б.; около этого же времени новые лица заняли места и непременно члена в уездном крестьянском присутствии, и станового пристава. У ех-адвоката, ставшего предводителем, оказался живущим шурином Б-ского священника, привлекавшийся к следствию еще по Каракозовскому делу²³⁷. Первым делом новых властей было *назначение волостных писарей*. В одну волость был назначен *писарем* будущий царевубийца *Соловьев*, под вымышленной фамилией *Почкарева*; но местному волостному старшине и священнику удалось выжить от себя этого молодца, и тогда бывший адвокат взял его писцом к себе.

²³⁶ Ниже приклеена газетная вырезка (Гражданин. 1885. № 75. 22 сент. С. 3–6). Мещерский перепечатал (с купюрами) передовую «Московских ведомостей» (Москва, 16 сентября // Московские ведомости. 1885. № 257. 17 сент. С. 2). Заглавие добавлено Мещерским.

²³⁷ Дело Д. Каракозова, покушавшегося на императора Александра II 4 апреля 1866 г., расследовалось особой Следственной комиссией под председательством гр. М. Н. Муравьева, затем рассматривалось Верховным уголовным судом, по приговору которого 3 сентября 1866 г. Каракозов был повешен.

В другую волость на должность писаря поступил Богданович (Кобозев), под именем Витевского; в Б-скую волость был рекомендован Страхов.

В Б-ской волости был одиннадцать с половиною лет старшиной С.; он отказался принять Страхова в писаря, *но вслед за тем начались придирки к нему предводителя и непременно члена*, и С. должен был выйти в отставку; новый старшина взял Страхова с его сестрой Марьей и помощником Ширяевым, и стал плясать под их дудку: пошла смена волостных судей и выборщиков (по одному от десяти дворов), для подбора взамен их новых, во вкусе волостных писарей. Назначение Богдановича-Кобозева писарем в соседнюю волость тоже сопровождалось сменой старшины и даже отдачей его под суд. При большой местной земской больнице (содержание коей обходится тысяч в десять или более в год) весь персонал *оказались все одной и той же партии*. Все члены партии держались дружно, *устраивали сходки*, между прочим, в селе Б., на которых и уездные власти, и *предводитель обходились с волостными писарями запанибрата*.

Раскинув свою сеть на несколько волостей, шайка начала свою пропаганду раздачей известных книжек и внушениями народу, что власти не будет, а будет равенство, свобода от податей и т. д. Тем из крестьян, которые возмущались подобными проповедями, *делались всякого рода притеснения*. Урядники, неблагоприятно относившиеся к пропагандистам и их подручникам, один за другим сменялись и переводились в другие местности.

Крестьяне пошли, прежде всего, по соседству к предводителю с жалобой на распространяемые социалистами толки о переделке земель, о неплатеже долгов, о замене властей общественными управлениями... “Сидите смирно, вас не трогают, – ответил им предводитель дворянства, – а будете копошиться, вас волостной суд *будет драть*” (!!!).

После такого ответа предводителя, крестьяне идут в уездный город к исправнику, к неперемennomу члену, к жандармскому капитану – результат тот же. Исправник выгоняет жалобщиков чуть ли не в шею, со словами: “Драть вас надо”. Непременный член принимает их ласково, но уговаривает сидеть смирно. Жандармский капитан тоже принимает их ласково, затем приезжает через месяц в соседнее село, вызывает туда в станковую квартиру С. и Х. и там уговаривает их “честью” дело бросить и жить мирно (это с будущими-то цареубийцами!). “Если вам убытки какие, – говорил при этом представитель тайной полиции, – мы все вам готовы сделать”.

Потерпев неудачу в уездном городке, крестьяне обратились в губернский. Написали два прошения: одно губернатору, другое губернскому жандармскому начальнику. Губернатор оставил жалобу без последствия; ответ на нее в этом смысле был прислан в волостное правление и читался публично, что дало только повод к насмешкам над жалобщиками, которых увлеченные пропагандистами глупцы стали дразнить, говоря, что им “нос натянули”.

Но жандармским начальником, по-видимому, заявления крестьян были приняты во внимание; о поселившихся в упомянутых волостях под чужими именами господах пропагандистах стали, должно быть, наводиться справки, о чем они, при их коротких связях с властями, не замедлили осведомиться. Волостные писаря поспешили скрыться при помощи своих сторонников, снабдивших их в дорогу всем необходимым; точно так же были выпровожены и фельдшера земской больницы. А месяца через полтора после побега бывших волостных писарей, один из них, Соловьев, стрелял в покойного Государя...

Писаря бежали, но их покровители, местные заправители дела остались; остался и подобранный состав волостных и сельских управлений. *Жалобищикам на пропагандистов приходилось терпеть: одних сажали под арест, к другим применялось право волостного суда наказывать розгами до двадцати ударов.* Один из местных зажиточных торгующих крестьян Х. тоже был приговорен к телесному наказанию, и лишь с трудом удалось ему избежать розог, после ходатайств, обошедшихся ему рублей в триста. Затем стали составлять приговоры *об удалении жалобищиков из общества.*

Несколько крестьян решились отправиться в Петербург искать там себе защиты, но в первый раз не доехали и вернулись с дороги, послав свою жалобу по почте на имя генерала Гурко; дошло ли их прошение – они не знают.

Но вот приезжает сенатор ревизовать губернию. Узнав о том, несколько крестьян едут к нему с запиской о социалистской пропаганде в их местности. Сенатор выслушивает крестьян, обещает приехать на место, велит ждать. Ждали, но не дождались. Вместо сенатора приезжает один из его чиновников. Обращаются к этому чиновнику, рассказывают ему все вышеизложенное. “Неужели все это правда?” – говорит он, возмущенный рассказанными фактами... Тем не менее, сенаторский чиновник уговаривает крестьян “оставить дело: у них-де теперь все тихо”... Тихо, а через три дня после того пришла весть, что Государя убили?

“Что, взяли?” говорили при этом крестьянам их супротивники: “ездили, хлопотали, а Государя не спасли. *Делается по-нашему, а не по-вашему*”.

Тогда, наконец, пять человек поехали в Петербург и явились в канцелярию бывшего тогда министром внутренних дел Лорис-Меликова, откуда были препровождены к тогдашнему петербургскому градоначальнику Н. М. Баранову, который допросил их всех по одиночке и, в ожидании резолюции, велел ходить к себе каждый день. Через восемь дней крестьянам *было сказано, чтоб они ехали домой, что, по воле Государя Императора, для расследования их дела назначена особая комиссия.*

Действительно, месяца через два прибыла на место комиссия. Дознание продолжалось 18 дней. Затем крестьяне имели счастье услышать, что они правы в своем деле, что все ими заявленное подтвердилось и что дело пойдет в Министерство юстиции.

Но и после расследования комиссии никаких перемен к лучшему в ходе местных дел не произошло. Положение крестьян-жалобищиков стало еще тяжелее, всякие каверзы против них только усилились. Терпеть и ждать стало невозможно. Несколько человек и в числе их бывший преображенский гвардеец вновь едут в Петербург искать защиты. Являются, прежде всего, к одному высокостоящему лицу, под начальством коего служил прежде преображенец. Заявления крестьян были выслушаны, после чего крестьяне были препровождены к тогдашнему министру внутренних дел, графу Игнатьеву, который все у них выпросил, велел написать, с их слов, протокол и пригласил, по их просьбе, Писарева, расследовавшего дело, которым при этом была подтверждена справедливость крестьянских заявлений.

Эта поездка крестьян в Петербург не осталась без результатов: вскоре за тем и губернатор, и уездный предводитель, и неперменный член, и жандармский капитан, и исправник, и становой были сменены (говорят, будто исправника приютил в своем имении смененный губернатор, а становой состоял помощником исправника в другом уезде той же

губернии). Но всеми этими мерами укоренившееся зло не могло быть исправлено. Покровитель Соловьевых, Богдановичей и Страховых, ех-адвокат перестал быть предводителем, но остался влиятельным соседом в пяти, шести верстах; остались на своих местах и прежние, воспитанные своими руководителями, сельские власти. Притеснения крестьян-жалобщиков продолжалось по-прежнему. Волостной суд стал бить их по карману, налагая на них пени и присуждая их ко взысканию, а на волостной суд управы нет. Излюбленные Соловьевым и компанией судьи могут делать что хотят: это-де суд крестьянский.

Терпели около года, а затем поехали с просьбой уволить старшину к новому губернатору. Губернатор принял их сурово.

Встреченные в своем селе злорадными насмешками торжествующей партии, жалобщики, летом 1882 года, вновь поехали в Петербург, но толку не добились. Вскоре, по возвращении домой, они вновь обратились к губернатору, посетившему их местность. Жалобщики подали ему прошение с изложением всего дела и всех притеснений. Не прочитав прошения и до половины, губернатор вышел из себя, разорвал просьбу на четыре куска и бросил при всех под ноги.

После этого крестьянами было послано по почте из Москвы новое прошение к министру внутренних дел, последствием чего было предписание сменить старшину Б-ской волости. Смененный старшина продолжал, однако, оставаться при должности почти до лета нового года и против правил принял на себя руководство новыми выборами. На это была принесена жалоба в уездное присутствие, но тотчас же возвращена без последствий. В результате оказалось, что выбраны прежние выборщики и прежние судьи, старшиной стал его первый кандидат, а первым кандидатом второй. В общем, состав сельского управления остался почти тот же, который был подготовлен проживавшими в той местности около года прежними бежавшими волостными писарями и их компанией.

Перед выборами в волостном правлении произошел пожар, точнее, три одновременные пожара: сгорели бумаги на столе и на шкафах в трех противоположных местах, причем один огонь с другим не соединялся.

Это было точно. Что же? Кончилась ли этим мартирология крестьян Б-ской волости? *Четыре с лишком года они сначала боролись с злоумышленной пропагандой, а затем тяжело заплатили за свою ревность в борьбе.* Каково было людям зажиточным в крестьянстве, уважаемым в своем околотке, находиться в ежеминутной опасности быть засаженными в тюрьму, осрамленными телесным наказанием, исключенными из общества? Чего стоили им поездки в столицу, обивание порогов у разных властей, причем им приходилось бросать свои дела, нести тяжелые для крестьянина издержки, терпеть убытки! Вся беда в том, что эти люди вправду понимали долг верности Царю. Следовало бы ожидать, что, наконец, их оставят в покое, что впредь не будут уже придирааться к ним и тормозить их. Но вот что было далее.

Вышеприведенный рассказ появился в «Московских ведомостях» за десять дней до коронации. Некоторые из крестьян Б-ской волости, именно те самые, которых рассказ этот главным образом касался, рвались быть в эти торжественные дни в Москве и для этого обращались к волостному писарю за паспортами. Были, должно быть, опасения, чтоб они чего-нибудь еще не наговорили; паспорта волостным писарем не выдавались им под

тем предложом, что в волостном правлении не имелось паспортных бланков. Произошла размолвка, причем два брата крестьянина, просившие паспорт, обозвали писаря “социалистом”, за что тот подал на них жалобу мировому судье, который приговорил их к денежному штрафу и аресту, а мировой съезд, куда обе стороны апеллировали, усилил меру наказания, приговорив их к аресту на два месяца, хотя обвиняемые не отрекались от употребленного ими выражения и, опираясь на трех свидетелей, показали, что писарь, услышав о желании их ехать в Москву на торжество коронации, произнес слова, заключавшие в себе оскорбление Величества. Дело пошло на кассацию. *Сенат, отменив решение мирового съезда, передал дело в общие судебные места с тем, чтобы, буде следствие обнаружит к тому основание, подвергнуть обоих братьев-крестьян суду за ложный донос.* Первым делом следователя было засадить обоих братьев в кутузку!!..

На следствии оба брата настаивали на своем показании и дополнили его новыми о связи означенного писаря с Соловьевым, Страховым, Богдановичем (Кобозевым), ссылаясь при этом на свидетелей. *Свидетели эти спрошены не были*, показания их не были приняты; *судебная же палата*, вместо того чтоб усмотреть виновность писаря или же предать обоих братьев суду за ложный донос, *утвердила обвинительный акт, коим предаются суду их свидетели за лжесвидетельство, а сами они за подговор ко лжесвидетельству.*

Но если было лжесвидетельство, то значит был ложный донос. Почему же палата не предала обоих братьев суду за ложный донос? Быть может они доказали бы на суде, что донос их не был ложный и что они действительно имели основание назвать писаря “социалистом”, именно в том преступном смысле, в каком они это слово разумели. С другой стороны, есть хоть тень справедливости, сообразно ли с значением суда признать людей виновными в преступном деянии без судебного рассмотрения и не выслушав их защиты? Не тем ли гордятся нынешние судебные учреждения, что они доставляют всякому обвиняемому право защиты и без суда [не] обвиняют? Свидетели подверглись бы ответственности, когда прежде была бы доказана ложность самого факта. А если то, что показывают оба крестьянина, оказалось бы в сущности правдой, то где же преступное лжесвидетельство?

Обращаясь к здравому смыслу всякого беспристрастного человека: есть ли вероятие, что толковые крестьяне, безо всякого основания и повода обругали бы в сердцах кого-нибудь “социалистом”? Почему “социалист”? Но, скажут, они могли по личной злобе оклеветать человека ложным доносом. Нет, они бросили в него это слово не пред властями и не на суде, а в личной размолвке. Это не было доносом; это могло быть только оскорблением. Но какой смысл браниться безо всякого повода “социалист”? Стало оно доносом только будучи подтверждено ими на суде, к которому они были привлечены своим противником. Не очевидно ли, что прежде чем их свидетелей обвинять во лжесвидетельстве, нужно было рассмотреть на суде дело о ложном доносе?

Что же делает обвинительная камера? Прежде чем установлен главный факт обвинения, *она обезоруживает подсудимых, отнимая у них свидетелей, которых сажает вместе с ними на скамью подсудимых.* Если бы оказалось верным, что эти крестьяне убеждали свидетелей не кривить душой и показывать правду на суде, то разве это было бы преступным деянием?

Дело это вскоре должно рассматриваться в одном из окружных судов. Вот суду случай показать, что он умеет быть справедливым. Суд может, и должен, дать защите обвиняемых полный простор. Они не могут иначе оправдывать себя, как обвиняя своего противника. Не они привлекли его к суду; он преследует их. Пусть же суд даст им возможность изобличить его, если они обладают для этого уважительными доказательствами. Но есть ли раскрытие правды главное назначение и истинная задача суда?

Бог знает, впрочем, какое последует решение. Быть может этих людей, столько лет и с таким самопожертвованием, без всяких видов на какие-либо поощрения и награды, как это бывает в сферах повыше, – людей боровшихся в своей маленькой местности со злом, от которого страдала вся Россия, может быть их сошлют “в места не столь отдаленные”. Смеем думать, что судьба этих маленьких людей не безразлична для правительства. В их лице оно, именно оно, потерпит поражение и очень чувствительное».

Воскресенье 22 сентября

Сегодня заходит ко мне [А. Н.] Майков, бледный и расстроенный.

– Слыхали, говорит, что-нибудь?

– Ничего не слыхал.

– В «Nord Deutsche Zeitung»²³⁸ напечатано, что в Копенгагене стреляли в Государя, в саду, и попали в часы.

Я сделал все, что мог, чтобы успокоить и разуверить старика-поэта.

«Такие известия приносят счастье, – подумал я, – Тому, про Которого их сочиняют!» Но была еще тревога. В «Нов[ом] времени» появилась сегодня телеграмма из Асхабада, извещающая о взятии Герата англичанами и о какой-то 12 тысячной армии англо-индийской, появившейся под нашим носом! О первом известии ничего ни от кого не слыхал в течение целого дня; от второго известия, очевидно ложного, заболтали по всему Петербургу много.

Но разумеется вечером поздно пришла депеша из Лондона, назвавшая это известие «Нов[ого] вр[емени]» из Асхабада нелепостью.

Но вот что, увы, не нелепость – это общий говор, похожий на стон и вопль – по поводу страшного обмеления Волги, начинающего уже становиться угрозой всей торговле по Волге. И говор этот потому так громок, что доселе не принимается М[инистерств]ом путей сообщений никаких серьезных и радикальных мер против этого страшного, всей России грозящего бедствия. Этот вопрос, по отзывам людей, сведущих о нем, должен стать во главе всех насущных русских экономических вопросов для Министерства путей сообщений, и каждый пропускаемый им день только усиливает и увеличивает затруднения и расходы для будущего.

Понедельник 23 сентября

Дремота, царящая в Петербурге, не изменяется. Немного более толков о политике по поводу газетных статей, и больше ничего.

Нет и намек на серьезное мнение, нет и помину на то, что принято называть общественным настроением.

Скорее из Москвы веет серьезным. Там «Моск[овские] вед[омости]» довольно определенно высказались по болгарскому вопросу²³⁹: князь Болгарский должен быть генерал-губернатор[ом] Румелии, а Македония должна стать к Турции в те же отношения, как была Румелия после Берлинского трактата.

²³⁸ «Северо-германская общенемецкая газета» («Norddeutsche Allgemeine Zeitung») издавалась в Берлине в 1861–1918 гг.

²³⁹ Москва, 21 сентября // Московские ведомости. 1885. № 262. 22 сент. С. 2.

По-видимому это определено; но что помешает Сербии поднять знамя войны, с тайною поддержкою Австрии для приобретения Македонии? Достаточно этого, чтобы вспыхнул опять-таки пожар на всю ширь Балканского полуострова.

Все это так, но смею думать, что прежде всего хорошо было бы нам иметь на Черном море эскадру и транспорты на *всякий случай*. Мне кажется, что это важнее всего, ибо при нынешнем положении умов и фактов на Балканском полуострове верить в *прочность* какого-либо дипломатического разрешения вопроса – и в особенности в продолжительность *statu quo* какого бы то ни было – невозможно.

Час смерти Турции слишком явно приходит, чтобы можно было не тревожиться за участь Босфора и Дарданелл²⁴⁰.

А без флота в Черном море – если вспыхнет славянский пожар, мы проигрываем партию бесповоротно.

Кроме посылки туда судов, какое громадное экономическое значение для всего юга имело бы немедленное усиление судостроительства во всех портах Черного моря, где сие только возможно. Сколько тысяч рук получили бы заработок... И пришлось ли бы столько морских офицеров увольнять по цензу? Они понадобились бы...

Вторник 24 сентября

Интересный факт узнал от [П. А.] Грессера сегодня; интересный и отрадный; с тех пор, как студенты 1 курса надели мундир²⁴¹, ни одного студента не было за эти 1 1/2 месяца замешанного в какой-либо истории.

Курьезен и следующий факт: студенты старших курсов говорят: давно бы следовало завести мундиры!

А между тем боялись ввести форму! Чуть ли не революции опасались. Ввели, и не только никто не сопротивлялся, но огромное большинство отнеслось с сочувствием. О, если бы эту простую истину применяли ко всему – как было бы хорошо. Судебные уставы надо переделывать; бояться чего? Чуть ли не революции, если переделают. Несомненно, что если приступят к переделке уставов и к отмене суда присяжных просто и смело, и революции не будет, и все благословят правительство.

Нужно земство переделать. Бояться чуть ли не революции. А пусть решатся переделать, не только революции не будет, но все будут радоваться и приветствовать правительственную энергию.

И так во всем.

Грустные известия слышу о деятельности [Е. Е.] Картавцева. Он просто-напросто задался задачею всеми силами вредить дворянству, где только может. И как гадко и зло он это делает. Он узнает про имущественное положение, например, известного помещика, продающего землю крестьянам через посредство Крестьянского банка, и если помещик стеснен и беден, он бесцеремонно ломает договор помещика с крестьянами и предлагает помещику или 20 % меньше, или ничего!

²⁴⁰ Черноморские проливы Босфор и Дарданеллы занимали стратегически важное положение, обеспечивая проход из Эгейского в Черное море. Контроль над проливами принадлежал Османской империи. Постепенное ослабление Турции на протяжении XIX в. вызывало особенное беспокойство России, в том числе и в связи с неопределенной судьбой проливов в случае распада Османской империи. Забота о ее целостности с середины XIX в. стала одной из важных задач русской дипломатии. В русском общественном мнении популярным было и другое решение проблемы – путем присоединения проливов к России. Однако правящими кругами эта точка зрения отвергалась.

²⁴¹ По представлению министра народного просвещения 8 мая 1885 г. была вновь введена форменная одежда для студентов (Полное собрание законов. Собр. 3. Т. 5. 1885. № 2927. 8 мая).

№ 21

[4 ноября]

Всемилоостивейший Государь!

Осмеливаюсь прислать несколько набросков из Дневника за последние две недели.

В нем помещены и мысли, и слухи, и толки, и сплетни. Писал или, вернее, записывал как умел, не сочиняя, а просто; если глупо, простите; если что стоит Вашего внимания, тем лучше.

С благоговейною преданностью

Вашего Величества

верноподданный К. В. М

4 ноября 1885 года

[Дневник 21 октября – 4 ноября 1885]

Содержание

Понед[ельник] 21 октября Толки по поводу преинства гр. [Д. А.] Толстого.

Вторн[ик] 22 октября О взятках в судебн[ом] ведом[стве].

Среда 23 октября О питейном доходе.

Четв[ерг] 24 окт[ября] О Болгарии. Вестъ из Орианды.

Пятн[ица] 25 октяб[ря] Толки по пов[оду] приказа о князе Болгарском.

Суббота 26 окт[ября] Из рассказов вернувшегося из Болгарии русского офицера.

Воскрес[енье] 27 окт[ября] Слухи и толки.

Понед[ельник] 28 окт[ября] О Самодержавии.

Среда 30 окт[ября] Взгляд Т. И. Филиппова на вопрос болгаро-сербский.

Пятница 1 ноября Толки, сплетни и слухи.

Суббота 2 ноября По поводу палестинского вопроса. Б. П. Мансуров и беседа с ним.

Воскрес[енье] 3 ноября По пов[оду] войны *сербоболг[арской]*. Моя *idée fixe*.

Понедельн[ик] 4 ноября Мысли о *Балк[анском] вопросе*

Понедельник 21 октября

Был сегодня у знаменитого говоруна и оратора генерала [Е. В.] Богдановича. Среди многоречивых разговоров обо всем, он коснулся вопроса высших интриг.

– Какие интриги, – спросил я.

– Как? Вы не знаете? Ну полно.

– И первого слова не знаю.

И начался рассказ об интригах в высших сферах. Все сводится к вопросу о наследстве гр. [Д. А.] Толстого. Кому быть его преемником? Я на это говорю, что слава Богу, Толстой поправился.

– Катков это отрицает, – пренаивно отвечает мне собеседник, – он его считает умирающим! Ну так слушайте. Все сводилось к [М. Н.] Островскому: Победоносцев на него указывал. Ну-с, а потом Победоносцев перешел на сторону гр. Толстого и, разглядевши ближе, стал скептичнее относиться к достоинствам Островского. Тогда Катков сюда приехал, был у Островского и вынес впечатление, что Островский *ничего себе*, как кандидат на премьерство!

– Ну а Толстой кого же желает себе в преемники? – спрашиваю я.

– Как кого? Толстой желал бы *statu quo* с Ив[аном] Ник[олаевичем] Дурново.

– Как бы гораздо скорее не пришлось искать преемника Ивану Ник[олаевичу] Дурново, так как он положительно человек приговоренный к смерти, – говорю я.

– Да, ну уж не знаю.

И действительно, я не видел Дурново 2 недели и ужаснулся его опухшего и изнуренного лица. Доктор его [Ф. А.] Роцинин нашел опасное жировое наслоение в сердце, и не ему, а другим сказал, что если так будут продолжаться его занятия 18 часов подряд, то он не долго протянет, и может разом пропасть.

А граф Толстой, поправившись, рассчитывает на Ив[ана] Николаевича Дурново, чтобы ему заниматься меньше, а тому больше!

Все это неутешительно!

Видел [П. А.] Грессера сегодня, только что оправившегося от мучительного воспаления надкостной плевы в полости рта. Вот в его области есть утешительное. За 2 года Грессер выгнал из Петербурга до 18 тысяч бродяг и пролетариев, и в нынешнюю осень уже сказался результат его меры. Небывалое событие в Петербурге: теперь в самую скверную осень 500 незанятых кроватей в больницах, тогда как прежде в эту пору не хватало никогда кроватей! Из 300 тысяч рублей, отпускавшихся в его распоряжение на усиление больничных мест, он теперь не берет ни рубля!

Вчера он одержал блестящую победу над хлебными продавцами в розницу. Он уговорил их сбавить полкопейки с фунта хлеба и продавать по 2 коп., а не по 2½. После долгих прений и отнекиваний лавочники согласились.

Вторник 22 октября

Обвинение кронштадтского Головачева²⁴² в либеральном лагере приветствуется, как *триумф судебного правосудия*. 14 дней потешались над правительственным чиновником, осудили и довольны.

Но никто не задается вопросом, в сущности, довольно интересным: неужели в этом судебном ведомстве все честные аристыды²⁴³, и неужели за все время существования новых судов не было ни одного случая взяточничества, а если было, то как объяснить, что ни один чиновник судебного ведомства под суд за взятки не попал?

Это действительно курьезный вопрос. Но объясняется очень просто, хотя и неутешительно. Я лично знаю, например, четыре случая самого наглого взяточничества в суд[ебном] ведомстве, и если я знаю четыре, то вероятно каждый знает про один или два случая. А под суд никто не идет! А не идет потому, что Министерство юстиции приняло за правило уличенных во взяточничестве не только не отдавать под суд, но даже не увольнять от должно-

²⁴² Дело кронштадтского полицеймейстера П. Н. Головачева рассматривалось в уголовном департаменте Петербургской судебной палаты 8–19 октября 1885 г. Головачев обвинялся во взяточничестве и превышении власти, был признан виновным, приговорен к лишению всех прав и ссылке в Иркутск. Подробный отчет см.: Прокофьев В. Маленькая хроника. В судебной палате // Новое время. 1885. № 3454–3465. 9–20 окт.

²⁴³ Афинский полководец и государственный деятель Аристид (540–467 гг. до н. э.) отличался высокой честностью.

сти, а только перемещать из губернии в губернию. Взятки эти молодцы судебного ведомства берут крупные, но не иначе как в виде *ссуд* под векселя или расписки, никогда не уплачиваемые. В Пермской губ. не далее, как в прошлом году губернатор [А. К.] Анастасьев должен был донести министру юстиции, что прокурор в Екатеринбурге²⁴⁴ дошел до апогеи взяточничества и обобрал весь город взятыми займы деньгами. Его перевели товарищем прокурора в Московский округ. На Волыни несколько лет назад губернский прокурор задолжал несколько десятков тысяч. Все завопили, и стоны ограбленных дошли до М[инистерст]ва юстиции. Его переводят в другую губернию. В Москве был один судебный следователь; он брал с живого и с мертвого; это было несколько лет назад, когда прокурором был нынешний попечитель Московского учебного округа гр. [П. А.] Капнист. Молва в то время громко говорила, что судебный следователь брал и для себя и для своего принципала Капниста. Во всяком случае, что Капнист прикрывал своею властью безответственность судебного следователя, это все знали в Москве. Наконец дело доходит до скандала; следователь попадает; начинается следствие... Что же делает Министерство юстиции? Нечто невероятное; оно переводит или, вернее, переносит следствие в другой округ, чтобы там дать ему без огласки замереть... Почему? – спрашивали любопытные. А потому, отвечала молва, что при следствии обнаружилась прикосновенность Капниста, а Капнисту дают без шума улизнуть из судебного ведомства и устраивают ему местечко попечителя учебного округа. А что это вероятно, тому подтверждением может служить эпизод того же Капниста с знаменитым [Ю. С.] Нечаевым-Мальцовым уже теперь. Нечаев подал Капнисту прошение, в котором для своего ремесленного училища просит исходатайствовать права такие-то. Капнист с сочувствием отзывается на просьбу Нечаева, но не далее как на другой день просит у него займы 25 тысяч рублей, которые разумеется Нечаев ему не дает.

Среда 23 октября

Увы, не весело на душе, когда дотрагиваешься до какого-либо мира или вопроса, где запахнет веянием того времени, где все жило во имя измены Самодержавию. О, как велика еще и живуча эта вредная и губительная сила. Нет ведомства, где бы она не имела свое гнездо и своих фанатиков. Каются ли в заблуждениях прошлого эти люди теперь? О нет! Они упорно, последовательно, умно и настойчиво ведут свое дело, и добиваются самого ужасного: заставляют к себе привыкать, заставляют себя признавать нужными... Бунге без [Е. Е.] Картавцева, [Ю. Г.] Жуковского и К^{ии} теперь жить не может. [И. А.] Шестаков без [Н. М.] Чихачева немислим, Чихачев немислим без [В. А.] Обручева, а Обручев кто такое? Страшно вспомнить. Писал я сегодня статью о новых питейных правилах, имеющих быть примененными 1 января²⁴⁵. И для этого внимательно познакомился с этими правилами. Боже мой, в каком нехорошем духовном мире писались эти правила, сколько в них ловко маскированного злого умысла. Сколько обмана допустил Бунге ввести в эти правила. Обман сразу бросается в глаза. Говорят, что эти правила изданы с целью ослабить пьянство! Нет, увы, наоборот, в этих правилах умно, очень умно и искусно концентрировано все, что только может усилить пьянство, а с другой стороны все то, что может помешать чьим-либо усилиям противодействовать усилению пьянства!

Грустно, невыразимо грустно! Но что же делать, говорят мне, надо извлекать доход, надо помнить, что питейный акциз это один из главных доходов государства!

²⁴⁴ Прокурор Екатеринбургского окружного суда Михаил Андреевич Попов.

²⁴⁵ Речь идет о Правилах о раздробительной продаже напитков (Полное собрание законов. Собр. 3. Т. 5. 1885. № 2946. 14 мая). Их главным содержанием было не ограничение питейной торговли, а ее упорядочение для облегчения сбора патентов, а также переход от торговли на вынос к торговле «распивочно» – в помещениях трактиров, постоянных дворов и т. д. Важным нововведением было предоставление сельским обществам права запрещать виноторговлю. Подробнее см.: *Богданов С. В.* Государство в борьбе за трезвое общество в начале 1880-х – начале 1890-х годов // Вестник Тверского государственного университета. 2008. № 19. История. С. 56–73.

Нет, никогда с этим не соглашусь. Благодати Божией не может быть над государством, коего главный источник дохода – кабачная водка!

Тут и задумываться по-моему нельзя. Тут надо прямо и бесстрашно решиться с Божиею помощью противодействовать пьянству, хотя бы с уменьшением и значительным уменьшением акцизного дохода. Откуда же денег взять? Господи Боже мой, в том-то и горе, что есть откуда доходы брать, но там не берут. Мысль об уничтожении подушной подати²⁴⁶, представлявшей 50 миллионов, была, например, мысль из *того* лагеря. Кого ни спросишь из живущих в провинции, все говорят и говорили, что подушная подать никого не тяготила... Ее отменили, и тот лагерь, кто эту мысль изобрел, поневоле пришел к сознанию, что взамен подушной подати надо всеми мерами позаботиться об увеличении или по крайней мере о неуменьшении питейного дохода. А питейный доход разоряет народ духовно и материально!

Как же быть? Откуда взять другие доходы?

А увеличение тарифного налога, а увеличение табачного дохода²⁴⁷, а увеличение налога на все вина, а энергическое введение подоходного налога? Разве все это вместе не десятки миллионов?

Но в том то и беда, что с подоходным налогом медлят, потому что он требует усиленной и добросовестной работы! А ее не любят наши либералы. Да и то сказать, подоходный налог всем в карман заглядывает, он не мил богачам.

А по мне Бог благословил бы тот день, когда во главе правил о питейной продаже стояли такие статьи: 1) Правительство желает всеми мерами достигнуть ослабления и уменьшения пьянства в народе и всех гибельных его последствий для благосостояния государства и народа, и 2) правительство призывает всех и каждого по мере сил содействовать ему в достижении этой цели.

А рядом с этим, для возмещения имеющего произойти от уменьшения пьянства уменьшения питейного дохода, что могло бы помешать правительству, вопрос об увеличении доходов, или прямо вопрос о подоходном налоге, предоставить на предварительное обсуждение особо созываемых губернских комитетов, наподобие крестьянских комитетов, работавших до 1861 года, в состав которых вошли бы местные помещики, заводчики, купцы и правительственные должностные лица. Затем из этих местных работ могла бы образоваться работа для особого финансового комитета в Петербурге, с членами от правительства и от губерний. Независимо от вероятия, что вышла бы работа дельная, как такое общее дело оживило бы и пробудило Россию от апатии!

Были у меня сегодня гости. Старик генерал [И. М.] Геденов привез из клуба известие или слух о назначении [П. В.] Оржевского харьковск[им] генер[ал]-губернатором²⁴⁸, а [Н. А.] Безака на место Оржевского!

Другой гость рассказывал об отчаянии [М. И.] Кази в понедельник, когда ему сказали, что Императрица не будет²⁴⁹, и он букет, Ей предназначенный, поднес Вел. Кн. Марии Павловне. Императрица приезжает, а букет то один!²⁵⁰

²⁴⁶ Введенная в начале XVIII в. подушная подать, которой облагались податные сословия (крестьяне, посадские люди и купцы), составляла значительную часть государственного бюджета. Ее постепенная отмена началась в 1860-е гг., а закончилась 18 мая 1885 г., когда высочайше утвержденным мнением Госсовета было принято окончательное решение о замене подушной подати другими налогами с 1 января 1886 г. (Полное собрание законов. Собр. 2. Т. 5. 1885. № 889. 18 мая).

²⁴⁷ Табачный доход государства складывался из таможенной пошлины с привозного табака, патентного сбора на производство (с табачных фабрик) и продажу табачных изделий, а также из акцизного сбора, взимаемого по бандерольной системе. Эта последняя означала, что готовый табак определенного веса или определенное число штук сигар или папирос запаковывались в бандероли (при этом использовалась бумажная лента установленного образца) и производитель должен был оплатить акциз за каждую бандероль, причем сумма варьировалась в зависимости от сорта табака. Введение с 1 января 1883 г. нового Устава о табачном сборе (Полное собрание законов. Собр. 3. Т. 2. 1882. № 895. 18 мая) привело к увеличению табачного производства, так что акцизные сборы возросли более чем на 50 % (см.: Министерство финансов. 1802–1902. СПб., 1902. Ч. 2. С. 175).

²⁴⁸ Такого поста не существовало. См. также ниже дневник за 27 октября 1885 г.

²⁴⁹ В понедельник 21 октября 1885 г. на Балтийском заводе в присутствии нескольких высочайших особ, и в том числе

Я получать начал письма из провинции по поводу *новых питейных правил*. О них говорят с недоверием, с тревогою и с опасением за *усиление пьянства*. Новые эти правила, изданные 14 мая 1885 года и имеющие быть примененными с 1 января будущего года, действительно заслуживают особенного внимания. Благодаря летнему затишью, они проскочили в жизнь как-то незамеченно и тихо, и рассматривались-то они вероятно в Государственном совете во вторую половину его сессии, когда все спешат поскорее кончить множество оставшихся еще нерешенными дел, и, следовательно, вероятно не удостоены были в Государственном совете полной доли внимания. А есть о чем поговорить по поводу этих правил. Начать с того, что они разосланы были местам и лицам в провинции при особом циркуляре министра финансов. Какая цель была этого циркуляра? Цель его была разъяснить смысл и назначение этих *«новых правил»*. Из разъяснения видно, что главная цель *«новых правил»* – будто бы уменьшить злоупотребления и гибельные последствия для народа от пьянства...

Но интерес очевидно не в циркуляре, а в том, согласуется ли содержание *«новых правил»* с толкованием их в циркуляре, или, другими словами, правда ли то, что в циркуляре написано.

К сожалению, в *«новых правилах»* читатель не только не находит доказательства желания Министерства финансов уменьшить пьянство, но, напротив, он с сожалением убеждается, что если с какою-нибудь целью эти правила изданы, и будут введены в действие, то только лишь с тем, чтобы дать широкую возможность пьянству усилиться.

Да и то сказать, к чему тут объяснительный циркуляр? Если в *«новых правилах»* мысль правительства об уменьшении пьянства была ясна и точна, то разве понадобился ли циркуляр?

Очевидно нет! Да к тому же циркуляр, говорящий о каких-то идеальных и благолюбивых стремлениях, – прочтется немногими, а *«новые правила»* прочтутся всеми в России; циркуляр прячется под сукно, а *«новые правила»* начнут с января будущего года применять. Следовательно понятно, что вся суть дела не в циркуляре, а в самом тексте *«правил»*.

Это *ехидство* в полном разладе между пояснительным циркуляром и текстом *«новых правил»* явление характерное, весьма напоминающее, например – различие между тем как правительство взглянуло на вопрос о Дворянском земельном банке, и между развитием правительственной мысли деловым порядком опять-таки в Министерстве финансов! Сквозит чей-то замысел перечить намерениям и желаниям правительства.

И, вправду, если бы циркуляр Министерства финансов о *«новых питейных правилах»* согласовался с последними, то не в праве ли были бы все в начале этих правил найти статьи в роде следующих, например:

1) Правила имеют целью способствовать всеми мерами к уменьшению пьянства в народе, и всех гибельных его последствий.

2) Всякое сельское общество имеет право на сельском сходе большинством голосов воспрепятствовать открытию на своей земле каких бы то ни было питейных заведений.

императрицы Марии Федоровны, состоялся спуск броненосного крейсера «Адмирал Нахимов» и закладка минного крейсера «Ильин».

²⁵⁰ Далее следует вырезка из Гражданина: Дневник за 19 октября // Гражданин. 1885. № 84. 24 окт. С. 12–14.

3) Независимо от этих правил правительство ожидает от общества полного содействия к достижению главной цели: уменьшения пьянства и борьбы со всеми его видами...

Ничего похожего на такие постановления в Правилах 14 мая 1885 года не находится.

Совсем напротив. Подробное рассмотрение *«новых правил»* выясняет введение *новых начал* в питейное дело на Руси.

Первое новое начало: стеснение до крайних пределов *права* крестьянских обществ и земельных владельцев *не дозволить* открытия питейной продажи на своей земле. Даже более того: *«новые правила»* в принципе уничтожают существовавшее доселе право сельского общества давать или не давать согласие на открытие в границах его оседлости питейного заведения и освящают новые права каждого владельца усадьбы открывать заведения *без согласия общества*. (Ст. 27 пункт 2.)

Второе новое начало: установление такого процесса продажи и питья крепких напитков в деревнях, при котором оно обставлено большими удобствами, большим комфортом, чем прежде. Знаменитый питейный дом или каба́к заменяется, на основании *«новых правил»*, трактирным заведением с правом раздробительной продажи крепких напитков. Всякий, знающий мало-мальски деревенскую жизнь, понимает, что так как в большей части селений в России трактиров в смысле городском не имеется и долго еще иметься не будет, то, на самом деле, это новое начало, введенное *«новыми правилами»*, будет на практике означать, что новое питейное заведение преобразуется в трактир только для того, чтобы избавиться от тех ограничений, стеснений и неудобств, которыми прежним питейным уставом были обставлены кабаки или питейные заведения (одна комната, один выход, отсутствие мебели и т. д.). По смыслу *«новых правил»*, главное место в деревне для получения водки будет с будущего года так обставлено, что крестьянину не только будет *приятно пить*, но не пьющий получит возможность незаметно и исподволь *приучиться пить*.

Третье новое начало – ограничение возможности противодействовать пьянству.

В этом отношении *«новые правила»* и некоторые его статьи заслуживают особенно внимания... Я уже говорил о том, что *«новые правила»* отняли у крестьянского общества право давать свое согласие или несогласие на открытие в селе питейного заведения. Но затем идут дальнейшие, в связи с этим пунктом, главнейшие постановления.

Тут поистине интересно ехидство составителей или редакторов *«новых правил»*.

«Пункт 16. Заведения для раздробительной продажи крепких напитков вообще могут быть открываемы только в местах населенных».

Наивно и просто! Значит, в ненаселенных местах нельзя открывать, подумает читатель, и скажет спасибо хоть за это стеснение... Ничуть не бывало. Далее, в той же статье, сказано:

«Постоялые же дворы или корчмы могут быть открываемы и в ненаселенных местах, но не иначе однако, как на переправах, пристанях и проезжих дорогах (уст[ав] пут[ей] сообщ[ения], ст. 10), причем на проселочных и полевых дорогах раздробительная питейная продажа может

быть допускаема лишь по уважению особых местных условий, с утверждения губернского присутствия».

«*Особые местные условия*»! Поди-ка, разбери, что значит особое местное условие!

«*Пункт 29. Заведения для раздробительной продажи напитков могут быть содержимы как отдельными лицами, так и сельскими обществами*»!

Ясно теперь, почему у сельского общества отнято право налагать свое «veto» на открытие заведений... Оно само приглашено в кабатчики!.. Значит, там, где сельское общество держит трактир, кабак, там его интерес – усиление пьянства, и там всякая попытка противодействовать усилению пьянства – немыслима!

«*Пункт 54. Питейная продажа в трактирных заведениях, а также в постоянных дворах или корчмах не может быть воспрещаема в селениях, имеющих не менее 5000 наличных душ обоего пола, а из селений с меньшим населением – во всех базарных, торговых, промышленных и фабричных селах, а также при станциях железных дорог, у пристаней и перевозов больших рек, на проезжих трактах и вообще в местах значительного скопления или проезда посторонних людей*».

«*Пункт 55. Устройство временных выставок может быть разрешаемо только на ярмарках и в местах значительного временного стечения народа*».

Спрашивается: где же может быть воспрещаема питейная продажа, так как трудно себе представить селение, где бы не было базарного дня?

Но затем далее.

«Новые правила», после такого категорического определения, допускают, однако, право ходатайства сельских обществ о закрытии нового образца питейных заведений.

Но как? Здесь опять интересно ехидство редакторов текста «Новых правил».

«*Пункт 58. Сельским обществам селений, не подходящих под условия, указанные в ст. 54, предоставляется ходатайствовать о неразрешении в черте усадебной оседлости их селений как раздробительной питейной продажи вообще, так и одной только распивочной продажи*».

Что же оказывается?

Оказывается, что только те общества имеют право *ходатайствовать* о неразрешении открывать питейные заведения, которые не подходят под условия статьи 54. А под статью 54, как видно, подходят, может быть, 90 процентов всех селений в России...

Но и тут, заметьте, в пункте 58 не сказано, что сельское общество *может не разрешать* питейного заведения, а сказано, что оно может только *ходатайствовать о неразрешении*...

А что в этом огромная практическая разница, то сие доказывает несомненно *пункт 61*.

«61. Присутствие может отказывать в удовлетворении означенных в статье 58 ходатайств, если заявившие их селения имеют более 500 наличных душ обоего пола, или представленные ими ходатайства, по имеющимся сведениям, не вызываются стремлением противодействовать развитию пьянства».

Значит что же выходит? – Опять-таки ничего! Кто не знает, что селение с 500 душ не может не иметь базарной площади, следовательно не может не подходить под пункт 54.

А главное: как уследить, как доказать, что ходатайство сельского общества вызывается стремлением противодействовать развитию пьянства, если присутствию вздумается доказывать, что ходатайство *не вызывается* этим стремлением?

Затем далее. «*Новые правила*» устанавливают две инстанции питейных присутствий, уездное и губернское. С какой целью? – Очевидно, с целью ограничить свободу действий уездного присутствия, состоящего из людей, знакомых с местным бытом и нуждами своего уезда, таким учреждением, которое с тем и другим вовсе не знакомо, и будет смотреть только на вопрос с точки зрения фискального интереса.

О том, что эта догадка верна, можно с вероятием судить, например, по пункту 47.

«47. Уездным присутствиям предоставляется, по надлежащем исследовании, представлять губернскому присутствию о закрытии заведений для раздробительной питейной торговли, содержатели коих своими злоупотреблениями, хотя бы на суде и недоказанными, вызовут общее неудовольствие местных жителей. Такие заведения закрываются по распоряжению губернского присутствия».

Ясно, что «*новые правила*» не доверяют уездному присутствию власти закрывать заведения, не взирая на то, что последние гораздо компетентнее и заинтересованнее в этом вопросе губернских присутствий. Следовательно, опять-таки незаметное противодействие возможности бороться с пьянством...

Еще яснее это видно в тексте пункта 45.

«45. Общества трезвости, приходские попечительства и братства, церковные советы, а также частные лица, которые пожелают содействовать обнаружению допускаемых виноторговцами нарушений, могут заявлять о таких нарушениях учреждениям и лицам, на коих возложен надзор за производством питейной торговли».

Кто знает деревенскую жизнь, тот поймет, какая насмешка заключается в пункте закона, дающем обществу трезвости право заявлять о нарушениях питейных правил акцизному ведомству (не нарочно ли оно не названо в правилах и заменено просто: «*Лиц, на коих возложен надзор за производством питейной торговли*»!!!). Воображаю священника, выступающего против кабатчика своего села с доносом к акцизному чиновнику, и то, что из этого доноса выйдет...

На этом останавливаюсь пока... Довольно и сказанного, чтобы навести на вопрос: не тяжкий ли грех лукавства приняли на свою душу относительно бедной России составители «*новых правил о питейной торговле*»?

Четверг 24 октября

Сегодня главное событие дня это приказ об исключении князя Болгарского из списков русской службы²⁵¹. Везде слышал отзывы сочувствия этой мере. Сегодня в «*Нов[ом] времени*»

²⁵¹ Александр Баттенбергский был произведен в генерал-лейтенанты русской службы в 1877 г. и тогда же назначен шефом 13-го стрелкового батальона, который стал называться 13-м стрелковым имени его высочества Князя Болгарского батальоном. 22 октября 1885 г. приказом по военному ведомству Александр III исключил Александра Баттенбергского из списков русской армии, и 13-му батальону было возвращено прежнее название (Высочайшие приказы по военному ведомству // Правитель-

появилась интересная беседа корреспондента с митрополитом, бывшим членом депутации, ездившей к Государю в Данию²⁵². Интерес этой беседы заключается в том, что причину скверного духа в болгарской интеллигенции, духа безбожия и нигилизма, охватившего все слои и все возрасты болгарской интеллигенции, он, митрополит, между прочим относит и к русским. Это весьма грустная, но истинная правда. Болгария, по его словам, в эти годы видела близко таких русских, которые приезжали к ним как будто хвастаться и кичиться своим безбожием и нигилизмом и проповедовать ненависть к русскому государству, как к Православной Самодержавной Империи. Эти русские были первыми апостолами нигилизма в Болгарии, а вторыми апостолами явились болгары, воспитанные в России. Все они, без исключений, являлись в Болгарию без религии и грубыми материалистами. Науки они приобрели мало, а безверия и беспринципности много. Во главе таких питомцев русской школы был [П.] Каравелов!

Что будет с этою Болгариею? Безысходно мрачно ее будущее. Единственным противоресом растлению в Болгарии могли бы быть русские офицеры, но пока князь Александр там, не будет русских офицеров; вот почему так нужно казалось бы, именно чтобы вновь послать в Болгарию русских военных, изгнание князя Болгарского.

Положение наше трудное. [Н. К.] Гирс умное и меткое сказал на днях слово: «Le sangfroid de l'Empereur sauve la position...»²⁵³ Но боишься все минуты, и усложнений, когда хладнокровия не хватит в виду гадостей одних и безумия других.

Был у меня сегодня молодой князь [Э. Э.] Ухтомский, вернувшийся из Крыма. Он сын недавно умершего бывшего адъютанта В[еликого] К[нязя] Конст[антина] Николаев[ича]²⁵⁴. В Крыму В[еликий] К[нязь] пожелал его видеть. Он ездил к нему в Орианду, в его жилище о 3 комнаты. В кабинете, где его принимал В[еликий] К[нязь], Ухтомского поразила масса пакетов, писем, тетрадей и записок, разбросанных по столу. С первого же взгляда бросается в глаза огромная корреспонденция и масса материала для чтения. Характерно, что [А. В.] Головин выписывает «Гражданин» в 2 экземплярах. Мне говорили, что один он отсылает В[еликому] К[нязю]. Я способен этому верить, так как В[еликий] К[нязь] говорит Ухтомскому: «А ты не только литературою, но и публицистикою занимаешься!» Между тем Ухтомский пишет в одном только «Гражданине». Значит, он попался на глаза В[еликому] Князю!

Пятница 25 октября

Толки по поводу приказа о князе Болгарском все продолжают. Слышал суждения и против этой меры, которые не могу разделять. Суждения *против* исходят из мысли, что этим могут вызвать реакцию в пользу князя Болгарского со стороны всех тех держав, которые за него стоят прямо или косвенно. Эти державы могут теперь сказать России: вы уже его наказали сами, зачем же требовать его свержения. Я, признаюсь, этого мнения не разделяю. Князь Болгарский исключен из русской службы за преступления против Русского Государя, а свергнут он должен быть как нарушитель обязательств против Берлинского трактата!

Русские офицеры, вернувшиеся из Болгарии, появились сегодня на Невском проспекте. Многих озабочивает вопрос: подумали ли о русских нижних чинах в Болгарии; участь их там не завидна. Как бы на них не выместили болгарские мерзавцы своих чувств мщения относительно России. Очень жаль, что ничего об этом не печатается официального. Несомненно, что

ственный вестник. 1885. № 232. 24 окт. С. 1).

²⁵² В 1885–1886 гг. в «Новом времени» печатался цикл корреспонденций Е. Л. Кочетова из Болгарии и Сербии за подписью Русский странник. В данном случае речь идет о беседе с Тырновским митрополитом Климентом (Из Болгарии. София, 7 октября // Новое время. 1885. № 3469. 24 окт.). Разговор велся с глазу на глаз и был посвящен взаимоотношениям русских и болгар. Часть беседы опубликована не была, вместо нее редакция поместила отточия, объясняя это тем, то была «вынуждена» сделать это.

²⁵³ «Хладнокровие Императора спасает положение» (*фр.*).

²⁵⁴ Имеется в виду Э. А. Ухтомский.

подумали об обеспечении судьбы всех русских в Болгарии, а между тем отсутствие сведений об этом дает всяким кривотолкам пищу.

Еще мысль в ответ критикующим меру исключения князя Болгарского из службы. Это весьма умный шаг, чтобы *volens nolens*²⁵⁵ заставить все державы согласиться на требование России относительно удаления князя Болгарского. Если теперь найдутся державы, настаивающие на неприкосновенности князя Болгарского, невзирая на кару, ему нанесенную Русским Государем, то ясно будет, что такая с их стороны настойчивость уже получит характер прямо против Русского Государя направленной демонстрации.

Суббота 26 октября

Виделся сегодня с одним из вернувшихся из Болгарии офицеров, бывшим преображенцем Молоствовым. Он там командовал ротой. Подробности у меня записаны в Дневнике «Гражданина»²⁵⁶. Здесь записываю только в печать не подлежащее. Из его слов несомненно будто, что и в Болгарии, увы, плохо послужили интересам нашего правительства его дипломатические агенты; узнай они вовремя, предупреди они правительство вовремя, а узнать вовремя было не трудно 1) через умных лазутчиков, а 2) через болгар партии русской, – никакого переворота не могло бы быть по той простой причине, что русское правительство успело как раз вовремя принять меры к разрушению всей каравеловской интриги.

Но вот что еще важнее. Если, например, изумительно, что при князе Черногорском²⁵⁷ по странной случайности русским агентом является грек, тогда как там именно так был бы полезен честный, теплый, умный и настоящий русский, то как оказывается, болгарский военный министр наш генерал [М. А.] Кантакузен явил себя настоящим греком относительно русского Государя. Они, русские офицеры, убеждены, что хотя Кантакузен божится и клянется, что он ничего про переворот не знал, он на самом деле все знал и играл все время двойную игру... Уже тот факт, что за несколько время до переворота от него поступило в полки секретное распоряжение не давать отпуска офицерам, является почти несомненным и уличающим доказательством. А главное, что внушает русским офицерам убеждение в двуличности Кантакузена, это его дружба с [П.] Каравеловым. Уже это одно – факт сам по себе весьма некрасивый, хотя, к сожалению, он в наших интеллигентных нравах: кому, как не бывшему начальнику штаба жандармских войск дружить с предводителем нигилистов в Болгарии и врагов русского правительства?

Воскресенье 27 октября

От нечего делать Петербург сочиняет всевозможные слухи.

Прежде всего назначают [П. А.] Грессера, одни в Харьков на несуществующий генерал-губернаторский пост; другие – в Киев на место [А. Р.] Дрентельна, а последнего производят в попечители Цесаревича.

Это в одной области. В другой возвешают об уходе [Д. Н.] Набокова. В преемники прочтут странные имена морского генерал-прокурора [К. Я.] Яневича, барона [А. П.] Николаи, а другие – [Н. А.] Манасеина и [Э. В.] Фриша.

Если в этих слухах факт ухода Набокова верен, то самым трудным вопросом является вопрос о его преемнике. Надо прежде всего найти человека, преданного идее Самодержавия. И в то же время не политикана, то есть человека без политической тенденции и политических страстишек.

²⁵⁵ волей-неволей (*лат.*).

²⁵⁶ В печатном Дневнике Мещерский, не называя фамилии Молостова, передавал его рассказ о восприятии переворота в его полку, стоявшем на границе с Македонией, о готовности не только русских, но и болгарских офицеров и солдат следовать приказам не болгарского князя, а русского императора, о страхе местных жителей, что после ухода русских в Болгарию вернутся турки и «начнется расправа» (Дневник за 25 октября // Гражданин. 1885. № 85. 27 окт. С. 15).

²⁵⁷ Никола I Петрович-Негош.

Из называемых молвою двух приходится опасаться, это барона Николаи и Манасеина. Последний человек умный, но безмерно страстный и весьма демократического образа мыслей. С его назначением явилась бы *ненависть* к дворянству неизбежно в судебной области. О бароне Николаи и говорить нечего. Это человек умный, но головнинской партии. Есть прекрасный человек в судебном ведомстве, которого Бог весть почему менее ценят, чем других, далеко не стоящих его по честности и по опыту; к тому же это человек старых преданий, строгий и честный. Человек этот сенатор [М. Ф.] *Гольтгоер*. Это был бы надежный и хороший министр юстиции.

А не его, так я все-таки стоял бы на своем: уговорить К. П. Победон[осцева] принять Минист[ерство] юстиции, не оставляя Синода. Взял бы он себе для работы хорошего товарища по Минист[ерству] юстиции. А сам давал бы только тон и направление судебному ведомству, не оставляя благотворной деятельности своей по Синоду.

Еще ходит слух: будто [М. Х.] Рейтерн уходит, и на его место прочат графа [Д. А.] Толстого...

И еще слух, всех нелепее, тоже из Англ[ийского] клуба, что Делянов заступает на кресле министра нар[одного] просв[ещения] Катков.

Понедельник 28 октября

Иной раз и умные люди делают промахи непростительные. Делянов и осторожный и преданный человек; а какую он неосторожность и необдуманность себе позволил. Узнаю от А. Майкова, глубоко тем смущенного, что Делянов дал проникнуть в молву и в публику так сказать одно слово, начертанное Государем на докладе, где излагалась инструкция для университетских экзамен[ов] по новому уставу, для юридических факультетов. Против слов: «*Самодержавие есть источник всякой власти в России*» и т. д. будто Государь отметил слово: «*есть*» и сбоку написал: «*было*» и несколько восклицательных знаков.

– Это – ужасно, ужасно, – воскликнул дрожащим голосом старик Майков, – что Государь это мог написать, потому что если Он это написал, значит Он это подумал, значит это крик его души, значит Он не верит в Свою силу, значит Он додумался, дошел, страдался до этой роковой мысли, это ужасно, ужасно; но еще ужаснее то, что Делянов этому «*было*» дал огласку: если он порядочный человек и преданный человек, он должен был дожидаться возвращения Государя из Дании и просить Его позволения эту бумагу с этим словом никому на свете не показывать или просить Государя стереть это слово! И что же? Если я узнал, так значит и другие узнали... Ведь это сорвавшееся с карандаша слово, если не дай Бог пройдет в сферы, где твердо верят в Самодержавие, или в сферы врагов его, может первых довести до уныния, до отчаяния, а вторым придать бодрость и силу.

Слова старика звучали в душе моей как чистая и живая правда. Мы друг друга поняли, сказавши, что от нас обоих никто не узнает про это слово. Но какая вина ложится на Делянова, что дал этому слову разойтись по губам. Ясно, что у Государя оно сорвалось, как срывается слово в разговоре глаз на глаз, но разве все, что Государь говорит с глаза на глаз, может быть достоянием третьего лица?

Но Боже, неужели в самом деле Государь пришел к сомнению, что Самодержавие есть источник всех властей в России?

Ведь сомневаться в этом, значит сомневаться в России, значит мыслить о возможности гибели России. Россия только потому и для того и Россия, что она есть осуществление идеи Самодержавия. Царь несамодержавный в России не есть Русский Царь; его народ перестает быть русским народом. Его слуги – уже не преданные Ему, а враги Его поступают к Нему на службу, и Он должен вести Россию по их воле, а воля их – разложение и раздробление России, то есть ее смерть.

Напротив, никогда как теперь не возродилась к силе и к жизни идея о Самодержавии как о спасении России, и только захоти Государь – последние усилия к борьбе с Самодержавием в лагере либералов исчезнут, как дым.

Россию томит одна жажда – жажда по твердом проявлении Самодержавия.

Россию томит один страх: ослабления идеи Самодержавия сверху, равносильное вести о близкой ее кончине.

Среда 30 октября

Собралось у меня сегодня человек 15 гостей на мою среднюю чашку чая. Немало говорили о политике. Т. И. Филиппов очень ясно и выразительно изложил перед нами безысходную сущность балканского вопроса, поставив вопрос на его историческую основу. Со дня, когда Православная церковь перестала быть объединяющим для славянских народов полуострова духом, и русская дипломатия отделила от вопроса церкви вопрос политический, а Русская Церковь в свою очередь признала себя равнодушной к таким вопросам, как отдельные самозванные Румынская, Сербская и наконец Болгарская церковь²⁵⁸, с того дня балканские народы были потеряны для нас навсегда. Историческая правда говорит, что церковный и политический вопросы на Балканск[ом] полуостр[ове] – одно и то же; дипломаты их разделили, и что же случилось? Случилось то, что теперь уже мы видим слишком явно: разделившись на отдельные церкви, славянские народы в то же время возненавидели друг друга и отвернулись от России. Сербия отдалась Австрии, Босния и Герцеговина проглочены Австриею, а Болгария собирается отдаться Англии. Увы, всего этого не было бы, если [бы] Россия, внимая своему призванию, в союзе с Греческою Церковью предупредила бы разделение церквей и оберегла бы церковное объединение на Балканском полуострове!

Пятница 1 ноября

Курьезное время. Нет дня, чтобы кто-нибудь не пускал по городу рассказ о том, что побили того-то. За эту неделю пущено целых три рассказа; один о том, как ночью у ресторана Понсе несколько пьяных военных побили Грессера²⁵⁹; рассказ о какой-то офицерской драке в Кавалергардском полку и наконец рассказ о том, как побили командира Конно-Гвард[ейского] полка²⁶⁰.

Эти измышления – нехорошие признаки времени; они доказывают пустоту жизни с одной стороны, и огрубение инстинктов с другой стороны.

В то же время, как будто вследствие этого вымысла, того же Грессера назначают на три генерал-губернат[орских] поста разом. А это происходит несомненно от скрытого желания иных людей сжить и сбыть Грессера из Петербурга, благо он замечательно хороший градоначальник и очень нужное именно здесь, на своем месте, правительственное лицо.

Грешно заподозривать, но если бы мне сказали, что всех более желает сбыть Грессера отсюда [П. В.] Оржевский, я бы поверил.

Слышал сегодня много толков об уходе Набокова. Одни говорят, что Государь его в среду не принял, а принял только его бумаги, другие говорят, что его приняли на минуту только, и все толкуют о преемниках Набокова.

²⁵⁸ Мещерский имеет в виду выход из-под власти Константинопольского патриарха Церквей получивших независимость от Османской империи государств – одностороннее провозглашение автокефалии Румынской (1865) и Болгарской (1872) церквями, признанных Патриархией соответственно только в 1945 и 1885 гг., а также признание в 1879 г. автокефалии Сербской православной церкви, получившей автономию еще в 1832 г. Во всех этих случаях Россия, выступая за соблюдение соответствующих процедур, поддерживала стремление национальных церквей к независимости.

²⁵⁹ Ресторан Понсе – бывший ресторан Дюссо – находился на ул. Б. Морской, д. 11. Этому слуху и его опровержению Мещерский посвятил статью в своей газете: *Дневник* за 18 ноября // *Гражданин*. 1885. № 92. 21 нояб. С. 18.

²⁶⁰ Имеется в виду командир лейб-гвардии Конного полка К. А. Блок. А.А. Половцов характеризует его как «человека во всех отношениях пошлого, без всякого достоинства, прибегающего к денежным займам без отдачи у приятелей, и т. п.» (*Половцов А. А. Дневник государственного секретаря*. М., 1966. Т. 2. С. 420. Запись от 10 февраля 1892 г.).

Назвали сегодня нового, князя [А. К.] Имеретинского, и признаюсь, это назначение молвы нравится многим, и в самом деле, очень симпатично, хотя бы уже тем, что Имеретинский военный человек и является совсем новым элементом в ведомстве юстиции. Про себя говорю: дай Бог, чтобы сие было!

Суббота 2 ноября

Долго беседовал сегодня с Б. П. Мансуровым о Иерусалимском вопросе²⁶¹. На него напали с одной стороны Катков, с другой стороны Палестинское общество²⁶² и К. П. Победон[осцев]. Мансуров говорил с жаром и с энтузиазмом, и хорошо говорил. Предмет нападков на него – его стояние за Патриарха Никодима, тогда как оппоненты его считают Никодима скрытым врагом русских интересов в Палестине и виновником жалкого состояния православной паствы в Иерусалиме.

Я, признаюсь, скорее склоняюсь на сторону Мансурова. Греческое плохо, это правда; но оно есть что-то твердое, прочное и с прошедшим многих веков; а то, что предлагают взамен греческого, то на самом деле только фикция: арабский православный элемент слишком первобытен и неспособен из себя создать духовенство, хотя бы сколько-нибудь годное для сожития с католическим и протестантскими паствами; а русского элемента взамен греческого совсем неоткуда взять; для наших нужд в России неоткуда достать 10 архимандритов выдающихся, а где же взять для Палестины несколько сот духовных подвижников.

Я и в том согласен с Мансуровым, что напрасно и не политично поступило Палестинское молодое общество, сразу поставив себя в недружелюбные отношения к Никодиму. Напротив, ему следовало бы с избытком смиренномудрия снискать себе расположение Патриарха, и затем уже через это благорасположение идти к целям своим и искать влияния на него. А то теперь все между собою рассорились, и страдают прежде всего живые интересы нашей церкви в Палестине.

Пока мы беседовали, явился к Манс[урову] граф Толстой. Вид его мне очень не понравился. У него нездоровое лицо, хотя он говорит, что чувствует себя бодрым.

Воскресенье 3 ноября

²⁶¹ Б. П. Мансуров занялся палестинскими делами еще в 1850-е гг., когда служил в Морском министерстве. Глава этого ведомства, вел. кн. Константин Николаевич, стоявший в то же время во главе Палестинского комитета (создан в 1859 г.), поручил ему скупку участков в Палестине. Впоследствии Мансуров вошел в состав членов-учредителей Палестинского общества.

²⁶² Русское Православное палестинское общество возникло 21 мая 1882 г. Его целью была помощь русским паломникам как по пути в Святую Землю, так и непосредственно в Палестине и, шире, поддержание православия в Святой Земле и защита его от католической и протестантской пропаганды. Занималось Общество и изучением истории христианской Палестины. Председателем Общества стал младший брат Александра III, вел. кн. Сергей Александрович, что давало обществу возможность действовать без согласования своих акций с Министерством иностранных дел и Синодом и привело к натянутым отношениям с этими ведомствами. Вторым спорным вопросом была русская собственность в Иерусалиме и проведение раскопок на принадлежащих русским территориях. Это стало причиной серьезной размолвки Иерусалимского патриарха Никодима и Палестинского общества. Еще в 1859 г. русский консул приобрел для постройки здания консульства участок земли в непосредственной близости от храма Гроба Господня. Но строительство было отложено, поскольку на участке, как показали археологические разведки, находилось множество археологических древностей. Необходимо было провести систематические раскопки, однако денег на них не было. Ситуация изменилась с возникновением Православного палестинского общества. Результатом начатых вскоре первых масштабных русских изысканий в Палестине стало открытие Порога Судных Врат, через которые Христос шел на Голгофу. Для сохранения открытых древностей было решено построить над местом раскопок соответствующий архитектурный «футляр». Но турецкие власти и Иерусалимская патриархия начали подозревать, что русские собираются построить в непосредственной близости от храма Гроба Господня собственную большую церковь. Выяснение отношений заняло не один год: строительство нового подворья было начато только в сентябре 1887 г. Четыре года спустя, 5 сентября 1891 г., состоялось его освящение. Церковь во имя святого Александра Невского, возведенная непосредственно над Порогом Судных Врат, была освящена еще позже – в мае 1896 г.: патриарх Иерусалимский всячески затруднял и оттягивал открытие нового русского храма (см.: Лисовой Н. Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006).

Война объявлена²⁶³, это всеобщая тема разговоров. Характерно: оба полководца-владыки призывают в одно и то же время на помощь Бога и султана!

Есть такой толк: что будто эта война как будто по инициативе Австрии допущена державами как стимул для конференции: пускай дескать подерутся маленько, а затем Сербии дадут частицу Болгарии, а Болгарии частицу Румелии, и все успокоится. А Грецию как успокоить!

Все это так.

Но у меня лично одна *idée fixe*²⁶⁴, которая меня мучит и днем и ночью: как бы Англия не сделала переворота в Константинополе и не купила у султана *проливов*, чтобы нас запереть в Черном море. Бунге назвал бы сию мысль сумасшедшею, но будь я распорядитель судеб России, я бы на 8 или 9 миллионов прекратил крестьянам ссуды для покупки земель, и эти 9 миллионов немедленно употребил бы, пока Англия еще не упредила нас, на покупку тайно у султана *проливов*. Я убежден, что султана и его министров можно, ловко поведя дело, на эту штуку подкупить.

Понедельник 4 ноября

Газеты мало приносят новых и умных мыслей на счет балканских событий. Начинает звучать как будто позыв к воинственности в петербургской сплетне: «*Новое время*». Слышится как будто первое слово о том, что и нам вмешаться надо.

Но так ли? Чего желать?

Спрошенный по совести и взирая на общее состояние уныния и застоя в России, я бы сказал: от деятельного вмешательства в славянскую распрю России, ей хуже не будет; напротив, может быть лучше от внезапного пробуждения жизни и подъема духа. Тогда программа действий рисуется сама собой. Неудача конференции; Россия не встречает в своем желании восстановить *statu quo ante*²⁶⁵ сочувствия и содействия всех держав, вследствие этого ее собственные интересы ее вынуждают действовать самостоятельно и ввиду усложнений возобновить оккупацию Болгарии и в то же время послать ультиматум Сербии немедленно вызвать войска из Болгарии и прекратить безумный бой. В случае неисполнения Сербией требования России, принудить ее к тому силою.

Но все это решительно, быстро и смело – имея в виду и войну с Австриею, хотя есть основание предвидеть, что если Россия немедленно пошлет строжайший ультиматум Сербии, с угрозою, Австрия не решится из-за этого на войну с Россиею, и Сербия должна будет уступить.

Но есть и другая программа. Она мудрее. Совсем бросить славянские народности на произвол их междоусобия и на съедение Австриею. Австрия пусть заменит Турцию. Рано или поздно и Австрия подавится славянами, и славяне прибегнут к нам... Но это не иначе, как завладев проливами. Проливы турецкие должны быть наши. Без этого мы пропали. Отчего не попробовать их приобрести деньгами и тайком. Есть умный человек, египетский [М. А.] Хитрово; отчего бы не вызвать его и не поручить ему устроить это дело в Константинополе, прежде чем Англия это сделает. Заключить секретный договор и тайком послать в форты проливов русских офицеров и унтер-офицеров, а рядовые могли бы остаться пока и турецкие... Это кажется сумасшедшею мыслию, но в политике нередко сумасшедшие мысли по своей смелости – оказываются самыми пригодными...

²⁶³ Мещерский имеет в виду войну между Сербией и Болгарией, вспыхнувшую вскоре после объединения Болгарии. Инициатором ее был сербский король Милан Обренович. Недовольный усилением соседа, болгарского князя Александра Батенбергского, он заручился поддержкой Австро-Венгрии и 2 (14) ноября 1885 г. объявил Болгарии войну. Война оказалась неудачной для Сербии и закончилась Бухарестским мирным договором, заключенным 19 февраля 1886 г. на основании *status quo*.

²⁶⁴ навязчивая идея (*фр.*).

²⁶⁵ прежнее состояние (*лат.*).

Из газет видно, что Болгарию считают пешкою Англии, а Сербию пешкою Австрии. Мне сдается, что обеим очень хотелось бы втравить Россию; но потому-то и является вопрос: не будут ли они обмануты, особливо Англия, рассчитывающая, вероятно, нас отвлечь от Афганистана, – если мы не двинем пальцем, а все устремим на вопрос о проливах.

А затем я повторю в сотый раз: чье все это дело?..

Чье?.. Готов поклясться, что главный инженер и минер всего этого дела – Бисмарк...

Вот почему на план Бисмарка два ответа: или быстрая смелость, которую он от России не ждет, или полное безучастие, с мыслию о проливах и о быстрой постройке Черноморской эскадры.

Сейчас слышу о новом кандидате на преемство Набокову – [В. К.] *Плеве*! Так и вырвался при этом крик из души: не дай того Бог! Про Плеве одно все скажут: никто не знает: *кто он?* Это сфинкс, а это свойство всего опаснее. Эта таинственная личность была мила – [М. Т.] Лорису-Меликову, была мила [Н. П.] *Игнатьеву* и теперь мила [Д. А.] *Толстому*... *Cela ne dit que trop!*²⁶⁶

Да и зачем брать таинственных, когда такие личности, как [А. К.] Имеретинский и [М. Ф.] Гольтгоер ясны и надежны...

№ 22

[9 ноября²⁶⁷]

Всемиловейший Государь!

От всей души, как лучом солнца согретою, обрадованной и освещенной, благодарю Ваше Величество за милостивые строки!

Мне передано было приказание Ваше сообщить имя автора статей о цензе.

Почтительнейше прошу дозволения сообщить имя сие непосредственно Вашему Величеству. Писал эти статьи лейтенант Максимов²⁶⁸, в Кронштадте.

Но при этом дозвоьте, Государь, воззвать к Вашему милосердию и умолять это имя не сообщать И. А. Шестакову и Вел. Князю Алексею Александровичу. Наверное, ни тот ни другой не захотят карать виновного, если Вы, Государь, милосердно простите, но под ними есть маленькие лица, которые незаметно и *à la longue*²⁶⁹ могут, если как-нибудь узнают, страшно наказать виновного и раздавить офицера.

Все это ряд несчастных сплетений. Мой помощник [Ф. Н.] Берг принял эти статьи и он же просил Максимова написать их, как бы для него, с тем, что он уже будет отвечать за них. Тот написал, совсем упустив из виду свою двойную ответственность. А Берг дал ему честное слово никому его имени не называть. Я же к несчастью ничего не знал про все это и просто

²⁶⁶ Это говорит о *многом*! (фр.).

²⁶⁷ Датируется по дневнику за 9 ноября 1885 г., в котором Мещерский упоминает об этом письме. Однако вопреки заявлению Мещерского Дневник к этому письму, по всей видимости, не прилагался, так как дневниковая запись за 9 ноября входит в состав крупного блока за 5–24 ноября (№ 23 в данном томе), имеющего авторскую общую нумерацию страниц.

²⁶⁸ Речь идет о статье «Мысли моряка о морском цензе», напечатанной в двух номерах «Гражданина» за подписью Н. (Гражданин. 1885. № 85. 27 окт. С. 7–8; № 87. 3 нояб. С. 8–10). За эту статью 6 ноября 1885 г. «Гражданину» было дано первое предостережение. Передавая этот эпизод в «Воспоминаниях», Мещерский называет другую фамилию – Конкевич. См.: Мещерский В. П. Воспоминания. М., 2001. С. 572–574. Морской офицер, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. А. Е. Конкевич в 1883 г. был уволен со службы «без прошения» в чине капитана 2-го ранга за злоупотребления, допущенные им в Болгарии, где после окончания войны он командовал военно-морскими силами (подробнее см.: *Рейтблат А. И.* Конкевич Александр Егорович // Русские писатели 1800–1917: Биограф. словарь. М., 1994. Т. 3. С. 57).

²⁶⁹ со временем (фр.).

принял статьи, не справившись: от кого. Говорю: к несчастью, ибо прямо скажу, что знай я, что статьи от служащего, я бы их не напечатал, держась сего принципа всегда. Теперь вышло ужасное положение. Виновный автор сознает свою вину и страшно поражен, он проходит через внутреннюю казнь, которая, ручаясь, его на всю жизнь впечатлит. Берг, связанный честным словом не говорить никому имя автора, не мог на мое требование не нарушить этого слова, а я, на предъявленное мне официально требование, не зная, как Вы, Государь, посмотрите на это все, из страха огласить имя виновного, решаюсь непосредственно все открыть чистосердечно Вам одним, о чем сообщил конфиденциально гр. [Д. А.] Толстому.

За сим остается мне только умолять Ваше Величество во имя праздника 14 ноября простить милосердно виновным, в уверенности, что это милосердие падет на благодарную почву и принесет плоды!..

—

Затем еще моление. Удостоите, Государь, прочесть в прилагаемом Дневнике «Гражданина» о памятной книжке Моск[овской] военно-фельдшерской школы!²⁷⁰ Уверен, что она Вам понравится. А если понравится, то умоляю, не признаете ли нужным, [послать] по экземпляру выписки (нарочно прилагаю два экз.) один военному мин[истру]²⁷¹, а другой Делянову, с тем, чтобы оба завели такие памятные книжки в учебных заведениях, с приспособлением сообразно заведению. Я твердо убежден, что такая памятная книжка может прекрасное иметь действие на молодежь!

Ваш, Государь, преданный беспредельно верноподданный

К. В. М.

P. S. А если неудобно посылать самые листы № «Гражданина», то может быть возможно было бы просто обратить внимание обоих на *Памятную Книжку Моск[овской] военно-фельдшерской школы*.

№ 23

[Дневник 5–24 ноября 1885]

Вторник 5 ноября

На Невском проспекте встречаю нашего начальника [Е. М.] Феоктистова; он отводит меня в сторону и сообщает мне весть о предстоящей «Гражданину» каре и о гневе Государя, коему [И. А.] Шестаков принес жалобу по поводу статей о морском цензе²⁷². При этом он указал мне на конец второй статьи, где помещены особенно резкие выходки. Сегодня же вечером получаю записочку от К. П. Поб[едоносцева] с известием об уходе Набокова и о предстоящем «Гражданину» предостережении! Испытал сильную досаду. Конец статьи, увы, мною прочи-

²⁷⁰ Упомянутая статья в архивном фонде отсутствует. Мещерский имеет в виду Дневник за 6 ноября (Гражданин. 1885. № 89. 10 нояб. С. 10–13). Подробнее об этом сюжете см. рукописный дневник за 9 ноября 1885 г. в настоящем томе.

²⁷¹ Военный министр П. С. Ванновский.

²⁷² Мысли моряка о морском цензе // Гражданин. 1885. № 85. 27 окт. С. 7–8; № 87. 3 нояб. С. 8–10. Предостережение за эти статьи было дано 6 ноября 1885 г. Эта статья, писал в обосновании запрета номера «Правительственный вестник», «явно извращая смысл закона, стремится подорвать уважение к нему» (Правительственный вестник. 1885. № 244. 7 (19) нояб. С. 1).

тан только сегодня; он действительно резок и неприличен: я понадеялся на [Ф. Н.] Берга, сам в мигрени не прочитал его, и вот. После этого говорят о возможности уезжать куда-нибудь для отдыха, когда и десятка строк я не могу поверить другому! Больше всего гнев Государя за чужую вину!

Когда я узнал подробности, на сердце легла заноза против Шестакова. Что он прав в своем негодовании и в праве требовать кары для меня, это несомненно, но хорошо ли он поступил, принеся свою жалобу Государю, а не министру внутренних дел. Государь слишком высок для такого будничного вопроса печати; в принципе слишком много чести журналисту, как мне кажется, и как бы недостаточно уважен престиж Царского деловедения. Только тогда восходили до Престола жалобы или претензии на печать, когда редактор являлся явным возбудителем к ненависти к Власти и к порядку. Да отчасти и недоверие морского министра к министру внутренних дел тут сквозит: ведь от него исходит инициатива преследования.

Совершилось! Набоков стал преданием! [Н. А.] Манасеин на его место! В Министерстве юстиции переполох, картина человечества: все бросили в миг любимцев Набокова и бросились к любимцам Манасеина, то есть к тем, которые ездили с ним на ревизию в Остзейский край²⁷³.

Среда 6 ноября

Сегодня были гости у меня на моем вечернем собрании. Главные предметы толков были: новый министр юстиции. Главным героем был К. П. Победоносцев, так как все полагают, что Манасеин будет так сказать руководим первым, и тем, кто его рекомендовал Государю и принял так сказать за него нравственную ответственность.

Курьезные явления, сближение великого с смешным. Чайковский, брат музыканта, говорил мне, что первую, сообщившую ему слух об уходе Набокова, была его кухарка, а та услышала об этом в зеленой лавке, где при ней *предусмотрительный* лавочник отказал отпустить повару Набокова в кредит, по той причине, «*что барин его ноне не министр*».

— А ведь как просто, взяли и сменили... сменили и назначили другого, и ничего не шлохнулось, — говорили сегодня у меня.

И действительно. Все почувствовали акт Царевой воли и Власти, и приняли его с удовольствием.

Да, с удовольствием, говорили у меня, именно с удовольствием. Ничто так не радует душевно, так сказать, теперь, как проявления Царского хотения... Они нужнее всего, нужны как воздух, как вода, словом, как стихии... Нынешняя апатия есть именно отражение жажды по Власти...

Тот же Конст[антин] Петров[ич Победоносцев], давно ли он сам, как бы дыша этим воздухом петербургской слякоти, говорил: «Да, сменить легко, а кого назначать, как бы хуже не было...» А ведь только пришел час Царского решения, взяли да сменили, да мало того, явились сейчас не один, а несколько хороших кандидатов на замещение.

Как нарочно видел сегодня утром почти сумасшедшего от горя от морского ценза, капит[ана] второго ранга Воронова, командовавшего «Вел[икий] Кн[язь] Алексей» в охране²⁷⁴. Его исключили по цензу. Он рыдал, как ребенок. Ведь это севастополец, и раненый, ведь он служил в охране; отчего бы не поступить с ним помягше, хотя бы предупредив...

Притом, говорят моряки, охранная служба требует, чтобы как можно менее сменяли с ней и как можно менее назначали новых! Что бедный Воронов сопьется с горя, это несомненно.

²⁷³ С января 1882 г. по октябрь 1883 г. сенатор Н. А. Манасеин производил ревизию Лифляндской и Курлянской губерний.

²⁷⁴ Созданная во второй половине 1881 г. Морская охрана отвечала за прикрытие прибрежной линии в Ливадии и Петергофе от возможного проникновения террористов, конвоировала и охраняла царские яхты во время морских переходов и дипломатических визитов (см.: История государственной охраны России. Собственная Его Императорского Величества охрана. 1881–1917. М., 2006. С. 352–353). «Великий князь Алексей» — пароход.

Четверг 7 ноября

Первое впечатление дня. Выхожу из спальни и в приемной гостиной застаю чиновника с листом бумаги.

– С неприятною бумагою, – говорит он мне, подавая копию с предостережения.

Я на особом листике должен был расписаться: «Первое предостережение получил такой-то».

– Много правды в этих статьях, – сказал мне чиновник, седой старичок, – одно жаль, что резко.

– Да, – ответил я, – и я жалею.

В утешение зато вечером приехал приятель [В. А.] Вилламов, обедавший у Бобрикова²⁷⁵ и рассказывавший, как приехал туда [М. Г.] Лерхе, с № «Гражданина», и говорит: «Молодец “Гражданин”, джентлемен, сейчас видно; как он бранил [Д. Н.] Набокова; Набоков пал, посмотрите, как он про него написал, прелесть...»²⁷⁶

Действительно, утешился этим известием. Так редко в жизни приходится слышать слова ободрения, точно их нет на сердце у людей.

Этот эпизод у Бобрикова невольно напоминает мне другой, печальный, и глубоко печальный. Нынешним летом на пароходе в Арханг[ельской] губ. передавали мне, что в разговоре при Вел. Кн. Влад[имире] Ал[ександровиче] и с ним о газетах, когда кто-то упомянул о «Гражданине», Вел. Кн. сказал, что он *не уважает эту газету*.

Редко в жизни я испытал такое болезненно грустное впечатление! За что он меня оскорбил, что я ему сделал, не видел его в лицо более 10 лет, и зачем так оскорбительно отзываться о журнале, которому даже злейшие враги не могут отказать в уважении. Я не прохожимец, я имя свое не загрязнил, я служу правде, как могу, как умею, за что же про единственный орган в Петербурге, который беззаветно предан интересам правды, порядка и Власти и неподкупен, из всех слов выбрать для отзыва об нем в устах Государева брата: «Я его не уважаю...» Ведь неуважать можно только бесчестное. Глубоко впечатленный, я написал теплое, сердечное письмо Вел. Князю, письмо упрека. Но, разумеется, он даже не прочел его вероятно.

²⁷⁵ Кого из братьев Бобриковых, Георгия Ивановича или Николая Ивановича, имеет в виду Мещерский, установить не удалось.

²⁷⁶ В статье «Новый начальник юстиции» (Гражданин. 1885. № 88. 7 нояб. С. 2) уходящий министр Д. Н. Набоков характеризовался как добрый и справедливый человек, борец за неприкосновенность судебных учреждений, отставка которого связана с тем, что идея, которой он служил, стала непригодной. Не пожелав изменить своим убеждениям, писал «Гражданин», Набоков сходит с политической арены «как воин, с оружием в руках».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.